

А.И.Юдин,
А.Д.Матюхин

Раннесрубные
курганские
могильники
Золотая Гора и
Кочетное

Научно-производственный центр по историко-культурному наследию
Саратовской области

А.И. Юдин, А.Д. Матюхин

**РАННЕСРУБНЫЕ КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ
ЗОЛОТАЯ ГОРА И КОЧЕТНОЕ**

«Научная книга»
Саратов 2006

УДК 930.26 (470.44)"637"
ББК 63.4 (235.54)
Ю 16

Юдин А.И., Матюхин А.Д.
Ю 16 Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное.- Саратов:
Изд-во «Научная книга»,
2006.- 116 с.: ил.
ISBN 5-9758-0141-9

В монографии впервые в полном объеме вводятся в научный оборот материалы курганных могильников Золотая Гора и Кочетное, исследованных авторами в Саратовском Поволжье. Погребальные комплексы могильников характеризуют ранний этап развития срубной культуры Поволжья и культурные связи срубных племен с населением сопредельных регионов. Анализ погребального обряда и инвентаря показал культурную преемственность с предшествующим населением катакомбного культурного круга. Могильники Золотая Гора и Кочетное подтверждают существование нескольких культурных типов памятников на раннем этапе срубной культуры.

Ил. 29. Табл. 3. Библиогр: 147 назв.

Р е ц е н з е н т:

Кандидат исторических наук *В.А.Лопатин*
(Саратовский госуниверситет)

УДК 930.26 (470.44)"637"
ББК 63.4 (235.54)
Ю 16

ISBN 5-9758-0141-9

© Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе вводятся в научный оборот материалы двух курганных могильников, исследованных авторами 1990 и 1992 гг. (Золотая Гора в лесостепном Правобережье и Кочетное в степном Заволжье). Материалы этих могильников представляют несомненный интерес в плане характеристики раннего этапа срубной культуры и проблемы ее формирования. Это два закрытых и информативных комплекса, сооруженных за короткий временной отрезок, отражающих социальную стратификацию общества и хорошо увязывающихся с блоком синхронных культур начального этапа поздней бронзы степей Волго-Уралья и Волго-Донья.

По итогам анализа материалов могильников Золотая Гора и Кочетное и новых комплексов раннесрубного и предшествующего времени предпринимается попытка выяснения культурной основы, на базе которой сформировалась срубная культура Нижнего Поволжья.

В работе рассматриваются памятники, расположенные в северной части Нижнего Поволжья. Правобережные районы Нижнего Поволжья относятся к Волжскому и Донскому речным бассейнам и находятся в лесостепной и степной зонах. Граница между степью и лесостепью здесь проводится по линии Романовка – Аркадак – Ртищево – Аткарск – Петровск – Татищево – Воскресенское и далее на север вдоль берега Волги до Самары. Эта граница достаточно условна – в бассейне Дона на границе степной зоны с лесостепной по долинам рек с севера на юг продвинулись северные лесостепные элементы (леса и луговые степи). В бассейне Волги по долинам ее притоков наблюдается обратная картина – здесь с юга на север продвинулись участки южных степей. Леса встречаются по водоразделам, долинам рек и балкам. Относительно Заволжья, на Правобережье более высокие водоразделы, значительна расчлененность территории сетью рек, оврагов и балок.

Заволжские районы чисто степные, расположены в пределах Сыртовой равнины, окаймленной с востока возвышенностью Общий Сырт и относятся к Волжскому и бессточному Камыш-Самарскому бассейну. Южная граница степной зоны также достаточно условна – по долинам рек далеко на север вклиниваются элементы полупустыни. Лесная растительность в Заволжье имеется только в долинах рек (Физико-географические..., 1961, с. 46-56). Таким образом, срубные памятники северной части Правобережья Нижнего Поволжья локализируются в лесостепной зоне, а срубные памятники Заволжья – в степной, что должно было в какой-то мере отразиться на процессах культурного развития населения.

Поскольку в дальнейшем будут затронуты проблемы формирования срубной культуры, представляется целесообразным коротко остановиться на некоторых вопросах историографии проблемы: о предшественниках срубного населения, о культурных влияниях и взаимодействиях, о культурных типах памятников в раннесрубный период.

Последнее становится особенно актуальным в связи с наметившейся тенденцией рассматривать почти все раннесрубные древности в рамках покровского культурного типа памятников или самостоятельной покровской культуры.

Проблема происхождения срубной культуры имеет обширную историографию и, тем не менее, еще далека от своего окончательного разрешения. Историография вопроса достаточно подробно изложена в совместной работе Н.Я.Мерперта, Н.К.Качаловой и И.Б.Васильева «О формировании срубных племен Поволжья» (1985) начиная с исследований П.С.Рыкова. Определилась тенденция изучать проблему сложения культуры в тесной взаимосвязи с социокультурными процессами предшествующего времени в отдельно взятых регионах, то есть, произошел отказ от теории единого центра сложения срубной культуры. Применительно к Нижневолжскому региону определено несколько точек зрения о подоснове и компонентах формирования срубной культуры, зачастую диаметрально противоположных, что нашло отражение в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская археология» и продолженной затем на Рыковских чтениях в г.Саратове и ряде работ исследователей в последние десятилетия.

В названной коллективной работе отмечается, что роль полтавкинского и абашевского населения в процессе формирования срубной культуры степного Поволжья неравноценна. Субстратом здесь выступают полтавкинские племена, а абашевские комплексы легли в основу культуры только в лесостепной зоне, но и здесь не были всеобъемлющими. Авторы синхронизируют позднеполтавкинские, раннесрубные и, частично, петровские комплексы (Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985, с. 20-23).

Аналогичная концепция излагалась и в работе Н.К.Качаловой и И.Б.Васильева. Авторы отрицали существование самостоятельной катакомбной группы на территории Нижнего Поволжья. По их мнению, собственно катакомбные погребения не превышают 1-3 % от всех погребений эпохи средней бронзы, еще 5-6 % приходится на смешанные полтавкинско-катакомбные памятники. Катакомбная керамика на поселениях встречается, преимущественно на Правобережье, а в Заволжье ее практически нет, хотя взаимодействие полтавкинского населения с катакомбным было постоянным. Субстратом в сложении раннесрубной культуры выступают полтавкинские племена и в значительной мере абашевские, при участии вольско-лбищенских, гундоровских, петровских. Но ведущая роль в процессе формирования срубной культуры однозначно отводится полтавкинскому населению. С ранним этапом срубной культуры синхронизируются предкавказская катакомбная культура и КМК (Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1989, с. 215-222).

Близка точка зрения на процесс сложения срубной культуры и у Т.М.Потемкиной. По материалам более восточных районов относительно Нижнего Поволжья сделан вывод о сосуществовании полтавкинского, абашевского, катакомбного и раннесрубного населения. Формирующей основой срубной культуры является полтавкинская культура при участии абашевской и катакомбной культур (Потемкина Т.М., 1990, с. 126-127).

Е.П.Мыськов все раннесрубные памятники разделяет на два типа: бережновский для южных степных районов и покровский для северных степных и лесостепных районов Поволжья, генезис которых различается. Применительно к южным степным районам Нижнего Поволжья он считает, что истоки срубной культуры следует искать не только в позднеполтавкинских, позднекатакомбных и потаповских материалах, но и в более древних раннеполтавкинских (Мыськов Е.П., 1993, с. 78-80).

Г.Г.Пятых в ряде работ не поддерживает теорию единого ядра первоначального сложения срубной культуры в Нижнем Поволжье и возможность культурной преемст-

венности между полтавкинской и срубной культурами на том основании, что между ними существовал абашевский пласт памятников. По его мнению, в срубно-абашевских памятниках уже присутствуют все основные характеристики срубной культуры. Особенно интересны замечания Г.Г.Пятыха о том, что погребения с безусловно инокультурными элементами, не получившими дальнейшего развития и в сочетании со срубными попой и ориентировкой, должны рассматриваться в рамках срубной культуры как переходные. Культура или культуры, от которых были унаследованы поза и ориентировка должны рассматриваться в качестве основы сложения срубной культуры. Основные характеристики срубной культуры унаследованы от катакомбных и, возможно, абашевских племен, а массовые факты наследования катакомбных признаков могут вызывать дискуссии только о механизме переноса этих признаков. Г.Г.Пятыхом отмечено, что в последнее время появились затрудняющие решение проблемы происхождения срубной культуры обстоятельства, характеризующиеся как «тенденция к исчезновению срубной культуры», когда начальный и конечный этапы существования культуры выделяют в самостоятельные культурные образования (Пятых Г.Г., 1983, с. 81-82, 91-92; он же, 1990, с. 113-117; он же, 1994, с. 14-17; он же, 2000, с. 11-25).

В.И.Мельник также считает, что в настоящее время нет фактов, свидетельствующих о прямом контакте полтавкинской культуры со срубной (Мельник В.И., 1985, с. 16).

По мнению В.В.Отрощенко наибольший вклад в сложение срубной культуры внесла абашевская, а решающая роль принадлежит культурам предсрубного горизонта. Полтавкинская и катакомбная культуры хронологически не стыкуются со срубной, между ними находятся памятники КМК и комплексы типа Потаповки. Покровский тип памятников однозначно относится к первому периоду срубной культуры (Отрощенко В.В., 1990, с. 107-111).

Постепенно за срубно-абашевскими памятниками закрепилось название «памятники покровского типа», а затем они стали рассматриваться в рамках самостоятельной покровской культуры (Малов Н.М., 1991; он же, 1992а; он же, 1993; он же, 1994; Кузьмина О.В., 1995). По мнению Н.М. Малова покровские памятники следовало рассматривать в ранге самостоятельного «культурного типа» и отнести к блоку синташтинско-петровских культурных групп (Малов Н.М., 1992а, с. 15). Дальнейшая судьба памятников покровского типа – это постепенная их эволюция в срубную культуру. Соотношение раннесрубных и покровских древностей постепенно претерпевает трансформацию. Первоначально признавалась синхронизация раннесрубных и покровских комплексов «в целом». В дальнейшем был сделан вывод о сосуществовании раннесрубных с позднепокровскими, хотя убедительных данных о возможности разделения покровских комплексов на ранние и поздние представлено не было. На начальном этапе формирования срубной культуры в ее культурогенезе активное участие принимали покровские и потаповско-синташтинские древности (Малов Н.М., 1994, с. 9).

После исследования Потаповского могильника в Среднем Поволжье была предложена несколько иная схема хронологического соотношения культурных типов при переходе от средней к поздней бронзе. Авторы исследования (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995, с. 36-37) не склонны синхронизировать потаповские и покровские комплексы и считают, что последние следуют за потаповскими, а в степной зоне существуют две самостоятельные линии культурного развития – раннесрубная бережновская и покровская.

Относительно роли покровских памятников не все исследователи склонны видеть только в них подоснову срубной культуры. Выше уже говорилось о точке зрения Г.Г.Пятых на попытку искусственно отсечь от срубной культуры ее ранний этап. Близкой точки зрения придерживаются О.В.Кочерженко и В.Н.Слонов. На основании типо-

логического анализа погребального обряда они определяют синхронность срубных и покровских погребений, а срубная культура формируется на основе местных культур эпохи бронзы. Покровская линия развития в рамках срубной культуры формируется на раннем этапе в результате проникновения северных племен (Кочерженко О.В., Слонов В.Н., 1991, с. 15-18). Против расширения понятия покровский культурный тип на все памятники раннесрубного этапа было высказано мнение и на конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы» в Саратове в 1995 году (Протоколы ..., 1995, с. 77, 78).

Оценивая изложенные точки зрения на проблемы формирования срубной культуры, мы можем выделить следующее:

1. Все исследователи, при рассмотрении проблемы сложения срубной культуры, так или иначе, затрагивают вопрос о месте покровских памятников в системе культур поздней бронзы, но единства мнений нет.

2. Не решен окончательно вопрос о формирующей основе срубной культуры Нижнего Поволжья.

Попытка выделения «чистого» раннесрубного (бережновского) хронологического горизонта успехом не увенчалась (Качалова Н.К., 1978), но предложено сохранить термин для раннесрубного населения южных районов Поволжских степей, в материалах которых не проявляются покровские элементы (Мыськов Е.П., 1991).

В.В.Отрощенко происхождение ранней срубной культуры связывает с продвижением синташтинских племен с востока, которое в лесостепном Волго-Донье смешивается с позднеабашевским или постабашевским населением, которое и легло в основу покровско-мосоловской срубной культуры. К западу и югу от Среднего Дона, где синташтинское влияние было ослаблено, на катакомбной основе складывается бабинская культура (Отрощенко В.В., 2003, с. 88).

На наш взгляд, сложившаяся ситуация объясняется, не в последнюю очередь, отсутствием в распоряжении исследователей полноценных источников в виде закрытых комплексов с широким набором датирующих предметов и полным спектром социально стратифицированных погребений, относящихся к начальному этапу срубной культуры в Нижневолжском регионе, и в тоже время не являющихся покровскими. Кроме того, при интерпретации ярких погребальных комплексов не всегда проводится граница между понятиями «социальный» и «культурный».

Собственная трактовка авторами соотношения покровских и срубных древностей будет предложена ниже, предварительные итоги анализа могильников опубликованы авторами ранее (Матюхин А.Д., 1992; Юдин А.И., 1992; Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996; Юдин А.И., 1996; он же, 1999; Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005). Нам представляется, что материалы могильников Кочетное и Золотая Гора послужат еще одним доказательством формирования срубной культуры на многокомпонентной основе, синхронности покровских и раннесрубных памятников и позднекатакомбном субстрате срубной культуры в северной части Нижнего Поволжья.

ГЛАВА 1. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОЧЕТНОЕ

Курганная группа из 13 насыпей находится в 8 км к востоку от с.Кочетное Ровенского района Саратовской области, на краю высокой (второй) надпойменной террасы левого берега р.Волги. Десять из них вытянуты неровной цепочкой вдоль края террасы, а еще три расположены немного западнее, на пологом склоне (рис. 1, 1; 2).

Насыпи курганов 1 и 2 задернованы и повреждены грабительскими раскопами, достигающими глубины 1,5 м. На вершине кургана 1 установлен геодезический знак. Другие 12 насыпей подвергаются интенсивной распашке, многие из них к моменту раскопок были почти полностью с nivelированы. Исследовано 9 насыпей, 5 из них сооружены в эпоху бронзы (№№ 5-7, 11, 12), остальные относятся к савроматскому и сарматскому времени и были опубликованы ранее (Матюхин А.Д., 1993, с. 158-169).

Курган 5

Диаметр кургана 28 м, высота 0,5 м. Насыпь сильно распахана, раскопки велись с помощью скрепера с оставлением центральной бровки по линии запад – восток. Сразу после снятия пахотного слоя в центральной части начали появляться пятна светлого материкового выкида. По мере снятия насыпи и приближения к верхнему уровню погребенной почвы, отдельные участки выкида слились в единый пласт, залегающий на погребенной почве.

Стратиграфия кургана:

1. Пахотный слой – черный гумус толщиной 0,3-0,4 м.
2. Насыпь – серый гумусированный суглинок максимальной толщиной до 0,35 м в центральной части кургана.
3. Выкид – светлая материковая глина с примесью комочков гумуса. Максимальная толщина – до 0,3 м – наблюдалась в бровке между погребениями 9 и 10.
4. Погребенная почва темно-серого цвета толщиной до 0,3 м.
5. Материк – светло-желтая глина.

После снятия насыпи на светлой материковой глине хорошо читались десять могильных пятен. Восемь из них составляли три ряда, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Северный ряд включает четыре могилы, центральный и южный – по две. Все они относятся к срубной культуре. Еще три погребения были впущены в насыпь позднее (рис. 3, 1).

Погребение 1.

Погребение впускное, детское. Обнаружено в 2,5 м к северо-востоку от условного центра кургана. Дно могилы едва достигало материка (-0,8 м от нулевого репера), очертания могильной ямы полностью не прослеживались. Ширина ямы 0,35-0,4 м, длина – как минимум 1,1 м. Могильная яма ориентирована по линии север – юг с неболь-

шим отклонением к западу в северной части. Большая часть погребения разрушена ногами грызунов. По сохранившимся костям правой ноги можно предположить, что умерший был положен вытянуто, на спине. В ногах погребенного лежал лепной глиняный сосуд с округлыми боками, плоским дном, хорошо выделенной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Обжиг неравномерный, цвет – от темно-серого до светло-коричневого. Неглубокие расчески образуют вертикальный елочный орнамент в верхней трети сосуда, подчеркнутый ниже горизонтальной линией (рис. 3, 2).

Погребение относится к сарматскому времени и датируется в пределах IV-II вв. до н.э.

Погребение 2.

Находилось в южном ряду срубных захоронений. Выкид из-за сильной распадаемости насыпи не прослеживался. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами имеет длину 1,05 м, ширину 0,65 м и ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад - северо-восток. Заполнение могилы состояло из черного гумуса, ближе ко дну встречались комки материковой глины. На дне могилы найдено несколько кусочков истлевшей древесины от упавшего перекрытия. Длинная юго-восточная стенка слегка нависала над ямой, в результате чего образовался небольшой подбой глубиной до 10 см. Глубина могилы почти 0,7 м¹. По сохранившимся костям установлено, что был погребен ребенок, на левом боку, сильно скорченно, головой на северо-восток. Перед грудью стоял лепной глиняный сосуд баночной формы с открытым устьем и слегка намеченной шейкой (рис. 4, 1). Тесто глины плотное, без заметных примесей. На светло-коричневой поверхности заметны следы неглубоких вертикальных расчесов².

Погребение 3.

Обнаружено в 1,2 м к северу от центра кургана. Погребение впускное, прорезает могильный выкид срубных захоронений. Могильная яма вытянутой подовальной формы размерами 2,4x0,9 м и глубиной 0,6 м ориентирована длинными сторонами по линии север – юг. Стенки могильной ямы сужаются ко дну, образуя узкую ступеньку почти по всему периметру на глубине 0,4 м от верхнего уровня материка. Заполнение ямы рыхлое, переработано норами грызунов, которые разрушили скелет погребенного: все кости перемещены в южную половину могильной ямы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Вероятнее всего, погребение относится к раннему железному веку.

Погребение 4.

Погребение занимает крайнее северо-западное положение в северном ряду могил. Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка округлыми углами и размерами 1,15x0,65 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Максимальная глубина могилы 0,65 м. На дне могилы, в ее центральной части, перекрывая кости скелета, лежали остатки деревянного поперечного перекрытия. Погребение сильно разрушено грызунами. По остаткам черепа и костей ног установлено, что это захоронение ребенка, положенного на левый бок, сильно скорченно, головой на северо-восток. На дне южной части могилы, между тазом и берцовыми костями, сохранился не потревоженный участок дна с остатками органической подстилки белого цвета, вероятнее всего, циновки из камыша. Между берцовыми костями ног и стенкой могилы был поставлен лепной глиняный сосуд.

Подострореберный сосуд асимметричен, внешняя поверхность покрыта неглубокими горизонтальными и наклонными расчесами (рис. 4, 2). Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до темно-серого.

¹ Все глубины могильных ям указаны от верхнего уровня материка. Размеры сосудов эпохи бронзы внесены в таблицу 1.

² Технические параметры срубной керамики могильников приведены в таблице 1.

Погребение 5.

Обнаружено в 3 м к северо-западу от центра кургана. Могильная яма подовальной формы и размерами 2,1x0,7 м длинными сторонами ориентирована по линии север – юг. Глубина могилы 0,45 м. На дне находился скелет взрослого человека, вытянуто, на спине, головой на юг, руки положены вдоль туловища. Между левым плечом и черепом, на дне могилы лежал небольшой комочек мела.

Погребение впускное, вероятнее всего, относится к среднесарматской культуре раннего железного века.

Погребение 6.

Занимает крайнее северо-западное положение в центральном ряду могил. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами 1,15x0,8 м ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. В верхней части заполнения встречались небольшие кусочки истлевшей древесины от поперечного перекрытия. Максимальная глубина могилы 0,67 м. На дне лежал скелет ребенка, черепом на северо-северо-восток, на левом боку, скорченно, руки согнуты в локтях, кисти рук – перед лицом. На некоторых участках дна сохранились остатки органической подстилки белого цвета. В юго-восточном углу могилы стоял глиняный лепной сосуд – высокая банка с прикрытым устьем, покрытая неглубокими горизонтальными и наклонными расчесами (рис. 4, 3). Тесто глины без заметных примесей, цвет внешней поверхности – темно-серый.

Погребение 7.

Находилась в центральном ряду могил, между погребениями 4 и 10. Могильная яма подквадратной формы и размерами 1,85x1,5 м была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Глубина могильной ямы 1,34 м. Верхняя часть заполнения могильной ямы состояла из черного гумуса, а нижние 30 см – из материковой глины. Начиная с глубины 0,3 м, ниже уровня материка показались остатки упавшего поперечного перекрытия, поверх которого лежал слой светлой глины толщиной 25-30 см. Остатки бревен от перекрытия достигают 30-47 см в поперечнике. Стенки могильной ямы почти отвесные, на них сохранились вертикальные и наклонные следы от землекопных орудий.

Песчаное дно могилы было застелено камышовой циновкой, на которую положен умерший с погребальной пищей и ножом и накрыт такой же циновкой. По своим размерам верхняя циновка превышала площадь дна могилы и ее края загибались вверх по стенкам: по северной на 10-13 см, по западной на 16-17 см и по восточной на 7-8 см. С южной стороны длина циновки равна длине могилы. В районе черепа и вокруг бронзового ножа хорошая сохранность циновки позволила установить способ ее изготовления. Продольные пряди камыша (основа) переплетались крест-накрест двумя поперечными (уток) по тому же принципу, как и при изготовлении плетеной тары в настоящее время (рис. 4, 4). Причем, волокна утка не прилегают плотно друг к другу, а располагаются на основе через 2-2,5 см.

Истлевшие остатки плетеных циновок имеют совершенно белый цвет; общая их толщина достигала 5 см в районе черепа.

На дне могилы находился скелет взрослого человека, на левом боку, с небольшим завалом на грудь, скорченно. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. За спиной погребенного, под нижней циновкой отмечен тонкий слой угольков и золы. Пяточные кости погребенного слегка окрашены красной охрой (рис. 4, 6). У северной стенки могилы, между циновками найден бронзовый нож. Двухлезвийный пластинчатый нож имеет прямую зауженную пятку, короткий черенок отделяется от клинка слабо выраженными плечиками, конец клинка округлый (рис. 4, 5). Длина ножа 8,7 см, максимальная ширина 2,3 см.

В юго-восточной части могилы, тоже между циновками, лежали остатки погребальной пищи – три крупных ребра животного³.

Погребение 8.

Погребение занимает крайнее юго-восточное положение в южном ряду могил. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,5x0,85 м ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Максимальная глубина могилы 0,83 м. Заполнение могильной ямы – черный гумус с примесью светлой глины в нижней части. На костях таза и ног погребенного лежали остатки деревянного перекрытия, положенного поперек могилы.

Умерший лежал на левом боку, с небольшим завалом на грудь, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Дно могилы застилала камышовая циновка, от которой остались истлевшие волокна белого цвета. В восточном углу могилы лежало крупное ребро животного – остатки погребальной пищи (рис. 4, 7). Перед коленями погребенного были поставлены два лепных глиняных сосуда баночной формы. Меньший сосуд имеет прямые стенки, открытое устье и едва намеченный поддон. Внешняя поверхность шероховатая и слегка сглажена зубчатым штампом (рис. 4, 9). Второй сосуд – округлобокая банка с прикрытым устьем. Плоский срез венчика неровный, волнистый. Под венчиком нанесен ряд наклонных отпечатков крупнозубчатого штампа. В зависимости от силы надавливания отпечатались от двух до четырех зубцов (рис. 4, 8). Обжиг неравномерный, цвет – от темно-серого до светло-коричневого.

Погребение 9.

Погребение занимало крайнее юго-восточное положение в северном ряду могил. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,65x0,85 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Максимальная глубина могилы 1,1 м. В черном гумусном заполнении могилы встречались остатки бревен диаметром до 16 см. В отличие от других погребений, перекрытие было положено вдоль могилы.

Умерший лежал на левом боку, с завалом на грудь, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 5, 1). Дно могилы застелено плетеной камышовой циновкой; такая же циновка покрывала скелет, инвентарь и погребальную пищу. На всех стенках могильной ямы очень хорошо читались вертикальные и наклонные следы землекопных орудий. Отпечатки в профиле имеют полуовальную форму. Глубина отпечатков 1,8-2,5 см, ширина от 3 до 5 см в зависимости от глубины.

Перед лицом погребенного, на нижней циновке зачищены остатки берестяного предмета круглой формы диаметром около 15 см. Предмет изготовлен из двух слоев бересты – верхний слой положен поперек нижнего. По всему периметру слои были сшиты между собой – парные отверстия проходят приблизительно через 1 см. Внешняя поверхность предмета покрыта бессистемной штриховкой и зигзагами, на обратной нанесен только зигзаг. Рядом с предметом и под ним залегал берестяной же ремешок шириной 1,6 см. По одному его краю вырезаны треугольные зубчики, ближе к другому имеются двузубые вдавления через 1,5 см. Участки крепления ремешка к кругу не сохранились (рис. 5, 6).

На запястьях скелета обнаружено по желобчатому бронзовому браслету с несомкнутыми концами. На конце одного из них имеется отверстие (рис. 5, 3, 4). За левой лопаткой, на циновке лежали три цилиндрические пронизки, свернутые из тонкого бронзового листа. Нижние концы пронизок немного шире верхних. У нижних концов

³ На всех рисунках номер предмета соответствует его номеру на плане погребения.

рядками лежали одно-трех- и четырехчленные бусины из белой пасты. По одной бусинке находилось в расширенных нижних частях пронизок. Вероятнее всего, пронизки и бусинки представляли единое украшение типа подвески (рис. 5, 2).

В районе грудной клетки, рядом с позвоночником найдена пронизка из трубчатой кости длиной 2,1 см (рис. 5, 2).

В южном углу могилы был поставлен глиняный лепной сосуд – асимметричная банка с открытым устьем и едва отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 5). Сосуд имеет светло-коричневый цвет, внешняя поверхность и внутренняя часть венчика покрыты горизонтальными и наклонными расчесами. В тесте глины – примесь крупной крошки белого цвета.

Немного ниже коленей на дне могилы обнаружены остатки погребальной пищи – крупное ребро животного.

Погребение 10.

Погребение находилось в северном ряду могил, между погребениями 7 и 9. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,9x1,3 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Черное гумусное заполнение могильной ямы включало остатки рухнувшего перекрытия. Бревна, уложенные поперек могилы, достигали 20 см в диаметре. В северном углу могилы, на глубине 0,5 м от верхнего уровня материка в заполнении обнаружен фрагмент керамики. Обломок боковины лепного сосуда покрыт глубокими и грубыми расчесами с обеих сторон. В других срубных погребениях аналогичная керамика не встречена. Цвет внешней поверхности светло-коричневый, внутренней и в изломе – черный. Тесто глины плотное, без заметных примесей.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, скорченно, тазом почти касаясь стенки, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Напротив коленей, на дне могилы лежала погребальная пища, от которой сохранились четыре ребра животного (рис. 5, 7). Погребение совершено на плетеной камышовой циновке, аналогичной вышеописанным, такой же циновкой умерший был накрыт сверху. Прослежено, что кроме камыша, при изготовлении циновки использовались узкие (1,5-2 см) полоски коры или луба, давшие тлен коричневого и зеленоватого цветов.

Погребение 11.

Погребение занимает крайнее юго-восточное положение в центральном ряду могил. Могильная яма подквадратной формы с округлыми углами и размерами 1,5x1,25 м ориентирована более длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение могилы – черный гумус с редкими включениями небольших комков светлой глины. Глубина могилы 0,95 м. Все дно могилы было покрыто камышовой циновкой, от которой сохранился белый тлен. На циновку были высыпаны остатки трупосожжения, совершенного на стороне, – следов прокала на дне могилы нет. Мелкие обломки кальцинированных костей и угольки составляли ровный слой до 5 см толщиной в виде овала (63x20 см) на том месте, где обычно кладут скелет. Ориентировка пятна совпадает с ориентировкой могильной ямы. Вся центральная часть могилы, включая и остатки трупосожжения, перекрыта полосками бересты различной ширины, лежавшими в разных направлениях (рис. 5, 8). Возможно, это также была плетеная циновка, но из-за плохой сохранности бересты с уверенностью об этом говорить нельзя.

В южном углу могилы, на дне обнаружена бронзовая обкладка сосуда с остатками деревянного венчика. Обкладка изготовлена из тонкого листа и охватывала срез венчика, опускаясь вниз по стенке сосуда на 2,5 см. Как минимум, в четырех точках накладка вместе с деревянной стенкой сосуда была пробита насквозь. В отверстия встав-

лены штифты из узких полосок бронзы, а их выступающие концы загнуты вниз. Профиль деревянного венчика не отличается от керамических (рис. 5, 9).

Курган 6

Диаметр насыпи 20 м, высота по западной поле 0,17 м, по восточной – 0,31 м. Насыпь снималась скрепером с оставлением бровки шириной 0,5 м по линии запад – восток. Сразу после снятия пахотного слоя – черного гумуса толщиной до 0,3 м – обнажился выкид из светлой материковой глины в восточной половине насыпи. Максимальная толщина выкида – до 0,17 м. Выкид простирался на 2-5 метров к северу и востоку от могильной ямы. Насыпь почти полностью распахана, по бровке она читалась только в восточной части, в «разрывах» между выкидом. Сразу под выкидом, а к западу от могилы – под пахотным слоем, залегала погребенная почва светло-серого цвета толщиной до 0,25-0,3 м. Курган насыпан на небольшой (до 0,1 м) естественной возвышенности.

В кургане обнаружено одно **погребение-кенотаф**. Могильная яма прямоугольной формы и размерами 3,2x2,2 м и глубиной 1,2 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Заполнение могилы – рыхлый гумус темно-серого цвета, в котором сохранились остатки деревянного перекрытия, лежавшего поперек могилы. Поперечные бревна, кроме краев могилы, опирались и на три продольных бревна. Некоторые бревна достигали диаметра 0,2 м. Глинистые отвесные стенки могилы хорошо сохранили следы землекопных орудий, с помощью которых они выравнивались. Вертикальные следы достигали 0,85 м длины. Отпечатки имеют полуовальную форму в поперечном сечении и ширину 4,5-5 см при глубине от 1,5 до 3 см. По некоторым отпечаткам видно, что часть орудий имела глубокие зазубрины. В нижней части стенок следы становятся наклонными.

Песчаное дно могилы покрыто тонким слоем белой органики, за исключением 15-20-ти сантиметровой полосы вдоль стенок. По составу и внешнему виду органика такая же, как и в кургане 5, но залегает более тонким слоем и не имеет продольно-поперечных переплетений. Юго-западную часть могилы занимает камышовая циновка, аналогичная описанной выше, размерами 1,9x1 м. Циновка сложена из двух слоев. Верхний слой состоит из коры, распавшейся или преднамеренно нарезанной на полоски шириной 1-2 см, серо-коричневого цвета с черными вкраплениями. Полоски коры лежали поперек могилы. Ниже лежал слой камыша, уже вдоль могилы. Кое-где сохранились следы поперечного утка. Нижний слой циновки хорошо отпечатался на дне могилы. Там же отпечатались и частично сохранились две поперечные деревянные планки шириной 4-5 см, глубина отпечатков планок до 3 см (рис 6, 1, д). В южной части циновки отмечены три пятна красной охры. Под северо-западным углом циновки на дне могилы имелось небольшое возвышение из глины (до 3 см), напоминающее своими очертаниями череп человека в профиле.

На дне могильной ямы обнаружены следующие находки:

1. В 0,35 м к северу от края циновки найден бронзовый нож с перекрестьем и перехватом. Округлая пятка черенка раскована и приострена. Длина ножа 17,9 см, максимальная ширина лезвия 3,3 см. Нож лежал на плоском и круглом (диаметр около 30 см) деревянном предмете плохой сохранности. По отпечатку в мягком дне представляется, что это было неглубокое блюдо из деревянных дощечек шириной 4-5 см и толщиной 1-1,5 см. Эти дощечки скреплялись двумя поперечными планками (рис. 6, 1, 2, б).

2. Бронзовая обойма. Найдена на северо-западном углу циновки. Имеет прямоугольную форму и изготовлена из тонкого листа металла. Концы острые и соединены внахлест (рис. 6, 3). Внутри обоймы сохранилась древесина.

В 10 см к юго-востоку от обоймы найдена половинка створки речной раковины *Unio* (рис. 6, 1, е).

3. Костяная пронизка со вставленной полоской коры. Найдена на участке циновки, покрывавшем глиняное возвышение. Один конец ровно срезан, другой закруглен с внешней стороны. Длина 1,2 см, диаметр 1,5 см, толщина стенок 1-2 мм (рис. 6, 4).

4. В юго-восточной части могилы найдено бронзовое четырехгранное в сечении стрекало с притупленной рабочей частью. Длина 5,7 см (рис. 6, 5).

5. В северо-восточном углу могилы, за пределами органической подстилки лежали три, расщепленные вдоль, кости барана (рис. 6, 1, а).

Курган 7

Насыпь кургана сильно распахана. Высота насыпи 0,15 м, диаметр 16 м. Насыпь снималась скрепером с оставлением бровки шириной 0,5 м по линии запад – восток. Сразу после снятия пахотного слоя – черного гумуса толщиной до 0,3 м – в центральной части кургана показались пятна выкида из светлой материковой глины. Насыпь состояла из серо-коричневого суглинка. Выкид залегал на погребенной почве на 4-4,5 м к северу и востоку от основного погребения. В центральной части кургана выкид прорезан более поздними впускными погребениями 1 и 2. На светло-серой погребенной почве (толщина 0,3-0,35 м) отчетливо выделялись сплошной кольцевой ровик и основное погребение 4. Заполнение этого погребения и ровика по цвету не отличались от насыпи. Диаметр ровика по внутреннему краю 11,5-12,5 м. Ширина ровика 0,4-0,5 м, глубина от уровня погребенной почвы – от 0,37 м в наиболее мелкой южной части до 0,61 м в северной. В южном секторе ровик едва достигает материка, а в северо-восточном и северо-западном секторах по уровню материка ровик прерывается, хотя на уровне погребенной почвы выделялся отчетливо (рис. 7, 1).

На округлом дне ровика, в северо-западном секторе найдена плоская каменная плитка пятиугольной формы и размерами 25x17 см при толщине до 7 см. Верхняя плоскость слегка заглублена (рис. 7, 3). Предмет изготовлен из плотного мелкозернистого песчаника красновато-коричневого цвета.

На дне северо-восточного сектора ровика найден фрагмент заднечерепной крышки животного.

Курган содержал четыре разновременных погребения.

Погребение 1.

Обнаружено в центральной части кургана (рис. 7, 1). Почти полностью разрушено более поздним погребением 2, но размеры могильной ямы восстанавливаются. Яма имела подовальную форму, длина 1,6 м, ширина в изголовье 0,9 м, в ногах – 0,7 м. Глубина 0,2 м от уровня материка. Судя по неповрежденным берцовым костям ног, погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Под костями сохранился белый тлен органического происхождения. Культурная принадлежность погребения не устанавливается.

Погребение 2.

Находилось в центральной части кургана, при его сооружении разрушено более раннее погребение 1 (рис. 7, 1). Могила подбойного типа имела входную яму овальной формы размерами 1,85x0,8 м, ориентированную по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В черном гумусном заполнении входной ямы встречались остатки продольного древесного перекрытия. Дно входной ямы плавно понижается в сторону подбоя от 0,47 м до 0,6 м от уровня материка. Подбой, устроенный под северной стенкой, был перекрыт вертикальным деревянным закладом. Дно могилы на 0,14 м ниже дна входной ямы. Высота входа 0,3-0,35 м. Подбойная камера имеет овальную форму и

длину 2 м. Ширина в изголовье 0,7 м, в ногах – 0,5 м. Высота свода 0,4-0,5 м. Умерший был положен вытянуто, на спине, руки – вдоль туловища, головой ориентирован на запад с небольшим отклонением к югу. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение относится к золотоордынскому времени.

Погребение 3.

Находилась у северо-западного угла основного погребения 4. Могильная яма прямоугольной формы и размерами 0,9x0,55 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Глубина ямы в материке 0,1- 0,14 м. Кости скелета не сохранились. В северном углу стоял округлобокий сосуд с невысокой шейкой, плоским дном и слегка отогнутым наружу венчиком. По тулову ниже шейки проходит ряд вертикальных ногтевых вдавлений. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от темно-серого до красно-кирпичного. Высота горшка 13,5 см. Диаметр по венчику 9,5 см, шейки – 8 см, максимального расширения тулова – 12,5 см, дна – 6 см (рис. 7, 2).

Погребение относится к раннесарматскому времени.

Погребение 4 (кенотаф).

Погребение основное, с ним связаны выкид и кольцевой ровик. Погребение находится в юго-западном секторе кургана, юго-западный угол могилы отстоит менее чем на 1 м от ровика.

Могильная яма прямоугольной формы и размерами 4,4x2,5 м ориентирована длинными сторонами по линии запад – восток. Темное гумусное заполнение содержало остатки деревянного перекрытия, лежавшего поперек могилы. Максимальная толщина сохранившихся бревен до 0,2 м. Стенки могильной ямы глинистые, дно песчаное. Максимальная глубина 1,27 м (рис. 7, 4).

Как и в кургане 6, скелет умершего отсутствует. Погребение-кенотаф символизировало захоронение трех человек, о чем свидетельствует расположение погребального инвентаря.

На дно могильной ямы положены три циновки, ориентированные длинными сторонами по линии север – юг, т.е. поперек могилы. Насколько можно судить по истлевшим остаткам циновок, они не отличались от других в срубных захоронениях данного могильника. Лучшее всего сохранился северный край циновки 1 в западной части могилы. Верхний слой представлял из себя мягкую, бело-серую войлокообразную массу, в которой иногда видны продольные волокна основы, переплетенные поперечными жгутами (утком) через 2,5-3 см. Нижний слой включал стебли камыша с примесью полосок древесной коры зеленоватого и коричневого цветов. Основа и уток нижнего слоя залегали перпендикулярно по отношению к верхнему. Две другие циновки аналогичны первой.

Циновка 1. Постелена вплотную к короткой восточной стенке. Форма прямоугольная, размеры 1,6x1,2-1,3 м. Расстояние от северного края циновки до стенки могилы 0,4 м, от южного края до стенки – 0,3 м. В северо-восточном углу циновки, на бело-серой поверхности отчетливо выделялся орнамент, выполненный, вероятно, сажей и красной охрой. Черным цветом нанесены две параллельные и слегка изогнутые линии шириной около 1 см. Расстояние между ними 4 см. Внутри этих линий изображены четыре красных кружочка диаметром 1,5 см. Еще одно пятно красного цвета подовальной формы (3x1,5 см) было очерчено полосой черной краски, которая под прямым углом пересекала параллельные линии (рис. 7, 4, А).

К югу от орнаментированного участка на циновке находился деревянный предмет (сосуд?) в форме лодки. Относительно хорошо сохранилось чуть больше половины находки. Длина предмета 46,5 см, максимальная ширина 12 см, высота 4,5 см. Края бортиков были украшены нарезками треугольной формы, но хорошо они сохранились

на небольшом участке. Стенки-бортики плавно переходят в дно. На дне предмета, с внутренней стороны по всей длине оставлен прямоугольный в сечении выступ шириной 1,8 см и высотой до 1 см. Предмет вырезан из цельного куска дерева (рис. 7, 4, В; 8, 4).

Между северным краем циновки и стенкой могилы, на песчаном дне лежал бронзовый нож с остатками деревянной рукояти. Нож с намечающимся перекрестьем имеет листовидную форму. Округлая пятка рукояти раскована. Длина ножа 15,5 см, длина лезвия 12 см, максимальная ширина 3,4 см. В районе рукояти найдено три позвонка животного и обломок трубчатой кости птицы (рис. 7, 4, Б; 8, 1).

Циновка 2. Постелена в центральной части могилы. Имела прямоугольную форму и размеры 1,5х1 м. Толщина сохранившейся части 1-3 см. В центральной части циновки, с небольшим смещением к югу лежал бронзовый серп. Под ним сохранились остатки дерева. Пластинчатый серп сильно изогнут, оба конца округлые, крюка нет. Длина орудия 17,9 см, максимальная ширина лезвия 3,1 см, толщина обушковой части 0,3 см (рис. 7, 4, Г; 8, 3).

Расстояние между циновкой 1 и циновкой 2 составляет 0,3 м, между циновками 2 и 3 – 0,2 м.

Циновка 3 постелена в восточной части могилы. Она также имела прямоугольную форму и размеры 1,35х0,9 м. В ее северной части, на деревянной дощечке толщиной до 1,4 см (остатки футляра?) лежал бронзовый нож. Нож ромбовидной формы, с коротким, раскованным на конце насадом. Длина ножа 14 см, максимальная ширина лезвия 3,4 см, длина насада 0,7 см (рис. 7, 4, Д; 8, 2). Под центральной частью циновки, поперек ее, лежала деревянная планка шириной 4 см и толщиной до 2 см (рис. 7, 4, Е).

Курган 11

Курган располагался на пологом склоне террасы, насыпь диаметром 15-16 м почти полностью распахана (высота не более 0,1 м) и выделялась светлым пятном на пашне. Сразу после снятия пахотного слоя (гумус толщиной до 0,25 м) и остатков более светлой насыпи (сильно гумусированный суглинок с максимальной толщиной до 0,1 м в центре кургана) на уровне погребенной почвы в центральной части насыпи появились очертания могильной ямы. С западной стороны могильного пятна, на этом же уровне лежали остатки двух бревен от накатника диаметром до 0,2 м (рис. 9, 1, а). После снятия погребенной почвы (темно-серый гумус до 0,25 м толщиной) на светлой материковой глине вырисовался ровик. Ровик неправильной округлой формы имел пять небольших перемычек. Заполнение ровика практически не отличалось от погребенной почвы. Диаметр ровика по внутреннему краю 14,5-15,2 м, ширина 0,6-0,75 м. Глубина от уровня материка 0,5-0,7 м. Дно ровика почти плоское, внутренняя стенка более крутая, чем внешняя. Пять перемычек шириной от 0,15 до 0,6 м располагались следующим образом: две в западном секторе и по одной в северном, восточном и южном. Перемычки были оставлены с уровня древней поверхности (рис. 9, 1).

В кургане находилось три погребения: одно под центральной частью насыпи и два в западном секторе ровика.

Погребение 1.

Находилось в южной части западного сектора ровика, ограниченного двумя неширокими перемычками от остального рва. Дно могилы находилось на одном уровне с дном ровика. Заполнение могилы также не отличалось от заполнения ровика. Южная часть могилы полностью вписывается в контур рва, а для северной части он расширен в северо-восточном направлении. Ширина могилы 0,65 м, длина около 1 м и глубина 0,65 м. На дне могилы лежал скелет ребенка, на левом боку, скорченно, головой на северо-

северо-восток (рис. 9, 7). В северной части дна могилы сохранились остатки органической подстилки белого цвета.

Перед лицом умершего стоял небольшой баночный сосуд горизонтальных пропорций со слегка прикрытым устьем (рис. 9, 2). Цвет внешней поверхности светло-коричневый. Второй сосуд стоял между коленями ребенка и стенкой могилы. Сосуд также имеет низкие, приземистые пропорции, открытое устье, но, в отличие от первого, у него слегка выделена шейка, венчик отогнут наружу (рис. 9, 3). Цвет сосуда светло-коричневый, в верхней трети он орнаментирован горизонтальным зигзагом, выполненным гладким штампом подовальной формы.

Погребение 2.

Обнаружено в южной части северо-западного сектора ровика. Дно могильной ямы на 0,4 м глубже дна ровика, а контуры могилы полностью вписываются в ровик. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами имела следующие размеры: длина 1,6 м, ширина 1 м и глубина 1,05 м. Яма ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. На дне лежал скелет подростка на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 9, 6). На височной части черепа и под ним, также в районе виска, обнаружены остатки разложившихся бронзовых желобчатых подвесок в 1,5 оборота с обкладками из золотой фольги в нижней части (рис. 9, 8).

Между ногами погребенного и восточной стенкой стояли два глиняных лепных сосуда, под которыми сохранились остатки белой органической подстилки и коричневая охра.

Сосуд, стоявший ближе к коленям, имеет округлые бока и слабо выраженную шейку (рис. 9, 5). Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый, в нижней половине заметны неглубокие наклонные следы от сглаживания по сырой глине. Вторым сосуд, располагавшийся в углу могилы, имеет небольшое дно, широкое устье, слегка намеченные плечики и небольшой поддон (рис. 9, 4). Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до темно-серого, в нижней половине заметны неглубокие следы от сглаживания по сырой глине.

Погребение 3.

Расположено в центре кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,9x1,5 м ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Максимальная глубина могильной ямы 1,22 м. Заполнение могилы – черный гумус с примесью светлой глины ближе ко дну. В заполнении сохранились остатки поперечного перекрытия из бревен толщиной до 0,35 м, которое в северной части могилы упало на дно. Погребение сильно повреждено норами грызунов. По сохранившимся костям установлено, что умерший был положен на левый бок, скорченно, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Недалеко от рук находились остатки погребальной пищи – четыре ребра животного. Погребенный лежал на камышовой циновке толщиной 1,2-2,5 см, аналогичной описанным выше. Под северным краем циновки сохранились тонкие полоски коры, а на циновке, перед туловищем погребенного – два пятна коричневатой охры. Размеры циновки – 1,65x1,1 м, но, возможно, она занимала все дно могилы. Такой же циновкой умерший был накрыт сверху.

Курган 12

Насыпь кургана сильно распахана. Диаметр кургана 24 м (по насыпи в бровке 19 м), высота составляла 0,24 м по южной поле и 0,16 м – по северной. Насыпь кургана снималась скрепером с оставлением бровки шириной 0,5 м по линии север – юг.

Стратиграфия кургана следующая. Толщина пахотного слоя – черного гумуса – от 0,15 до 0,3 м. Насыпь кургана – серо-коричневый гумусированный суглинок – достигала толщины 0,25 м в южной части, но на большей площади не превышала 0,1 – 0,15 м. В центральной части кургана, сразу под гумусом, с глубины 0,15 м показался выкид – светлая материковая глина. Выкид во всех случаях залегал на погребенной почве темно-серого цвета. Стратиграфические и планиграфические наблюдения показали, что все погребения под насыпью сопровождалось материковыми выкидами, залегавшими на погребенной почве. Ни одна из могил более поздним выкидом не перекрыта, то есть насыпь кургана возводилась одновременно, над всеми могилами сразу. Пять могил вытянуты по линии северо-запад – юго-восток. Еще три образуют второй ряд немного южнее, а одно погребение совершено севернее основного ряда могил (рис. 10, 1).

Погребение 1.

Погребение занимало крайнее западное положение в основном ряду могил. Могильная яма прямоугольной формы и размерами 1,5x1,15 м и глубиной 0,8 м ориентирована более длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. На уровне материка в черном гумусном заполнении сохранились остатки деревянного перекрытия. Бревна, толщиной до 0,25 м, лежали поперек могилы. На дне, у западной стенки находился скелет умершего: на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом. По дну могилы прослежены остатки органической подстилки белого цвета. В юго-восточном углу стоял лепной глиняный сосуд биконической формы. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности от темно-серого до коричневого. В верхней трети с внешней стороны и под венчиком с внутренней сосуд покрыт расчесами зубчатого штампа. На одной боковине сосуда зубчатым штампом нанесен бессистемный орнамент (рис. 10, 3).

Погребение 2.

Погребение занимало крайнее западное положение в южном ряду могил. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,3x0,9 м ориентирована по линии север – юг. Максимальная глубина могилы 0,58 м. Заполнение могильной ямы – черный гумус с большим количеством комков материковой глины. Встречены кусочки истлевшей древесины от упавшего перекрытия. Погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом (рис. 10, 4). Почти по всему дну прослежены остатки органической подстилки белого цвета с черными вкраплениями. Вплотную к коленям умершего стоял глиняный лепной сосуд – плоскодонная банка с прикрытым устьем и косо срезанным внутрь венчиком (рис. 10, 2). Банка имеет пятнистый цвет (от темно-серого до светло-коричневого) из-за неравномерного обжига.

Погребение 3.

Погребение занимало крайнее восточное положение в основном ряду могил. Могильная яма имеет прямоугольную форму и длину 1,5 м. Ширина могилы в изголовье 0,8 м, в ногах – 0,7 м. Максимальная глубина 1,05 м. Заполнение могилы – черный гумус. На глубине 0,6 м от уровня материка встречены остатки деревянного бревна, лежавшего вдоль могилы, приблизительно, в средней ее части. Мелкие волокна древесной трухи обнаружены и поперек могилы. В нижней части заполнения встречались комки материковой глины и несколько мелких угольков.

Погребение парное, совершено захоронение взрослого и ребенка. Скелет взрослого человека находился на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. У локтей взрослого обнаружены фрагменты детского черепа. Судя по сохранившейся бедренной кости, ребенок также лежал на левом боку, скорченно. По дну могилы прослежены остатки органической подстилки белого цвета.

В нижней части черепа взрослого погребенного найдена бронзовая желобчатая подвеска в 1,5 оборота. Еще одна такая же подвеска лежала под черепом (рис. 11, 1).

Между пятками погребенного и стенкой могилы стоял асимметричный глиняный сосуд горшковидной формы с намечающимся поддоном. По плечу сосуда проходит двойной зигзаг, выполненный крупнозубчатым штампом (рис. 11, 3). Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности варьирует от темно-серого до светло-коричневого. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда покрыты слабыми расчесами зубчатого штампа.

Погребение 4.

Погребение занимало самое северное положение среди остальных. Могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами и размерами 0,95x0,7 м ориентировано по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Могила имеет небольшое расширение в нижней трети по восточной стенке. Верхняя часть заполнения могильной ямы – черный гумус, ближе ко дну встречается материковая глина. На венчике сосуда сохранилось немного древесины от упавшего поперечного перекрытия. В северо-западном углу могилы, на 0,2 м выше дна встречены обломки черепа человека, перемещенные грызунами. Глубина могилы 0,58 м. На дне могилы в неповрежденном состоянии находились только бедренные кости ребенка, по которым устанавливается, что умерший был положен на левый бок, скорченно, головой на север с небольшим отклонением к западу. У восточной стенки могилы, в средней ее части стоял глиняный лепной сосуд биконической формы с округлым ребром. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности изменяется от темно-серого до светло-коричневого. В верхней трети сосуд украшен геометрическим орнаментом (горизонтальные линии и двойной зигзаг между ними), нанесенном крупнозубчатым штампом. В трех местах зигзаг перебивается дополнительными элементами – крестом, наклонной линией, вертикальной и горизонтальной линиями (рис. 10, 5).

Погребение 5.

Погребение парное, находилось в основном ряду могил, между погребениями 3 и 6. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и размерами 2,05x1,6 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Глубина могильной ямы 1,1 м. Заполнение могильной ямы – рыхлый темный гумус с большой примесью материковой глины ближе ко дну. На костях восточного скелета сохранились остатки перекрытия (поперечного и продольного). Погребенные захоронены в одинаковых позах: на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Западный скелет позвоночником соприкасается со стенкой могильной ямы (рис. 10, 7). Почти по всей площади дна могилы сохранились остатки камышовой циновки. Такой же циновкой были накрыты умершие и погребальный инвентарь.

Циновки сплетены по вышеописанному принципу. В качестве основы использовались стебли камыша, для утка применялись камышовые жгуты и узкие полоски коры. В погребении обнаружен следующий инвентарь:

1. Бронзовая обкладка от деревянного сосуда. Найдена между скелетами. Судя по сохранившимся остаткам органики деревянный сосуд был близок по форме к неглубокой миске: при диаметре венчика около 15 см его высота не превышала 2,5 см. Толщина деревянной стенки, сохранившейся под бронзовой обкладкой, 8 мм. Способ крепления обкладки такой же, как и в погребении 11 кургана 5 – в накладке и деревянном венчике пробиты сквозные отверстия, а затем вставлены бронзовые штифты из узкой полоски металла и выступающие концы загнуты (рис. 10, 9).

2. Бронзовая обойма. Найдена на верхней циновке над плечевой костью восточного скелета. Скрепляла какой-то деревянный предмет, остатки которого сохранились внутри обоймы (рис. 10, 8).

3. Глиняный лепной сосуд. Лежал за пятками восточного скелета. Округлобокая банка с небольшим поддоном и слегка отогнутым наружу венчиком. Цвет поверхности ввиду неравномерного обжига изменяется от оранжевого до желто-бежевого (рис. 10, б).

4. Перед коленями западного скелета лежали остатки погребальной пищи – два ребра животного (рис. 10, 7, а).

На стенках могилы хорошо сохранились следы землекопных орудий – отпечатались округлые в поперечном сечении лезвия шириной 2,5-4 см. Полосы следов длиной до 0,75 м расположены вертикально или с небольшим наклоном влево в нижней части.

Погребение 6.

Находилось в основном ряду могил, между погребениями 5 и 8. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами размерами 1,55x0,9 м и глубиной 1,21 м длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении могилы – темном гумусе – сохранились остатки поперечного деревянного перекрытия. На глубине 0,4 м от верхнего уровня материка, у короткой южной стенки могилы в заполнении найдена костяная трубочка длиной 9,2 см. Края пустотелой трубчатой кости ровно обрезаны и обточены, а на поверхности тупым предметом нанесены бессистемные насечки (рис. 11, 5). Длинные стенки могильной ямы немного расширяются ко дну. На стенках заметны следы землекопных орудий, аналогичные следам в погребении 5 из этого же кургана.

Умерший был положен на левый бок, скорченно, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Между коленями и стенкой могильной ямы найден развал глиняного лепного сосуда. Сосуд баночной формы с прикрытым устьем асимметричен, имеет неравномерный обжиг (рис. 11, 2). Цвет внешней поверхности от темно-серого до светло-коричневого.

На дне могилы сохранились следы органической подстилки белого цвета.

Погребение 7.

Погребение занимало центральное положение в южном ряду могил. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,85x1,2 м (верхняя часть длинной юго-восточной стенки обвалилась в могилу) ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение могильной ямы – темный гумус с примесью крупных глыб материковой глины от обвалившейся стенки. Нижние 0,5 м заполнения – почти чистая материковая глина. С глубины 1 м от верхнего уровня материка встречались остатки поперечного бревенчатого накатника. Максимальный диаметр сохранившихся бревен 15 см. Глубина могилы 1,52 м.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, черепом на северо-восток, руки согнуты в локтях и кисти рук положены перед лицом. Все дно было застелено камышовой циновкой, от которой сохранился тлен белого цвета и узкие полоски тлена от коры зеленоватого и коричневого цветов. Такой же циновкой умерший был накрыт сверху.

В южном углу могилы стоял глиняный лепной сосуд. Высокая банка имеет слегка прикрытое устье и наклонные расчески по всему тулову. В одном месте под венчиком нанесены прочерком несколько наклонных и горизонтальных линий, образовавших косые кресты (рис. 11, 4). Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности от светло-бежевого до черного.

Погребение 8.

Располагалось в основном ряду могил между погребениями 1 и 7. Могильная

яма прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,5x1,05 ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Заполнение могильной ямы – темный гумус – сильно переработано норами грызунов, которые повредили и часть скелета погребенного. Максимальная глубина могилы 0,9 м. В районе локтей погребенного, по дну могилы сохранились остатки осевого бревна перекрытия, положенного вдоль ямы. Умерший лежал на левом боку, скорченно, головой на север с небольшим отклонением к востоку, руки согнуты в локтях и кисти рук положены перед лицом. На дне могилы сохранился белый тлен от органической подстилки. У восточной стенки могилы найдены две костяные трубочки. Один край у них ровно обрезан, второй обломан в древности. Длина трубочек 14 и 11,2 см (рис. 11, 8, 9).

У ног погребенного лежал раздавленный глиняный лепной сосуд. Немного асимметричный сосуд имеет округлые бока, короткую прямую шейку и намечающийся поддон (рис. 11, 7). Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до черного.

Погребение 9.

Занимало крайнее восточное положение в южном ряду могил. Узкая могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 1,15x0,5 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение могилы – темный гумус с примесью истлевшей древесины от упавшего перекрытия. Нижние 0,3 м заполнения – материковая глина, изрытая норами грызунов. На дне могильной ямы, глубина которой равна 1,1 м, лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, черепом на северо-восток, руки согнуты в локтях. Между берцовыми костями и восточной стенкой могилы стоял лепной глиняный сосуд.

Сосуд имеет прямой, слегка отогнутый наружу венчик и биконическое тулово со слабо выраженным ребром в средней части. По плоскому срезу венчика мелкозубчатым штампом нанесен зигзаг. Ребро сосуда подчеркнуто двумя горизонтальными линиями, между которыми поставлены отпечатки полых камышинок. По плечу и шейке сосуда нанесен пересекающийся зигзаг, образующий сетку (рис. 11, 6). Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от светло-коричневого до черного.

ГЛАВА 2. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЗОЛОТАЯ ГОРА

Курганная группа находится в Лысогорском районе Саратовской области, в 4 км к юго-западу от с.Золотая Гора. Группа расположена на пологом склоне второй надпойменной террасы левого берега р.Холодная, в 1 км к югу от нее. Пять насыпей из шести подвергались интенсивной распашке (рис. 12).

Курган 1 “Золотая Гора”

Один из крупнейших курганов в округе, назван местными жителями «Золотой Горой». С курганом связано несколько легенд о зарытых в нем сокровищах. Курган расположен выше остальных насыпей по склону террасы. Насыпь кургана задернована, опахивались только полы кургана. Северная пола крутая, южная более пологая. Диаметр кургана 34 м, высота 3,18 м. Ввиду крутизны насыпи верхняя часть восточной полы снималась вручную, а затем – с помощью скрепера, с оставлением трех бровок по линии север – юг.

Стратиграфия кургана: дерновый слой – темный рыхлый гумус от 0,15 до 0,7 м; насыпь – плотный темно-серый суглинок с линзами материковой глины по всей высоте (максимальная толщина в центре курган до 2,9 м); погребенная почва – темный плотный гумус толщиной 0,2-0,3 м; материк – светлая желтая глина (рис. 13, 1). Материковые линзы в центре насыпи, над погребением плавно опускаются вниз, что указывает на оседание вершины кургана после разрушения перекрытия. Центральная и северная части вершины кургана повреждены лисьими норами, а в южной части зафиксирован следы грабительского шурфа размерами 3,5x2,7 м, отличающегося от насыпи плотным затечным и темным заполнением. Дно шурфа почти достигает уровня погребенной почвы. В центре насыпи, вокруг могилы, на погребенной почве залегал материковый выкид в виде кольца, прерывающегося в северо-восточном секторе. Толщина выкида – до 0,4 м.

Единственное погребение в кургане располагалось под центром насыпи с небольшим смещением к югу. Могильное пятно по верхнему уровню материка имело округлую форму размерами 4,9x4,1 м. В северо-восточном углу могилы в материке была выкопана прямоугольная ямка глубиной 0,1 м специально для бревна, положенного вдоль длинной стенки могилы. Остатки этого бревна сохранились на краю могильной ямы. Отдельные куски от деревянного перекрытия в большом количестве встречались в заполнении могильной ямы. Судя по их расположению, несколько бревен перекрывали могилу вдоль, а поверх них лежал поперечный бревенчатый накатник. По мере выборки заполнения, могильная яма с глубины 0,6-0,7 м от уровня материка приняла прямо-

угольные очертания, а стенки стали отвесными. Размеры могильной ямы по дну: длина 3,8 м; ширина 2,85 м; максимальная глубина около 1,8 м. Яма ориентирована более длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад.

В дно могилы было вкопано девять столбов, поддерживавших перекрытие: 4 по углам, 4 между ними у стенок и один в центре ямы. Глубина столбовых ямок от 21 до 40 см. В ямках сохранились остатки столбов в вертикальном положении, их максимальная толщина 20 см. На дне могилы сохранились остатки органической подстилки белого цвета из камыша и коры. Подстилка занимала почти все дно, примыкая к столбам по трем стенкам, и только в северо-восточной части подстилка не достигает столбов. Вокруг этой подстилки, на всей оставшейся площади дна отмечены органические остатки в виде тонкого тлена бледно-розового цвета.

Погребенный был положен вдоль длинной стенки в западном углу могилы. Кости скелета почти полностью разложились, сохранившись по большей части в порошкообразном состоянии. Скелет лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 14).

В могиле обнаружены следующие находки:

1. В восточном углу, на бледно-розовом тлене лежал развал глиняного лепного сосуда. Сосуд имеет широкое плоское дно, слегка округлые бока, слабо выраженную шейку и небольшой отогнутый наружу венчик. На шейке симметрично расположены два сквозных отверстия. Обжиг сосуда равномерный, цвет внешней поверхности светло-коричневый, в тесте глины примесь шамота (рис. 13, 3).¹

2. У юго-восточной стенки могилы стоял перевернутый вверх дном еще один лепной глиняный сосуд. Округлобокий сосуд баночной формы имеет широкое плоское дно, превышающее по диаметру венчик. По краю венчика симметрично расположены две пары сквозных отверстий (рис. 13, 4). Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности изменяется от коричневого до черного. Под сосудом относительно хорошо сохранился участок камышовой подстилки с глубокими отпечатками от венчика, что свидетельствует о намеренном помещении сосуда в могилу вверх дном.

Три следующих предмета найдены в южном углу могилы.

3. Бронзовый нож с широким листовидным лезвием, намечающимся перекрестием и короткой рукоятью с округлой пяткой. Общая длина ножа 16,7 см, длина рукояти 5 см, максимальная ширина лезвия 3,8 см (рис. 13, 5).

4. Щитковый псалий подпрямоугольной формы. Изготовлен из расколотой трубчатой кости. На узкой торцевой стороне сохранились остатки более тонкой, чем щиток, планки. В средней части щитка расположено круглое отверстие. По углам щитка с внутренней стороны вырезаны четыре шипа, ромбовидной в профиле формы, с сильно сработанными концами и основаниями. Здесь же, по краям длинных сторон, на одном уровне с центральным отверстием вырезаны два полукруглых выступа со сквозными отверстиями, находящимися в перпендикулярной плоскости по отношению к центральному отверстию. С внешней стороны по периметру псалий украшен резной волной (рис. 13, 4). Длина щитка 7,5 см, ширина верхнего торца 3,5 см, нижнего – 2,3 см, толщина 0,5 см.

5. Обломок щиткового псалия. Найден рядом с первым и составлял с ним пару. Сохранилась часть планки с отверстием и следами полукруглого выступа и шипа. По периметру планка была украшена резным волнистым орнаментом, т.е. по конструкции псалий идентичен вышеописанному (рис. 13, 6).

6. В западном углу могилы, у ног погребенного найдена нижняя челюсть кабана, на которой лежал щитковый псалий. Сохранность предмета плохая, вероятно, из-за от-

¹ Технические параметры срубной керамики приведены в таблице 2.

сутствия полировки, препятствующей разложению кости. По конструкции этот псалий принципиально не отличается от предыдущих. Отличия заключаются в отсутствии обработки внешней поверхности и орнамента и, кроме того, шипы вырезаны не по углам щитка, а отступают от торцов на 0,7-1,3 см. Из-за плохой сохранности не удалось установить наличие планки. Размеры сохранившейся части щитка: длина 8,4 см; ширина верхней части не менее 2,8 см; толщина 0,5 см (рис. 13, 7).

Курган 2

Диаметр насыпи 20 м, высота по южной поле 0,27 м, по северной – 0,56 м. Насыпь снималась скрепером с оставлением центральной бровки по линии север – юг.

Стратиграфия кургана: пахотный слой – темный гумус толщиной 0,15-0,4 м; насыпь – темно-серый суглинок толщиной до 0,6 м; погребенная почва – темный плотный гумус толщиной 0,25-0,2 м; материк – светлая желтая глина. В центральной части кургана прослежен светлый материковый выкид, залегающий на погребенной почве и достигавший толщины 0,55 м. Выкид охватывал полукольцом основное погребение 1 к северу и востоку от него. Другой выкид из впускного погребения 2 лежал на насыпи в северной поле кургана, к северу от погребения. Этот выкид перекрывался пахотным слоем. Курган сильно распахан, поэтому следы вторичной досыпки насыпи не устанавливаются (рис. 15, 1).

Погребение 1.

Расположено в центре кургана, к западу от лицевой стороны бровки. По длинным сторонам могильной ямы, на уровне погребенной почвы зафиксированы остатки деревянных колотых плах шириной от 0,3 до 0,4 м, перекрывавших яму по диагонали. В заполнении могилы дерево сохранилось в виде мелких фрагментов. Верхний край могильной ямы по уровню материка имел округлую форму, а ко дну могила приобрела форму прямоугольника размерами 2,15x1,6 м и глубиной 1,3 м, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад. На дне могильной ямы, ближе к северному углу и вдоль длинной северо-западной стенки лежал скелет человека. Кости скелета очень плохой сохранности. Погребенный был положен на левый бок, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях, плечевые кости рук вытянуты к коленям, локтевые и лучевые не сохранились (рис. 15, А).

За черепом погребенного, на толстой камышовой подстилке лежала разложившаяся челюсть кабана. В южном углу могилы находился лепной глиняный сосуд баночной формы с округлыми боками и слегка прикрытым устьем. На туловище заметны следы штриховой зачистки. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от темно-коричневого до черного (рис. 15, 2). Внутри сосуда имеются следы нагара. Погребенный и инвентарь лежали на подстилке из камыша и коры, занимавшей почти всю площадь дна могилы.

Погребение 2.

Погребение впускное, детское, выявлено в 5,5 м к северу от репера. Могильная яма прорезала насыпь кургана, заполнение ямы – плотный, сильно гумусированный суглинок. Могильная яма прямоугольной формы и размерами 1,25x0,8 м ориентирована длинными сторонами по линии восток – запад. Глубина могилы 0,65 м. В заполнении ямы встречены обломки бронзовой желобчатой подвески (рис. 15, 5).

Погребение сильно потревожено грызунами и большая часть костей скелета отсутствовала. По сохранившимся фрагментам черепа и костям ног установлено, что умерший лежал на левом боку, скорченно, головой на восток (рис. 15, Б). В районе черепа найдено 8 круглых мелких пастовых бусин (рис. 15, 4), а перед коленями стоял

лепной глиняный сосуд асимметричной формы с округлыми боками и слегка отогнутым венчиком (рис. 15, 3).

Погребение 3.

Выявлено в 1,5 м к северу от репера. Могила врезалась в верхнюю часть материкового выкида погребения 1 на глубине 0,4 м от современной поверхности насыпи. Очертания могильной ямы в насыпи не читались. Западная часть погребения разрушена при снятии насыпи. По сохранившейся части скелета можно определить, что умерший лежал на спине, головой на запад-юго-запад. Левая нога слегка согнута в колене, правая положена сверху. Руки, согнутые в локтях, вероятно, лежали перед лицом (рис. 15, 1).

Курган 3

Диаметр насыпи 20 м, высота по южной поле 0,17 м, по северной – 0,4 м. Насыпь исследовалась с помощью скрепера с оставлением центральной бровки по линии север – юг. Стратиграфия кургана: пахотный слой – темный гумус толщиной 0,15-0,3 м; насыпь – темно-серый гумусированный суглинок толщиной до 0,6 м; погребенная почва – темный плотный гумус толщиной 0,25-0,5 м; материк – светлая желтая глина. В кургане выявлено три погребения, все они основные, все три сопровождалось материковыми выкидами, залегавшими на погребенной почве (рис. 16, 1). Могилы под насыпью вытянуты в ряд по линии северо-запад – юго-восток.

Погребение 1.

Занимает центральное положение в ряду могил, отстоит на 3,5 м к северо-западу от репера. Материковый выкид залегал полукольцом с южной стороны могилы и достигал толщины 0,17 м. Прямоугольная могильная яма размерами 1,95x1,4 м ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Стенки могильной ямы отвесные, глубина 0,55 м. На дне ямы, ближе к северо-западной стенке лежал скелет человека на левом боку, скорченно, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 16, 1).

Напротив коленей погребенного, под юго-восточной стенкой стоял лепной глиняный сосуд с широким дном, четко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Срез венчика орнаментирован оттисками плоского штампа, образующего зигзаг. Между линиями зигзага округлым предметом нанесены точечные вдавления (рис. 16, 1).

Погребение 2.

Занимает западное положение в ряду могил, в 6,5 м к северо-западу от репера. Могильный выкид полукольцевой формы залегал к северу от могильной ямы (максимальная толщина 0,11 м). Прямоугольная могильная яма с округлыми углами и размерами 2,18x1,13 м ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Стенки ямы отвесные, глубина 0,33 м. На дне могилы находился скелет человека на левом боку, с небольшим завалом на спину, головой на северо-восток. Верхняя часть скелета разрушена грызунами. Погребенный лежал со слабо скорченными ногами, руки согнуты в локтях и положены перед грудной клеткой. У северо-восточной стенки зафиксировано пятно белого тлена, остатки органической подстилки с прослеженными полосками коры залегали под нижней частью скелета (рис. 16, 1). У юго-восточной стенки могильной ямы лежал развал глиняного лепного сосуда с округлыми боками, выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Внутри сосуда имеются следы нагара. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности – от светло-коричневого до черного; в тесте глины отмечена примесь шамота (рис. 16, 2).

Погребение 3.

Находилось в центре кургана, непосредственно под центральной бровкой, к востоку от репера и занимало восточное положение в ряду могил. Материковый выкид за-

легал к северу и юго-востоку от могильной ямы и достигал толщины 0,16 м. Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,6x1,25 м и глубиной 0,74 м ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. На дне могилы, немного по диагонали, на левом боку с завалом на грудь лежал скелет человека. Ноги согнуты под прямым углом, руки – в локтях, кисти рук положены под голову (рис. 16, III). В области шейных позвонков найдены 14 пастовых бус различного диаметра (рис. 16, 5). Между нижними ребрами и тазом лежал обломок костяной пряжки с двумя отверстиями – большим и малым (рис. 16, 4). Перед коленями погребенного стоял глиняный лепной сосуд баночной формы. На тулове сосуда видны следы заглаживания. По краю венчика симметрично расположены две пары сквозных отверстий (рис. 16, 3). Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности серый и черный.

Курган 4

Насыпь кургана снималась скрепером с оставлением центральной бровки по линии запад – восток. Диаметр кургана 23 м, высота по восточной бровке 0,72 м, по западной – 1,05 м. Стратиграфия кургана: пахотный слой – темный рыхлый гумус толщиной 0,15-0,4 м; насыпь – темно-серый плотный суглинок толщиной до 1 м в центральной части; погребенная почва – темно-серый гумус толщиной до 0,2 м; материк – светло-желтая глина. Курган сооружен над одним погребением, вокруг которого на уровне погребенной почвы залегал материковый выкид С-овидной формы в плане (с разрывом в северо-восточном секторе). Толщина выкида достигала 0,8 м, в западной поле он соприкасался с пахотным слоем (рис. 17).

Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имеет следующие размеры: длина 3,15 м, ширина 2,4 м и глубина 1,5 м. По краям могильной ямы сохранились остатки деревянного перекрытия из плах шириной до 0,55 м и толщиной до 0,15 м. Перекрытие лежало по линии запад – восток, т.е., по диагонали относительно могильной ямы. Остатки деревянного перекрытия также встречены в заполнении могильной ямы. В южной части могилы, в углах и центральной части короткой стенки, на глубине 0,6-0,7 м от уровня материка устроены неглубокие полукруглые ямки-подбойчики с плоским дном, служившие, вероятно, для крепления перекрытия. На дне могильной ямы, у западной стенки и ближе к северному углу находился скелет человека.

Погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток, скорченно. Ноги согнуты в коленях под прямым углом, руки – в локтях и положены перед лицом. Кости скелета очень плохой сохранности (рис. 18, I).

Рядом с кистью правой руки обнаружен обломок орнаментированного костяного втука стрелы. Орнамент состоит из двух противолежащих рядов плотно поставленных треугольников (рис. 18, 9; 27, 2). В центральной части могильной ямы, на дне лежал бронзовый нож с перехватом и намечающимся перекрестием и прямым раскованным окончанием рукояти. Лезвие ножа сильно сработанно. Общая длина ножа 17,2 см, длина рукояти 7 см, максимальная ширина лезвия 3,6 см (рис. 18, I).

Остальной погребальный инвентарь находился у южной стенки. Здесь обнаружены:

1). Лепной глиняный сосуд баночной формы. Сосуд имеет широкое плоское дно, округлые бока и прикрытое устье. С внешней стороны венчика симметрично расположены наклепные «ушки» со сквозными вертикальными отверстиями. Под венчиком нанесен бордюрный орнамент из пересекающихся наклонных оттисков зубчатого штампа. Оттиски этого же штампа нанесены на одну боковину сосуда. Обжиг равномерный, цвет внешней поверхности светло-коричневый (рис. 18, 6).

2). Лепной глиняный сосуд с ребром в верхней трети и слегка отогнутым наружу венчиком. Верхняя половина сосуда украшена ложношнуровым орнаментом в виде цепочки ромбов. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности изменяется от светло-коричневого до черного. В тесте глины есть примесь шамота (рис. 18, 5).

3). Обломок крупного костяного кольца. Поверхность заполирована, внутренний край скошен внутрь, сечение – близкое к прямоугольному (рис. 18, 10; 27, 3).

4). Круглый костяной диск. По периметру вырезаны прямоугольные зубцы. Внешняя сторона заполирована, на обратной – выгравирована косая сетка. Диск слегка изогнут в продольном сечении, диаметр 3,6 см (рис. 8, 7; 27, 6).

5). Плоский костяной предмет овальной формы. Один конец обломан. С одной стороны предмет заполирован, с другой выгравирована косая сетка (рис. 18, 2; 27, 7).

6). Цилиндр из трубчатой кости. Края ровно обрезаны, с одной стороны оставлен более толстый ободок, торец которого орнаментирован штриховкой. Длина предмета 3,8 см, диаметр 3,9 см (рис. 18, 8; 27, 5).

Под короткой юго-западной стенкой, приблизительно в ее центре лежала нижняя челюсть кабана. Слева и справа от нее, на расстоянии 0,2 и 0,3 м под стенкой найдены два костяных псаляя.

1). Щитковый псалий подовальной формы. В центре щитка просверлено круглое отверстие. По внешней стороне вокруг отверстия оставлен выступающий ободок. Более тонкая планка отделена от щитка уступом. На планке имеются три отверстия, в которые вставлены штифты цилиндрической формы длиной от 1 до 3 см, равномерно выступавшие с обеих сторон. Еще один шип вырезан на боковой стороне планки. В торце щитка вырезано отверстие прямоугольной формы, имеющее радиальную направленность. Длина псаляя 7 см, максимальная ширина 3,9 см, толщина до 0,6 см (рис. 18, 3; 27, 1).

2). Круглый щитковый псалий с прямоугольной планкой, отсекающей часть окружности. В центре высверлено отверстие, окруженное ободком с внешней стороны. В центральной части планки имеются два отверстия, в которые вставлены штифты в форме усеченного конуса, равномерно выступающие с обеих сторон. Третий шип вырезан на краю планки с внешней стороны, четвертый вырезан на противоположном краю планки с торца. Торцы шипов с внешней стороны украшены циркульным орнаментом. По периметру псаляя проходит полоса орнамента в виде волны между двумя параллельными линиями. К внутренней линии примыкает ряд косых насечек. Вокруг отверстия выгравированы три парных фестона.

С внутренней стороны псаляя по окружности вырезаны два шипа и петелька. Длина псаляя с планкой 5,5 см, диаметр окружности 6,5 см (рис. 18, 4; 27, 4).

Погребенный и весь инвентарь лежали на подстилке из камыша и коры, занимавшей почти всю площадь дна.

Курган 5

Насыпь кургана имела овальную форму, вытянутую по линии запад-восток и диаметр 25x20 м. Высота кургана 0,32 м по северо-восточной поле и 0,39 м по юго-западной поле. Насыпь кургана снималась скрепером с оставлением центральной бровки по линии юго-запад – северо-восток.

Стратиграфия кургана: пахотный слой – темный рыхлый гумус толщиной 0,13-0,26 м; насыпь – плотный темно-серый суглинок толщиной до 0,35 м; погребенная почва – темный плотный гумус толщиной 0,1-0,2 м; материк – светло-желтая глина.

В кургане выявлено 32 погребения и 2 тризны. Строгой системы в расположении погребений не наблюдается, хотя некоторая закономерность прослеживается: несколь-

ко погребений (до 5) образуют короткие ряды, вытянутые в направлениях запад – восток или северо-запад – юго-восток.

Планиграфически погребения распределяются на две группы – западную и восточную, но ярко выраженной границы нет. Сильно распаханная насыпь не позволяет определить за сколько приемов возведена насыпь. Несомненно следующее: наиболее крупные погребения сопровождаются материковыми выкидами на погребенной почве, вероятно выкиды от неглубоких погребений не сохранились из-за распашки и это указывает на относительную одновременность всех захоронений, даже если западная пола кургана была подсыпана несколько позднее (рис. 19, 1).

Погребение 1.

Погребение детское, сильно повреждено грызунами. Могильная яма имела прямоугольную форму с неровными стенками и ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могилы: длина 1,1 м, ширина 0,7 м, глубина 0,1 м. На дне могилы, у восточной стенки лежали отдельные кости детского скелета. Тут же находились фрагменты глиняного лепного сосуда. Сосуд имел широкое плоское дно, высоко расположенный венчик и ярко выраженную шейку. По шейке и придонной части прочерчены зигзаги, тулово украшено прочерченными вертикальными линиями, а срез венчика – глубокими наклонными насечками. Обжиг сосуда равномерный, внешняя поверхность светло-коричневого цвета, а в тесте глины имеется примесь талька (рис. 19, 2).

Погребение 2.

Погребение детское. Могильная яма имела прямоугольную форму, округлые углы и следующие размеры: длина 0,75 м, ширина 0,55 м, глубина 0,25 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. На дне могилы, на органической подстилке коричневого цвета (дерево, кора?) лежал скелет ребенка. Сохранность скелета плохая, но, судя по остаткам черепа и другим костям, погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток. Перед лицом умершего лежал лепной глиняный сосуд баночной формы с прикрытым устьем. По тулову сосуда проходят глубокие вертикальные расчески. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности серый и черный (рис. 19, 3).

Погребение 3.

Впускное. К западу от могильной ямы, на первичной насыпи залегал материковый выкид, достигавший толщины 0,15 м. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами расширялась в южной половине. Длина ямы 1,9 м, максимальная ширина 1,1 м, глубина 0,7 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Погребенный лежал у восточной стенки могилы, на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях и положены перпендикулярно к туловищу. Дно могилы покрыто слоем органического тлена белого цвета.

Погребение датируется предсавроматским временем.

Погребение 4.

Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинными сторонами по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,72 м, ширина 0,52 м, глубина 0,4 м. На дне могилы лежал скелет ребенка. По сохранившимся костям можно определить, что погребенный лежал на правом боку, скорченно, ориентирован головой, скорее всего, на восток-северо-восток. Руки погребенного согнуты в локтях и положены перед лицом. В западном углу могилы, за черепом находилась верхняя часть глиняного лепного сосуда со слегка отогнутым венчиком. В тесте глины имеется примесь толченой ракушки. Диаметр венчика 19,2 см.

Погребение 5.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии восток – запад и имела следующие размеры: длина 1,1 м, ширина 0,75 м, глубина 0,7 м. На дне могилы находилось захоронение ребенка, сильно разрушенное грызунами. Судя по остаткам скелета (череп и фрагмент кости ноги) погребенный лежал на левом боку, головой на восток, ноги согнуты в коленях (рис. 19, 4).

В районе черепа обнаружен плохо сохранившийся обломок бронзовой желобчатой подвески (рис. 19, 5). В юго-западном углу погребения лежал глиняный лепной сосуд со слабо выраженным ребром, высоким венчиком и широким устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый. Внутри видны следы нагара. В тесте глины есть примесь толченой ракушки, а по шейке сосуда проходят неглубокие расчесы (рис. 19, 7).

Рядом с сосудом лежали нижняя челюсть кабана и цилиндрическая пронизка, свернутая из полоски бронзы. Длина пронизки 1,6 см, диаметр 3 мм (рис. 19, 6).

Погребение 6.

Могила прямоугольной формы была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могилы: длина 1,5 м, ширина 0,8 м, глубина 0,3 м. На дне могилы на левом боку лежал скелет подростка, головой на северо-восток, сильно скорченно – ноги подтянуты к тазу. Руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом (рис. 19, 8). Между локтями и тазом стоял лепной глиняный сосуд со слабым ребром в верхней трети и высоким, отогнутым наружу венчиком. По плечу сосуда гладким штампом нанесен зигзаг, поле ниже зигзага заполнено овальными наколами. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности изменяется от светло-коричневого до черного. На тулове заметны легкие расчесы (рис. 19, 9).

Погребение 7.

Прямоугольная могила с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,75 м, ширина 1,2 м и глубина 0,8 м. В верхней части гумусного заполнения могильной ямы встречалась истлевшая древесина от перекрытия, ниже могильная яма забутована материковой глиной.

На дне могилы, ближе к северо-западной стенке, на левом боку, скорченно, лежал скелет человека, ориентированный головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом. Правая нога, лежавшая на левой, подтянута к локтям. Погребенный лежал на подстилке из камыша (рис. 20, 1). Перед лицом умершего лежал бронзовый, желобчатый в сечении браслет с заходящими концами, на которых имеются два прямоугольных отверстия. Диаметр браслета 5,7 см. Второй бронзовый браслет с заходящими концами, полукруглый в сечении, находился за черепом, в вертикальном положении. Диаметр браслета 5,7 см (рис. 20, 3, 4).

Внутри окружности второго браслета сохранился кусок ткани. Ткань типа рогожки, полотняного переплетения, шерстяная.

Над черепом и под ним найдены бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота высотой 2,8 см (рис. 20, 2).

Погребение 8.

Могильная яма с трех сторон (с запада, юга и востока) окружена материковым выкидом, залегавшем на погребенной почве и достигавшем толщины 0,11 м. Могила прямоугольной формы ориентирована по линии восток – запад и имела следующие размеры: длина 1,85 м, ширина 1,45 м и глубина 0,6 м. Нижняя половина могильной ямы забутована материковой глиной. В северо-западном углу могилы, на глубине 0,3 м от уровня материка имелась полукруглая ниша, в которой лежали фрагменты черепа козла (?) и кости барана. Еще две кости ног барана лежали на дне могилы, вдоль западной стенки. На дне могилы, ближе к северной стенке находилось парное захоронение. Оба погребенных лежат головами на восток, скорченно, лицом друг к другу: северный

скелет на левом боку, южный – на правом. Руки обоих скелетов, согнутые в локтях и положенные перед лицом, соприкасаются, ноги южного скелета перекрывают ноги северного (рис. 20, 5).

В районе шейных позвонков южного скелета найдено 12 пастовых бусин различного размера (рис. 20, 7). Там же лежало 5 подвесок из сурьмы: четыре треугольных и одна ромбовидная. В узкой верхней части подвесок с торцевой стороны имеются отверстия для подвешивания, в профиле все подвески имеют клиновидную форму. На внешней поверхности треугольных подвесок имеется орнамент в виде косых линий, а на поверхности ромбовидной – рельефный ромб, разделенный сеткой на более мелкие ромбы. На этой же подвеске верхняя часть с отверстием отделена рельефным валиком (рис. 20, 6). На черепе южного скелета и под ним найдены бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота очень плохой сохранности.

В юго-восточном углу могилы стояли три лепных глиняных сосуда:

1). Округлобокий горшок с отогнутым венчиком. По шейке сосуда крупнозубчатым штампом выполнен орнамент в виде двойной горизонтальной линии, под которой проходит зигзаг. Срез венчика орнаментирован линией такого же крупнозубчатого штампа. Обжиг неравномерный, цвет поверхности меняется от серого до черного. На тулове заметны слабые расчески, а внутри сосуда – следы нагара (рис. 20, 10).

2). Округлобокий горшок с резко выделенной шейкой. Венчик отогнут наружу, с внутренней стороны по шейке проходит сглаженное ребро. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от светло-коричневого до черного (рис. 20, 9).

3). Небольшой горшковидный сосуд горизонтальных пропорций с округлыми боками и слегка отогнутым венчиком. Шейка сосуда подчеркнута горизонтальной линией, выполненной плоским штампом. Обжиг сосуда неравномерный, цвет изменяется от светло-коричневого до черного, в изломе – кирпично-красный (рис. 20, 8).

Погребение 9.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,33 м, ширина 0,7 м, глубина 0,7 м. В заполнении могилы встречались мелкие угольки. На дне могилы, на левом боку лежал скелет человека, головой на северо-восток, сильно скорченно: ноги согнутые в коленях, подтянуты к животу. Руки, согнутые в локтях, лежат перед лицом (рис. 21, 1).

В ногах погребенного стоял глиняный лепной асимметричный сосуд биконической формы с отогнутым наружу венчиком. Шейка подчеркнута двойной горизонтальной линией, выполненной плоским штампом. Ниже проходит орнамент в виде опущенных вершинами вниз треугольников, нанесенный также двойной линией. К трем вершинам треугольников примыкают дополнительные ромбы, нарушающие ритм орнамента. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от светло-коричневого до черного (рис. 21, 2).

Погребение 10.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и ориентированная по линии север-северо-восток – юг-юго-запад имела следующие размеры: длина 1,1 м, ширина 0,74 м и глубина 0,2 м. От скелета ребенка сохранились отдельные кости черепа, рук и ног. Судя, по ним умерший лежал на левом боку, скорченно, головой на север. Перед коленями стоял глиняный лепной сосуд со слегка округлыми боками и расширенным устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности серый (рис. 21, 3).

Погребение 11.

Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и имела следующие размеры: длина 0,6 м, ширина 0,4 м и глубина 0,05 м. Скелет ребенка полностью разрушен грызунами. У южной стенки, по

центру ямы стояла придонная часть глиняного лепного сосуда. На стенках видны следы грубых расчесов, в тесте глины примесь дресвы. Обжиг равномерный, цвет поверхности серый.

Погребение 12.

Могильная яма подквадратной формы с сильно разрушенными краями была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и имела следующие размеры: длина 0,65 м, ширина 0,5 м и глубина 0,08 м. Погребение разрушено грызунами. У северной стенки найдены мелкие обломки глиняного лепного сосуда не поддающиеся реконструкции.

Погребение 13.

К северу и западу от погребения на погребенной почве залегал материковый выкид толщиной до 0,12 м. Могильная яма подквадратной формы с округлыми углами ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,95 м, ширина 0,75 м и глубина 0,5 м. Погребение разрушено грызунами. Сохранились кости ног ребенка, по которым установлено, что погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой в северном направлении. У южного угла ямы стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с округлыми боками, слегка прикрытым устьем и немного отогнутым венчиком. Под венчиком имеются два круглых отверстия. Поверхность покрыта грубыми расчесами. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от коричневого до черного (рис. 21, 5).

Погребение 14.

Могильная яма подквадратной формы с сильно разрушенными краями имела следующие размеры: длина 0,75, ширина 0,7 и глубина 0,25 м. От погребенного сохранилась лишь часть черепной крышки, лежащая у западной стенки. Рядом находилась верхняя часть глиняного лепного сосуда баночной формы с прямым венчиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от серого до черного. В тесте глины примесь дресвы. Диаметр венчика 14 см.

Погребение 15.

Могильная яма прямоугольной формы с сильно разрушенными краями была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры могилы: длина 0,8 м, ширина 0,6 м, глубина 0,14 м. На дне ямы лежали остатки детского скелета (ребра и кости рук). Судя по ним, погребенный лежал на левом боку, головой приблизительно на север. Ближе к северо-западному углу стоял лепной глиняный сосуд – приземистая банка с открытым устьем. По тулову банки среднезубчатым штампом выполнен орнамент в виде нескольких рядов зигзагов, которые образуют цепочку ромбов. Этим же штампом нанесены насечки по срезу венчика. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый, в тесте глины слабая примесь ракушки(?) (рис. 21, 6).

Погребение 16.

Могильная яма округлой формы и с округлыми углами немного расширяется в ногах погребенного. Она ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имеет следующие размеры: длина 0,98 м, ширина 0,7 м и глубина 0,25 м. На дне ямы лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток. Перед лицом стоял лепной глиняный сосуд с широким устьем и резко отогнутым венчиком. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-серый, в верхней части нанесены грубые расчесы. В тесте глины примесь шамота (?) (рис. 21, 4).

Погребение 17.

Могила прямоугольной формы ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и имела следующие размеры: длина 1,2 м, ширина 0,78 м и глубина 0,75 м. На дне могилы, у западной стенки лежал скелет ребенка на левом боку, головой на северо-северо-запад. Ноги слабо скорчены, руки согнуты в локтях и положены перед

лицом (рис. 21, 9). У восточной стенки по центру стоял лепной глиняный сосуд баночной формы со слегка прикрытым устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый, в тесте глины имеется примесь шамота (?) (рис. 21, 8). Рядом с сосудом найдена бронзовая обоймочка прямоугольной формы (рис. 21, 10).

Погребение 18.

Могильная яма прямоугольной формы с наклонными длинными стенками ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры могилы: длина 1,4 м, ширина 0,95 м, глубина 0,6 м.

На дне могилы, ближе к западной стенке лежал скелет человека на левом боку, слабо скорченно, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом. Череп развернут грызунами (рис. 21, 11). За спиной погребенного стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с округлыми боками и слегка прикрытым устьем. Тулово покрыто грубыми расчесами. Обжиг неравномерный, цвет поверхности меняется от светло-коричневого до черного (рис. 21, 7).

Погребение 19.

К югу от могильной ямы на погребенной почве залегал материковый выкид полукольцевой формы. Прямоугольная могильная яма с округлыми углами была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и имела следующие размеры: длина 1,05 м, ширина 0,55 м и глубина 0,33 м. На дне ямы, в центре лежал скелет ребенка на левом боку, сильно скорченно, головой на северо-северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом. Перед руками стоял лепной глиняный сосуд с отогнутым венчиком и высоко расположенным плечиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до черного (рис. 22, 3). Рядом с сосудом лежали два бараньих альчика.

Погребение 20.

С южной стороны к могильной яме примыкал материковый выкид полукольцевой формы, залегавший на погребенной почве и достигавший толщины 0,07 м. Узкая прямоугольная могильная яма с округлыми углами была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела размеры: длина 1,8 м, ширина 0,85 м и глубина 0,8 м.

На дне могилы, ближе к западной стенке лежал скелет человека на левом боку, головой на северо-северо-восток. Ноги скорчены, правая немного подтянута к животу. Руки, согнутые в локтях, протянуты в сторону от туловища (рис. 22, 1). У восточной стенки стоял глиняный лепной сосуд биконической формы с округлым ребром, выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от серого до черного. В тесте глины имеется примесь дресвы (рис. 22, 2). К северу от сосуда, между скелетом и восточной стенкой на дне могилы лежали 56 бараньих альчиков.

Погребение 21.

Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,2 м, ширина 0,68 м и глубина 0,6 м.

На дне могилы, у юго-западной стенки лежала черепная крышка ребенка глазами на запад. В северной части погребения находились два лепных глиняных сосуда. Один сосуд сохранился полностью. Это банка со слегка прикрытым устьем. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от серого до черного. Поверхность сосуда покрыта легкими расчесами от сглаживания. Изнутри на стенках сохранился нагар (рис. 22, 5).

Венчик второго сосуда не сохранился, но судя по профилю стенок, это тоже округлобокая банка со слегка прикрытым устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый. В тесте глины примесь дресвы (рис. 22, 4).

Расположение черепа и, особенно, сосудов в могиле позволяют предполагать юго-западную ориентировку погребенного.

Погребение 22.

Впускное. Погребение ребенка было совершено в насыпи на глубине 54 см от нулевого репера. Сохранились фрагменты черепа, позвонки, кость руки, по которым определено, что погребенный лежал головой на север (рис. 22, 8).

Севернее черепа находился глиняный лепной сосуд с плавно отогнутым наружу невысоким венчиком и округлыми боками. Шейка подчеркнута линией оттисков мелкозубчатого штампа; ниже им же выполнен двойной зигзаг, опоясывающий сосуд. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-серый. В тесте глины заметна примесь толченой ракушки (рис. 22, 7). К востоку от черепа найден альчик.

Погребение 23.

Могильная яма прямоугольной формы и сужающимися ко дну стенками была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела размеры: длина 0,77 м, ширина 0,58 м и глубина 0,57 м. Погребение сильно нарушено грызунами, на дне ямы встречены отдельные кости человеческого скелета.

У южного угла могилы стоял глиняный лепной сосуд с невысоким отогнутым венчиком и округлыми боками. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый (рис. 22, 6).

Погребение 24.

С южной и восточной стороны к погребению примыкает материковый выкид, залегающий на погребенной почве и достигающий толщины 0,08 м. Могильная яма подтрапециевидной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,5 м, ширина 0,54 м и глубина 1 м.

На дне могилы, на левом боку, скорченно, головой на северо-восток лежал скелет подростка. Руки согнуты в локтях и кисти положены перед лицом (рис. 22, 9). В районе шеи найдено 15 круглых пастовых бусин различного размера и 9 мелких сурьмяных бусин (рис. 22, 12). За спиной и тазом найдены 9 костяных пронизок цилиндрической формы, изготовленных из трубчатых костей. Длина пронизок от 0,9 до 1,6 см (рис. 22, 11). В районе коленного сгиба правой ноги находился крупный глиняный лепной сосуд с высоко расположенным плечиком и прямым, утолщенным снаружи, венчиком. На шейке имеются два круглых отверстия. Поверхность сосуда покрыта грубыми расчесами. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до черного. В тесте глины имеется примесь толченой ракушки (рис. 22, 10).

Погребение 25.

С юга к могиле примыкал материковый выкид полукольцевой формы, залегающий на погребенной почве и достигавший толщины 0,13 м. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами ориентирована по линии север – юг и имела следующие размеры: длина 1,54 м, ширина 1,2 м и глубина 0,5 м. На дне могилы, на левом боку, сильно скорченно (пятки у таза), головой на север лежал скелет человека. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 23, 1). В районе таза найдены остатки разложившегося предмета (?) розового цвета.

Погребение 26.

Прямоугольная могильная яма с округлыми углами ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,95, ширина 0,68 м и глубина 0,3 м. Западным углом могила смыкается с погребением 27 (рис. 23, 9). Захоронение разрушено грызунами. В центре ямы, ближе к северному краю, на подстилке из камыша лежали фрагменты таза ребенка, а у юго-западной короткой стенки – кости барана. В центре могилы стоял глиняный лепной округлобокий сосуд с плавно отогнутым

венчиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до черного. В тесте глины имеется примесь толченой раковины (рис. 23, 2).

Погребение 27.

Могильная яма в форме широкого прямоугольника с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,1 м, ширина 0,75 м и глубина 0,3 м.

На дне могилы, ближе к северо-западной стенке лежал скелет ребенка, на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом (рис. 23, 8). У южного угла могильной ямы, на дне вдоль стенки лежали кости от ноги барана, а у западного угла стоял глиняный лепной округлобокий сосуд с отогнутым наружу венчиком. Тулово сосуда покрыто расчесами. Обжиг равномерный, цвет поверхности сосуда светло-коричневый. В тесте глины имеется примесь толченой раковины (рис. 23, 4).

Длинной юго-восточной стенкой могильная яма смыкается с юго-западным углом могильной ямы погребения 26.

Погребение 28.

Могильная яма подпрямоугольной формы была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,72 м, ширина 0,5 м и глубина 0,45 м.

Погребение разрушено грызунами, на дне лежали отдельные кости детского скелета. В южном углу стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с округлыми боками и слегка прикрытым устьем. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до черного (рис. 23, 13).

Погребение 29.

Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии северо-запад – юго-восток и имела следующие размеры: длина 0,55 м, ширина 0,37 м и глубина 0,15 м. На дне могилы лежал плохо сохранившийся скелет ребенка. Вероятно, погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на юго-восток.

В западном углу могилы лежал глиняный лепной округлобокий сосуд плавной профилировки со слегка выделенной шейкой. В верхней трети тулова крупнозубчатым штампом нанесен зигзаг. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от серого до черного (рис. 23, 6).

Погребение 30.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,85 м, ширина 0,56 м и глубина 0,4 м. На дне могилы лежал скелет ребенка, поврежденный грызунами, на левом боку и головой на северо-восток.

В восточном углу могилы стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с широким, слегка прикрытым устьем и узким дном. Обжиг равномерный, цвет поверхности серый (рис. 23, 7).

Погребение 31.

С северной стороны могильной ямы, на погребенной почве залегал материковый выкид толщиной до 0,1 м. Прямоугольная могильная яма с округлыми углами была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,1 м, ширина 0,8 м и глубина 0,55 м.

На дне могилы лежали остатки скелета ребенка, нарушенные грызунами. Судя по сохранившимся костям, умерший лежал на левом боку, головой на восток-северо-восток.

В восточном углу погребения стоял лепной глиняный сосуд с округлым высоким плечом, короткой шейкой и слегка отогнутым, утолщающимся к срезу, венчиком. Об-

жиг равномерный, на поверхности темно-серого цвета нанесены легкие расчесы (рис. 23, 5).

Погребение 32.

Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,83 м, ширина 0,6 м и глубина 0,4 м. На дне могилы лежал скелет ребенка, на левом боку, головой на восток. Ноги слабо согнуты, руки протянуты к ногам.

У южной стенки, ближе к углу стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с округлым туловом и прикрытым устьем. По срезу и краю венчика крупнозубчатым штампом нанесены ряды наклонных линий. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до черного, в тесте глины примесь шамота (?) (рис. 23, 3). Вокруг сосуда и вдоль юго-восточной стенки лежали 14 альчиков.

В кургане также обнаружено две тризны.

Тризна 1.

Находилась в 5,6 м к югу от репера кургана и к югу от короткого ряда могил в этом секторе кургана (погребения 10, 6, 9, 20). Представляла из себя неглубокую (10 см в материке) аморфной формы ямку размерами 0,3х0,35 м, на дно которой были положены две ноги и нижняя челюсть барана (рис. 23, 10).

Тризна 2.

Находилась в 7,5 м к юго-западу от центра кургана. Совершена на уровне погребенной почвы, на глубине 0,58 от нулевого репера, на свободном участке между восточной и южной группами погребений. Включала кости барана и две боковины от глиняных лепных сосудов.

1). Сосуд баночной формы с округлыми боками и прикрытым устьем. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от темно-коричневого до черного. На поверхности заметны расчесы, в тесте глины примесь толченой раковины (рис. 23, 11).

2). Стенка округлобокого сосуда с коротким прямым венчиком. С внутренней стороны венчик имеет наплыв. Обжиг равномерный, цвет поверхности темно-серый, в тесте глины примесь толченой раковины (рис. 23, 12).

Курган 6

Диаметр насыпи 16 м, высота по южной поле 0,07 м, по северной – 0,4 м. Насыпь снималась скрепером с оставлением центральной бровки по линии север – юг.

Стратиграфия кургана: пахотный слой – темный рыхлый гумус толщиной 0,12-0,3 м; насыпь – темно-серый гумусированный суглинок, максимальная толщина в центре кургана 0,35 м; погребенная почва – темный плотный гумус толщиной 0,05-0,15 м; материк – светлая желтая глина.

Курган содержал 14 погребений. В расположении погребений прослеживается определенная закономерность: 6 погребений вытянуты по линии север-юг в западной поле, а от двух из них начинаются еще два ряда в перпендикулярном направлении к восточному краю насыпи. Наиболее крупные могильные ямы сопровождаются материковыми выкидами на погребенной почве (рис. 24, 1).

Погребение 1.

К северу от могильной ямы на погребенной почве залегал выкид толщиной до 0,09 м. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,55 м, ширина 1,15 м и глубина 0,8 м. Могильная яма расширяется в ногах погребенного, длинные стенки немного сужаются ко дну.

На дне могилы на подстилке из камыша лежал скелет подростка, на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Правая рука согнута под прямым углом, прижата к туловищу и кистью касается локтя левой руки. Левая рука была согнута в локте и положена перед лицом (рис. 24, II).

В восточном углу могилы, перед лицом погребенного лежала нижняя челюсть кабана и рядом с ней три кабаньих клыка и бараний альчик (рис. 24, II, а). По центру могилы, ближе к длинной юго-восточной стенке найдены 7 бараньих альчиков; еще 1 альчик лежал в изголовье могилы, между черепом и стенкой (рис. 24, II, б). У коленей стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с широким устьем, прямым венчиком и резким переходом к узкому дну в верхней трети тулова. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от коричневого до черного, на тулове заметны следы сглаженных расчесов (рис. 24, I).

Погребение 2.

С западной стороны могильного пятна на погребенной почве залегала линза материкового выкида толщиной до 0,04 м. Прямоугольная могильная яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,82, ширина 0,52 м и глубина 0,6 м.

Погребение сильно потревожено грызунами: у северо-восточной стенки лежали фрагменты черепа ребенка, а у юго-восточной стенки – 2 бараньих альчика. В южном углу могилы стоял глиняный лепной баночный сосуд с широким, слегка прикрытым устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый, в тесте глины примесь дресвы. На тулове заметны сглаженные расчесы (рис. 24, 2).

Погребение 3.

Узкая прямоугольная могильная яма была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,7 м, ширина 0,3 м и глубина 0,28 м. Скелет ребенка не сохранился.

На дне могилы, в южном углу стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с прямыми стенками и открытым устьем. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый, в тесте глины примесь шамота (?) (рис. 24, 3).

Погребение 4.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,94 м, ширина 0,6 м и глубина 0,35 м. Стенки ямы слегка сужаются ко дну. Скелет ребенка не сохранился.

У северо-западной стенки найден бараний альчик, а у юго-западной стоял глиняный лепной сосуд баночной формы с округлыми боками и прикрытым устьем. Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности изменяется от коричневого до черного (рис. 24, 4).

Погребение 5.

С юго-западной стороны могильной ямы на погребенной почве залегал материковый выкид толщиной до 0,07 м. Прямоугольная могильная яма с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,5 м, ширина 0,96 м и глубина 0,9 м. В короткой северо-восточной стенке по дну имелся небольшой подбойчик глубиной до 0,1 м, а противоположная стенка сужалась ко дну. На дне могилы лежал скелет человека на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти положены перед лицом. За черепом погребенного зафиксировано несколько древесных угольков, а под черепом – овальное пятно посыпки красного цвета (рис. 24, III). У северо-восточной стенки лежали три путовые кости лошади, а между скелетом и юго-восточной стенкой стояли два глиняных лепных сосуда.

1). Округлобокая банка с прикрытым устьем. Тулово покрыто расчесами. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от коричневого до черного. В тесте глины незначительная примесь выгоревшей органики (рис. 24, 6).

2). Острореберный сосуд горизонтальных пропорций. Верхняя часть сосуда до ребра покрыта орнаментом, выполненным плоским штампом и наколами и состоящим из чередующихся рядов зигзагов и горизонтальных линий. Обжиг равномерный, цвет поверхности светло-коричневый (рис. 24, 5).

Погребение 6.

Широкая прямоугольная могильная яма со скошенными длинными сторонами была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,93 м, ширина 1,7 м и глубина 1 м.

На дне могилы, на камышовой подстилке, ближе к западной стенке лежал скелет человека, на левом боку, скорченно, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди, кисти рук лежат перед лицом (рис. 25, I). У коленей погребенного лежал глиняный лепной сосуд подострореберной формы с широким устьем и узким дном. Тулово покрыто слабыми расчесами. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до черного, в тесте глины примесь толченой ракушки (рис. 25, I).

Погребение 7.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и имела следующие размеры: длина 0,63 м, ширина 0,4 м и глубина 0,2 м.

На дне могилы, по центру и ближе к западной стенке лежали остатки детского черепа. Остальные кости не сохранились, инвентарь отсутствовал.

Погребение 8.

Могильная яма подпрямоугольной формы была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,65 м, ширина 0,44 м и глубина 0,21 м.

На дне могилы, в центре стояли два лепных глиняных сосуда (рис. 25, II).

1). Горшок с коротким плечом и слегка отогнутым наружу венчиком. Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности варьирует от светло-коричневого до черного. По плечу нанесены неглубокие вертикальные расчесы (рис. 25, 2).

2). Горшок с округлым плечиком и отогнутым наружу венчиком. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности от серого до черного. (рис. 25, 3).

Могила, скорее всего, являлась кенотафом, так как сосуды занимали все место между длинными стенками, не оставляя возможности положить детский скелет.

Погребение 9.

Могильная яма имела по дну прямоугольную форму и была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Над длинной северо-западной стенкой, почти по всей ее длине нависал козырек шириной 0,31 м, образующий некое подобие подбоя. Размеры ямы по дну: длина 1,05 м, ширина 0,6 м и глубина 0,7 м. Высота свода 0,63 м.

На дне потревоженного грызунами погребения, в центральной части могильной ямы и поперек ее лежала деревянная плаха длиной 0,36 м, шириной 8 см и толщиной 4,5 см (рис. 25, III). На ней стоял лепной глиняный сосуд баночной формы с округлыми боками и прикрытым устьем. Под венчиком имеются два овальных отверстия. Обжиг равномерный; ровная, сглаженная поверхность имеет светло-коричневый цвет (рис. 25, 4). На дне могилы сохранились два участка камышовой подстилки.

Вероятно, это тоже кенотаф. Следы скелета отсутствуют, несмотря на хорошую сохранность органики.

Погребение 10.

Могильная яма подпрямоугольной формы расширялась в северо-восточном направлении, длинными сторонами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,85 м, ширина 0,47 м и глубина 0,3 м. Короткая юго-западная стенка слегка скошена, а восточный угол нависает над могильной ямой.

Кости скелета не сохранились. В южном углу могилы стоял лепной глиняный сосуд с округлыми боками, выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Сосуд слегка асимметричен. С внутренней стороны по шейке проходит небольшое ребро. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до черного. В тесте глины примесь толченой ракушки (рис. 25, 5).

Погребение 11.

Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно разрушенными стенками была ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,88 м, ширина 0,58 м и глубина 0,45 м.

На дне ямы, в центре, встречены отдельные кости скелете ребенка. У юго-восточной стенки лежал глиняный лепной сосуд биконической формы и прямым венчиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от серого до черного (рис. 25, 6).

Погребение 12.

Узкая могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,83, ширина 0,42 м и глубина 0,35 м. Кости скелета не сохранились.

У северного угла могилы стоял глиняный лепной сосуд баночной формы со слегка выделенной шейкой. Обжиг неравномерный, цвет поверхности изменяется от серого до черного (рис. 25, 7).

Погребение 13.

Прямоугольная могильная яма с округлыми углами ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 0,98 м, ширина 0,74 м и глубина 0,7 м.

На дне могилы, ближе к северо-восточной стенке лежала деревянная плаха длиной 28 см, шириной 8 см и толщиной 5 см. Рядом с ней найдена круглая пастовая бусина, а ближе к восточному углу – бараний альчик. У северного и западного углов встречены крупинки красной охры. От скелета ребенка в центре могилы сохранилась кость ноги.

Погребение 14.

У северного края могильной ямы на погребенной почве залегал материковый выкид толщиной до 0,1 м. Могильная яма подквадратной формы со скошенными внутрь стенками была ориентирована более длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,07 м, ширина 1,04 м и глубина 0,9 м. В заполнении могилы встречены кусочки дерева от упавшего перекрытия.

На дне ямы, ближе к северо-западной стенке лежал плохо сохранившийся скелет человека. Погребенный был положен на левый бок, скорченно, с согнутыми в локтях руками, головой на северо-восток. Под скелетом сохранились остатки камышовой подстилки (рис. 25, IV).

Рядом с коленями лежал лепной глиняный сосуд с округлыми боками, утолщенным и слабо отогнутым венчиком. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от светло-коричневого до черного, поверхность слегка подлощена (рис. 25, 8).

У юго-восточной стенки, напротив грудной части скелета найден костяной предмет. Вырезан из трубчатой кости, края с обеих сторон ровно обрезаны. Предмет

представляет два разных по диаметру цилиндра, в месте соединения которых пропилен желобок. Большой цилиндр по краям украшен короткими насечками, на меньшем – вырезан треугольник. Длина предмета 2,8 см, диаметр большего цилиндра 2 см, меньшего – 1,2 см (рис. 25, 9).

Ближе к южному углу погребения найден бронзовый нож листовидной формы без перекрестия. Длина ножа 9,2 см, максимальное расширение лезвия 3 см (рис. 25, 10). К северу от ножа обнаружена кость животного (баран?).

Приведенные материалы раскопок двух курганных групп представляют несомненный интерес как источник по раннему этапу срубной культуры. Далее производится подробный сравнительный анализ погребального обряда обоих памятников с целью выяснения двух принципиально важных вопросов.

Во-первых, можем ли мы считать погребения эпохи внутри каждого из могильников относительно одновременными, то есть, относятся ли все курганы к небольшому хронологическому отрезку. Во-вторых, это вопрос о культурном и хронологическом соотношении погребений могильников между собой.

ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКОВ КОЧЕТНОЕ И ЗОЛОТАЯ ГОРА

Курганный могильник Кочетное

В могильнике исследовано 5 курганов, сооруженных в срубное время и содержащих 22 погребения. Стратиграфия курганов и планиграфическое распределение погребений в них позволяют утверждать, что все погребения срубного времени являются основными и насыпи над курганами, включавшими несколько погребений, сооружались в один прием. Рассмотрим данные утверждения по каждому кургану.

Курган 5.

Содержал 8 погребений эпохи бронзы. Четыре наиболее крупные могильные ямы сопровождались выкидом на погребенной почве. Погребения под насыпью составляют три ряда, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Северный ряд включает четыре погребения, средний и южный – по два. Две самые крупные могилы расположены в середине северного ряда и могила с трупосожжением – в среднем ряду, близко к условному центру насыпи. Могильные ямы не перекрываются и не соприкасаются друг с другом (рис. 3, 1).

Курган 6.

Содержал одно погребение-кенотаф (рис. 6, 1).

Курган 7.

Содержал одно погребение-кенотаф, символизировавшее тройное захоронение. Насыпь кургана окружена кольцевым ровиком (рис. 7, 1, 4).

Курган 11.

Содержал 3 погребения эпохи бронзы (рис. 9, 1). Взрослое погребение 3 расположено в центре кургана. Насыпь окружена прерывистым ровиком из 5 секторов. В южной оконечности северо-западного сектора ровика сооружена могильная яма погребения 2 (подростка), заглубленная на 0,4 м относительно дна ровика (рис. 9, 6). Детское погребение 1 расположено в южной же оконечности короткого западного сектора ровика. Северная часть могилы как бы «расширяет» ровик, так как только в этом случае погребенный мог быть ориентирован головой в северо-восточном направлении (рис. 9, 7). Глубина ямы совпадает с глубиной ровика. Обе могилы «вписаны» в контуры ровика и, вероятнее всего, были сооружены одновременно с ним или через относительно небольшой хронологический промежуток.

Курган 12.

Включал 9 погребений эпохи бронзы. Все они сопровождались материковыми выкидами на погребенной почве. Могилы расположены в три ряда по линии северо-

запад – юго-восток (рис 10, 1). Северный ряд включает одну могилу, средний – пять, южный – три. Три детских погребения расположены: северный ряд, крайнее восточное положение в среднем и южном рядах.

Могильные ямы во всех курганах подпрямоугольной или слегка подквадратной формы. Длинные стороны могильных ям отвесны, слегка сужаются ко дну или одна сужается, а другая на 5-15 см уходит под стенку. Глубина ямы зависит от ее размеров.

Погребальный обряд при сравнении между отдельными могилами, вне зависимости от кургана, отличается устойчивостью по всем признакам. Все умершие лежали на левом боку, скорченно, руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Обычно умерший был положен спиной ближе к стенке могильной ямы, а в нескольких случаях вплотную к ней (рис. 4, 6; 10, 7). Степень скорченности средняя, в трех случаях слабая и в одном сильная.

Погребальный инвентарь, за исключением керамики, размещался у головы. Керамика находилась между коленями и стенкой могилы, между берцовыми костями и стенкой могилы и, изредка, у пяток погребенного.

Разница в обряде захоронения взрослых и детей не прослеживается. Могильник включал 12 погребений взрослых (в т.ч. одно погребение содержало 2 взрослых скелета /к. 12, п. 5/ и одно погребение – скелет взрослого и ребенка /к. 12, п. 3/); 7 погребений детей и подростков; 1 трупосожжение на стороне и 2 кенотафа (причем, судя по погребальному обряду и составу инвентаря, один из кенотафов символизировал три захоронения /к. 7, п. 4/).

Ориентировка погребенных: на северо-восток – 11 случаев; на северо-северо-восток – 4; на север – 3 и на северо-северо-запад – 1. Ориентировка могильной ямы и расположение инвентаря в погребении с трупосожжением показывают, что здесь подразумевалась северо-восточная ориентировка (рис. 5, 8). Могильная яма кургана 7 ориентирована по линии запад – восток, но если учесть, что кенотаф символизировал три захоронения то их ориентировка (по направлению постеленных на дно циновок) – северо-северо-восточная (рис. 7, 4).

Деревянные надмогильные перекрытия имели 19 погребений из 22. Исключение – два детских погребения в ровике и могила с остатками трупосожжения, где кальцинированные кости были накрыты берестой. Остатки циновок или органического тлена по дну могильной ямы прослежены в 20 погребениях, за исключением двух детских (к. 5, п. 12 и к. 12, п. 4)

Охра обнаружена всего в четырех погребениях: одном взрослом (к. 5, п. 7), в кенотафе кургана 6 и в двух детских (к. 11, п. 2 и 3) в очень незначительном количестве – посыпаны пятки погребенного, отдельные пятна на дне и охра под дном сосуда.

Небольшое количество угольков обнаружено на дне могилы в к. 5, п. 7 и в заполнении к. 5, п. 3.

Погребальный инвентарь и заупокойная пища распределялись по могилам следующим образом. Керамика обнаружена в 16 погребениях, из них в трех погребениях стояло по 2 сосуда: в одном взрослом (к. 5, п. 8) (рис. 10, 7) и в двух детских (к. 11, п. 2 и 3) (рис. 10, 6). В парном взрослом погребении 5 из кургана 12 керамический сосуд сопровождался деревянной чашей (рис. 10, 9). Деревянная посуда без керамики обнаружена в погребении с трупосожжением и в кенотафах. Еще в трех случаях ни деревянной посуды, ни керамики в погребениях не было. Во всех случаях это могилы взрослых, которые занимают центральное положение в курганах 5, п. 10 и 7 (с ножом) и к. 11 п. 3. В эти могилы положено 3-4 ребра животных в качестве заупокойной пищи. В кургане 5 пища лежала между коленями погребенных и стенкой могилы, т.е. там, где обычно ставили керамику, а в кургане 11 – у лица погребенного. Пища сопровождала еще три взрослых захоронения и также была обнаружена в обоих кенотафах.

Остальной инвентарь распределялся в погребениях следующим образом.

Курган 5: погр. 7 – бронзовый нож, погребальная пища, но нет керамики; погр. 9 – 2 бронзовых желобчатых браслета, 3 бронзовые пронизки с пастовыми бусами, костяная пронизка и берестяной туесок (?).

Курган 6: кенотаф – бронзовые нож, обойма, стрекало, костяная пронизка и створка речной раковины, а также деревянное блюдо (рис. 6, б).

Курган 7: кенотаф – два бронзовых ножа и серп (плюс деревянный сосуд).

Курган 11: погр. 2 – две бронзовые височные подвески в 1,5 оборота плакированные золотом (плюс два керамических сосуда).

Курган 12: погр. 3 – две бронзовые височные подвески в 1,5 оборота; погр. 5 – бронзовая обойма; погр. 6 – костяная трубочка в заполнении могилы; погр. 8 – две костяные трубочки на дне могилы (рис. 11, 8, 9).

Анализ обряда захоронения и распределения инвентаря в могилах достаточно убедительно показывают, что в данном случае мы имеем дело с погребальным памятником, сооруженном за сравнительно небольшой отрезок времени и который можно рассматривать как единый (а возможно и закрытый) культурно-хронологический комплекс. Это подтверждают:

- единая поза погребенных и их ориентировка в северо-восточном секторе;
- все погребения основные;
- единый погребальный обряд, включающий надмогильные перекрытия, широкое использование камышовых циновок и органических подстилок.

Еще ряд признаков редко привлекается исследователями в качестве диагностирующих, но наш взгляд являются несомненным подтверждением синхронности как погребений внутри курганов, так и курганов между собой:

- единая погребальная пища – крупные ребра животных в большинстве отмеченных случаев;
- одинаковый способ выравнивания стенок могильной ямы, когда на стенках могилы остаются следы идентичных орудий;
- почти всегда повторяющийся способ засыпки могильной ямы (в нижней части – материк, в верхней – гумус);
- единая технология изготовления плетеных циновок;
- определенная система в дифференциации погребального обряда и сопровождающего инвентаря.

На последнем остановимся особо, но, пока не касаясь анализа собственно погребального инвентаря. Система дифференциации становится заметна при рассмотрении «нестандартных» погребений, в которых отсутствуют какие-либо признаки (в данном случае признак – элемент погребального обряда или категория инвентаря), либо наоборот есть те, что не встречаются в остальных, «стандартных» погребениях. Например, керамика отсутствует только во взрослых погребениях, занимающих центральное положение в курганах и обязательно сопровождающихся погребальной пищей; в кенотафах и могиле с трупосожжением. Деревянное перекрытие отсутствует над трупосожжением и погребениями в ровике. Деревянная посуда встречена также в погребениях, выделяющихся из общей массы по разным признакам: в кенотафах, опять же в могиле с трупосожжением и в парном взрослом погребении, где был один керамический сосуд. Не лишено закономерности и распределение инвентаря. Детские захоронения содержат только керамику, ножи найдены только в кенотафах и взрослом захоронении без керамики, украшения – во взрослых и подростка.

Подобная замена элементов погребального обряда в рамках одного могильника, а также зависимость категорий погребального инвентаря от половозрастных признаков, на наш взгляд как нельзя лучше подтверждают одновременность всех погребений,

представляют различные социальные группы общества и выступают критерием общественного статуса погребенных.

Курганный могильник Золотая Гора

Могильник включает 6 курганов, все сооружены в эпоху бронзы. Эти 6 курганов содержали 52 срубных погребения. Каждый из курганов может рассматриваться в качестве однокультурного комплекса, включающего практически одновременные погребения или разделенные незначительным отрезком времени. Естественно предполагать, что все курганы представляют из себя единый культурно-хронологический комплекс. И это подтверждается анализом стратиграфии курганов, планиграфии погребений, погребального обряда и инвентаря.

Курган 1.

Содержал одно погребение под центральной частью насыпи (рис. 13, 1).

Курган 2.

Содержал два погребения эпохи бронзы. Основное погребение с северо-восточной ориентировкой расположено в центре кургана. Впускное детское погребение с восточной ориентировкой находилось в северной поле. Его материковый выкид залегал на первичной насыпи, вторичная насыпь не зафиксирована. Керамический сосуд, пастовые бусы и желобчатая подвеска идентичны остальным находкам могильника. Это один из двух случаев, когда погребение эпохи бронзы не является основным под насыпью кургана (рис. 15, 1).

Курган 3.

Все три погребения сопровождалось выкидами на погребенной почве и расположены в ряд по направлению северо-запад – юго-восток (рис. 16, 1).

Курган 4.

Под центром насыпи находилось одно погребение (рис. 17).

Курган 5.

Включает 31 погребение эпохи бронзы, из которых 26 – детские и подростков. Наиболее глубокие могилы сопровождалось материковыми выкидами, выкиды над детскими погребениями есть только в центральной части насыпи, на периферии кургана, скорее всего, не сохранились из-за сильной распаханности насыпи.

При всей кажущейся бессистемности расположения могил, определенная закономерность наблюдается – могилы составляют короткие ряды в нескольких направлениях. Ни одно погребение не перекрывает другое, смыкаются углами только погребения 26 и 27. В этом кургане отмечен второй в могильнике случай впускания в насыпь погребения эпохи бронзы – погр. 22. Умерший ориентирован головой на север, в тесте глины сопровождающего его сосуда отмечена примесь толченой ракушки. На уровне погребенной почвы оставлена тризна перед возведением насыпи кургана (рис. 19, 1).

Курган 6.

Содержал 14 погребений эпохи бронзы. Наиболее крупные сопровождалось материковыми выкидами. В расположении могил прослежены ряды по линиям север – юг и северо-запад – юго-восток (рис. 24, 1).

Могильные ямы имеют подпрямоугольную или подквадратную форму, округлые углы, глубина могил зависит от их размеров. Длинные стенки отвесные, сужаются ко дну или немного расширяются.

В одном случае могильная яма включала нишу с костями барана (к. 5, п. 8). В погребении 9 кургана 6 отмечена своеобразная конструкция могильной ямы: вся северо-восточная часть перекрыта материковым козырьком, образовавшем некое подобие

подбоя. Не исключено, что данное погребение являлось кенотафом, так как кости скелета отсутствовали, а на дне, в центре могилы и поперек ее лежала деревянная плаха, на которой стоял сосуд. Попадание сюда сосуда с перекрытия исключено, так как плаха наполовину лежала под нависающим козырьком. Возможно, кенотафом являлось и погребение 8 из этого же кургана. В маленькой могильной яме, пригодной только для захоронения ребенка, кости скелета не обнаружены. А стоящие поперек могилы в центральной части два сосуда, занимают всю ширину могилы, от одной стенки до другой.

Поза погребенных отличается стандартностью, но ввиду плохой сохранности детских скелетов не всегда есть возможность ее реконструкции. Во всех случаях, когда поза устанавливается, можно с уверенностью говорить, что умершие лежали на левом боку, скорченно. Почти во всех случаях руки погребенных согнуты в локтях и положены перед лицом, за исключением к. 5, п. 24, где одна рука положена перпендикулярно к туловищу и к. 6, п. 1, а также к. 6, п. 6, где левая рука согнута в локте и положена перед лицом, а правая поддерживает ее за локоть. В единственном случае (к. 5, п. 32) руки ребенка протянуты к ногам.

Степень скорченности средняя, в 3 случаях сильная и в 2 слабая. Причем, все три варианта представлены во взрослых погребениях кургана 3. В крупных могильных ямах скелеты располагались ближе к западной стенке, в остальных – залегали по центру. Из 52 погребений взрослым принадлежат 14 (15 скелетов, т.к. одно погребение парное), т.е. около 28 %, остальные – детям и подросткам.

Ориентировка погребенных разнообразна, но преобладают погребения в северо-восточном секторе: юго-восточная – 1, восточная – 4, восток-северо-восточная – 4, северо-восточная – 26, северо-северо-восточная – 7, северная – 1, северо-северо-западная – 4, северо-западная – 2, запад-юго-западная – 1, юго-западная – 1.

Деревянные перекрытия над могилами прослежены в 7 взрослых погребениях из 14, в 2 погребениях подростков и в 2 детских. В одном случае надмогильное перекрытие поддерживалось маточными бревнами и 9 опорными столбами (рис. 14).

Остатки камышовых циновок и органический тлен на дне могилы зафиксирован в 14 случаях: во взрослых погребениях 8, подростков 2 и детских 3. Органический тлен также отмечен в кенотафе (к. 6, п. 9). Количество угля и золы в погребениях незначительно, всего 6 случаев: 3 на дне могилы и 3 в заполнении, причем, в 5 случаях зола и угольки отмечены в погребениях взрослых и подростков с деревянным перекрытием.

Из 52 могил керамику содержали 46, в том числе в пяти погребениях стояло по два сосуда и в одном погребении три сосуда. Эти 6 погребений выделялись по одному или нескольким признакам среди остальных. Погребения в курганах 1 (рис. 13; 14) и 4 (рис. 17; 18) отличаются своими значительными размерами и большим набором погребального инвентаря, они единственные в курганах. Погребение 8 кургана 5 – парное и содержало 3 сосуда (рис. 20, 5-10). Погребение 21 в том же кургане – детское, но единственное с юго-западной ориентировкой. Только в погребении 5 кургана 6 найдены 3 путовые кости лошади (рис. 24, III), а небольшая могильная яма погребения 8 из кургана 6, как уже говорилось выше, скорее всего, являлась кенотафом. Керамика обычно ставилась в ногах, между коленями и стенкой и, реже, между коленями и локтями. Всего в нескольких случаях керамика обнаружена в головах.

Остальной инвентарь распределяется исключительно по взрослым погребениям и всего 5 детских погребений, кроме керамики, включали и украшения – бусы, подвески, пронизки.

В пяти погребениях из пяти курганов встречены кости кабана: в трех погребениях взрослых (экстраординарные погребения в к. 1 и к. 4 и центральное погребение 1 кургана 2); в детском погребении с бронзовыми украшениями (к. 5, п. 5) и погребении подростка (к. 6, п. 1). Последнее выделяется позой погребенного – правая рука поддер-

живает локоть левой. В четырех случаях в качестве погребальной пищи встречены кости барана: в особой нише в парном погребении к. 5, п. 8; в двух смыкающихся детских погребениях к. 5, п. 26 и 27 (рис. 23, 8, 9) и в к. 6, п. 14 с бронзовым ножом. В восьми погребениях подростков и детей встречено от 1 до 14 бараньих альчиков и 56 альчиков во взрослом погребении 20 кург. 5 (рис. 22, 1). Как уже говорилось, в погребении 5 кургана 6 найдены три путовые кости лошади. В курганах 5 и 6 есть погребения как с костями кабанов, так и с бараньими.

Отличительная особенность погребений могильника – это гораздо большая стандартность обряда погребений взрослых по сравнению с детьми. Среди взрослых захоронений нет ни одного случая ориентировки вне пределов северо-восточного сектора; около половины взрослых погребений сопровождаются перекрытием и органической подстилкой, тогда как для детских это скорее исключение.

Анализ погребального обряда и закономерностей распределения инвентаря и погребальной пищи позволяют считать могильник закрытым комплексом с относительно одновременными погребениями. Могильник раскопан полностью, расположен особняком, в более позднее время в него почти не производили подзахоронения, за исключением двух погребений в курганах 2 и 5, относящихся к переходному периоду от эпохи бронзы к железу. Синхронность погребений подтверждается следующим:

- единая поза погребенных в экстраординарных и рядовых погребениях и преобладание северо-восточной ориентировки во всех курганах;
- подавляющая часть погребений – основные, насыпь над ними возводилась в один прием;
- один принцип распределения погребального инвентаря в могилах и его расположения там;
- совпадение погребальной пищи в разных курганах;
- одинаковые структура насыпи и форма выкида.

Последние два признака могут быть использованы в качестве диагностических, разумеется, только для данного могильника.

Установив, что курганные могильники Золотая Гора и Кочетное являются закрытыми комплексами, сооруженными на протяжении небольшого отрезка времени, попытаемся сравнить их погребальный обряд между собой (рис. 26, 1, 2). При этом становится видно их несомненное совпадение в подавляющем большинстве случаев.

1. Оба могильники включают все варианты срубных погребений – от детских до экстраординарных, парные, кенотафы.

2. Насыпи сооружались в один прием вне зависимости от количества погребений под ними.

3. Погребения под насыпью располагаются рядами по линии северо-запад – юго-восток.

4. Совпадают формы могильных ям и способы устройства деревянных перекрытий.

5. Совпадают позы погребенных, их расположение в могиле и размещение погребального инвентаря, а также его распределение по половозрастному принципу. Скорченность погребенных разная, при преобладании средней.

6. Основная ориентировка погребенных – в северо-восточном секторе: ок. 52 % в Золотой Горе и ок. 55 % в Кочетном.

7. Незначительное количество угля и охры в погребениях.

Отмечены следующие различия:

1. Экстраординарные погребения в Золотой Горе – трупоположения, в Кочетном – кенотафы.

2. В детских погребениях Золотой Горы менее выдержан единый стандарт погребального обряда.

3. В Кочетном практически все могилы имели следы деревянного перекрытия, циновки или органический тлен от подстилок по дну могилы. В Золотой Горе перекрытия – принадлежность погребений взрослых и подростков, а органические подстилки по дну могилы прослежены в 27 % погребений (57 % среди взрослых).

Объяснение последнему следует видеть в лучших условиях для сохранности органики в Кочетном, где большинство могильных ям прорезало материковую глину, а дно могилы устраивалось на подстилающем ее песке. В неглубоких детских погребениях следы перекрытия фиксировались только в виде древесной трухи на венчиках сосудов.

ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКОВ КОЧЕТНОЕ И ЗОЛОТАЯ ГОРА

Керамика

Керамика Кочетного представлена комплексом из 19 сосудов (рис. 4, 1-3, 8, 9; 5, 5; 9, 2-5; 10, 2, 3, 5, 6; 11, 2-4, 6-7). Преобладают баночные формы, встречено 4 сосуда биконической или близкой к ним подострореберной формы и 3 слабопрофилированных горшка. Многие сосуды асимметричны. Орнаментированы 7 сосудов. Орнамент бордюрный, только один биконический сосуд частично украшен в нижней половине. Орнамент (зигзаг, зигзаг между горизонтальными линиями, бессистемная косая сетка и ромбы) выполнен плоским, крупно- и мелкозубчатым штампами и полой камышинкой. В двух случаях в тесте глины примесь шамота и в одном – белой крошки. Обжиг сосудов неравномерный, поверхность зачастую покрыта неглубокой штриховой зачисткой.

Какой-либо закономерности в распределении типов керамики по могилам на столь незначительной выборке не прослежено. В целом можно отметить, что в крупных могилах (погребения взрослых и подростков) чаще встречаются и более крупные по размерам сосуды. Два орнаментированных баночных сосуда находились в детских погребениях.

Рассматривая керамику с точки зрения типологии можно выделить несколько устойчивых типов сосудов, но между ними всегда есть ряд переходных форм. Из имеющейся выборки можно составить эволюционный ряд с плавным изменением формы сосудов. Например: приземистая банка с открытым устьем (кург. 11, погр. 1) → низкая банка с прикрытым устьем (кург. 12, погр. 2) → высокая банка с прикрытым устьем (кург. 12, погр. 7) → высокая банка с открытым устьем (кург. 5, погр. 8) → высокая банка со слабо выраженным ребром (5/6) → слабопрофилированный горшок (курган 12, погр. 3). Впрочем, подобные цепочки можно выстраивать в любом порядке – никакой новой информации к керамическому комплексу они не добавляют, а лишь подтверждают культурно-хронологическое единство могильников. В силу дискретности признаков особенность керамического комплекса Кочетного может быть понята только при сравнении с другими коллекциями синхронной срубной керамики.

В целом, керамика Кочетного характеризуется следующими технико-типологическими признаками: плоскодонность; диаметр устья всегда больше диаметра дна; стенки прямые, округлые или имеют излом в виде слабо выраженного ребра. Керамика не имеет каких-либо признаков, выходящих за рамки срубной культуры (в отличие от, скажем, керамики комплексов покровского типа). Аналогичная картина отмечается для многих ранних «чисто» срубных комплексов Нижнего Поволжья – курган 1 (раскопки 1970 г.) у с.Белогорское (Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г., 1991, с. 71-77), Мур-

манские курганы (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, с. 132), курганы у с.Яблоня (Юдин А.И., 1997), курган 9 у с.Бородаевки (Миронов В.Г., 1991, с. 52-63).

Таким образом, керамический комплекс Кочетного представляет из себя вариации нескольких устоявшихся форм сосудов с большими или меньшими отступлениями от образца. Похоже, что в данном случае форма сосуда или его орнамент при совершении погребального обряда особой роли не играли, а наиболее престижные погребения не имели ее вовсе (рис. 26, 5).

Керамика Золотой Горы представлена комплексом из 57 сосудов (из них 2 – в тризне). Баночные и горшковидные формы распределяются приблизительно поровну. Профилировка сосудов слабая, за исключением одного подострореберного сосуда. Поверхность нескольких сосудов покрыта глубокими расчесами, в глине 8 сосудов есть примесь толченой раковины, в одном – примесь талька. Орнаментировано 13 сосудов. Орнамент бордюрный (зигзаг, горизонтальные и наклонные линии), выполнен крупно- и мелкозубчатым штампом, штампом с косым зубцом и прочерком (рис. 13, 2, 3; 15, 2, 3; 16, 1-3; 18, 5, 6; 19, 2, 3, 7, 9; 20, 8-10; 21, 2-8; 22, 2-7, 10; 23, 2-7, 11; 24, 1-6; 26, 6).

В отличие от Кочетного, часть керамики из погребений Золотой Горы несет на себе следы покровского влияния, которое выражается в формах сосудов (рис. 21, 4; 22, 7). Однако в комплексе Золотой Горы, кроме покровских культурных элементов, можно увидеть и реминисценции более раннего времени. В частности, керамический сосуд в кургане 1 Золотой Горы (рис. 13, 2) находит полные аналогии в катакомбной керамике (отдел 1, группа А по С.Н.Братченко). В собственно раннесрубных комплексах аналогичные банки приобретают вертикальные пропорции с менее прикрытым устьем. Там же, в кургане 4 найден сосуд с ушками (рис. 18, 6), что практически неизвестно в срубной керамике, но широко распространено в катакомбной.

Среди памятников, синхронных Золотой Горе, можно привести всего несколько случаев оформления петлевидных ручек на сосудах, конструктивно значительно отличающихся от золотогорского. Это небольшие налепные ручки на сосуде из Натальино II (к. 4, п. 7) (Памятники срубной..., 1993, табл. 1, 39), полукруглые выступы с отверстиями на сосуде из Ишеевского могильника (к. 1, п. 4) (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985, с. 88, рис. 4, 9) и “лепешкообразные” налепы со сквозными отверстиями в стенке из Белогорских курганов (к. 2, п. 3) (Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г., 1991, с. 82, рис. 5, 3).

Так же, как и в Кочетном, в Золотой Горе не прослежено какой-либо закономерности в распределении типов керамики по могилам. Сосуды баночной формы встречаются как во взрослых, так и в детских погребениях. По два сосуда встречено во взрослых погребениях курганов 1, 4, 6 (п. 5), в детском погр. 21 кург. 6 и в кенотафе кургана 6 (п. 8). Три сосуда найдены в парном погребении 8 кургана 5. Как правило, во взрослых погребениях встречаются сосуды более высоких пропорций, чем в детских. Орнаментировано 13 сосудов (22%). 6 орнаментированных сосудов найдено во взрослых и 6 в детских погребениях. Керамика с примесью толченой раковины в тесте глины найдена в 6 погребениях, из них 5 детских. Кроме того, два развала сосудов с примесью ракушки найдены в тризне кургана 5. Все сосуды с ракушечной примесью, за исключением одного (к. 6, п. 10), найдены в кургане 5.

В целом, керамика Золотой Горы характеризуется следующими технико-типологическими признаками: плоскодонность; диаметр устья всегда больше диаметра дна (кроме сосуда из кургана 1); стенки прямые или округлые; несколько сосудов имеют ребро на тулове (рис. 18, 5; 19, 9; 24, 5). Один сосуд имеет колоколовидную форму (рис. 21, 4). Основная масса керамики характеризуется относительно устоявшимися формами баночных и горшковидных сосудов.

Изделия из металла

Изделия из металла немногочисленны (рис. 26, 3, 4). Из 74 погребений могильников металл содержали 18 (или ок. 24 %). В Кочетном это 8 погребений (ок. 36 %) и в Золотой Горе 10 погребений (ок. 19 %). В Золотой Горе большая часть металлических изделий обнаружена в погребениях взрослых, в одном погребении подростка и в двух детских. В трех последних случаях это украшения. В Кочетном предметы из металла находились в погребениях взрослых, кенотафах, погребении с трупосожжением и в двух погребениях подростков (височные подвески). Таким образом, орудия из металла являются в данном случае исключительной принадлежностью взрослых погребений, в детских погребениях встречаются только металлические украшения. Типологические характеристики металлических изделий позволяют связать между собой комплексы внутри могильника и между собой. Бронзовые предметы включают следующие категории находок: ножи, серп, стрекало, обоймы, обкладки деревянной посуды, браслеты, височные подвески и пронизки. Кроме того, найдены подвески и бусы из сурьмы и золотые обкладки бронзовых подвесок.

Ножи. Из восьми ножей, найденных в могильниках, три ножа относятся к одному типу – пластинчатые ножи с перекрестьем и перехватом. Морфологические различия касаются длины рукояти и оформления пятки – у ножа из Золотой Горы (кург. 1) она короткая и округлая, а у ножей из Кочетного – длинней, а пятки раскованы (рис. 6, 2; 8, 1). Типологически близок к ним нож из кургана 4 Золотой горы – нож имеет перекрестье и перехват, рукоять расширяется к концу, пятка черенка раскована, а удлиненная подтреугольная рабочая часть отделена плавным выступом от короткого полотна. Нож аналогичной формы происходит из Песочного (к. 3, п. 2) в Среднем Поволжье (Зудина В.Н., Скарбовенко В.А., 1985, с. 54, рис. 5, 12). По морфологическим признакам данный нож находит некоторые соответствия среди катакомбных ножей (Мамонтов В.И., 1994, с. 39-40, рис. 11, 6). Нож ромбической формы (с намечающимся трапециевидным черенком по классификации Е.Н.Черных) из кургана 7 погребения 4 (Кочетное), в отличие от аналогичных в Нижнем Поволжье, имеет короткий насад (рис. 8, 2). Наиболее близкая аналогия такому ножу происходит из случайных находок в Приуралье (Черных Е.Н., 1970, с. 65, рис. 56, 36). Еще два ножа относятся к типу бесчеренковых типа Н-6 (Черных Е.Н., 1976, с. 114, табл. XXXIV, 7, 8) и отличаются только оформлением пятки – прямая в Кочетном (рис. 4, 5) и округлая в Золотой Горе (к. 6, п. 14). Все перечисленные типы ножей имеют широкое распространение в раннесрубных комплексах Нижнего Поволжья и комплексах ближайшего культурного окружения этого же времени – Терновка 4/21, Покровск 8/1 (Памятники срубной..., с. 136, табл. 6, 8; с. 145. Табл. 15, 17), Неприкский мог-к, кург. 3 (Васильев И.Б., 1975, с. 37, рис. 6, 1).

Серп. Немногочисленные серпы и серповидные орудия, имеющиеся в срубных и срубно-абашевских комплексах, значительно отличаются по форме от кочетновского серпа (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 54, рис. 12, 12; Мерперт Н.Я., 1954, с. 46-48, рис. 33, 6; Деревягин Ю.В., 1973, с. 101, рис. 37, 3). У серпа из Кочетного полностью отсутствует крюк или черенок (рис. 8, 3) и по своим морфологическим показателям он ближе всего стоит к пластинчатым серпам-стругам петровской и абашевской культур, отличаясь от них более сильной изогнутостью лезвия (Зданович Г.Б., 1983, с. 62, рис. 3, 23-25; Пряхин А.Д., 1976, с.136-140). Серп подобного типа найден в срубном погребении впервые.

Четырехгранное *стрекало* для управления лошадей из Кочетного (рис. 6, 5) изредка встречаются в социально выделенных погребениях этого времени. Территориально ближайшая аналогия известна в Покровске, к. 7, п. 3 (Памятники срубной..., 1993, табл. 14, 32).

Бронзовые браслеты. Три из них относятся к разряду округложелобчатых с тупыми концами. На концах двух браслетов имеются сквозные отверстия (рис. 5, 3). Четвертый браслет более массивный, полукруглый в сечении. Округложелобчатый с отверстиями и полукруглый в сечении браслеты впервые встречены в одном комплексе (Золотая Гора, к. 5, п. 7), что свидетельствует об их синхронности.

Желобчатые *подвески* в полтора оборота. Встречены в шести комплексах обоих могильников. Сохранность большинства подвесок плохая. Целые экземпляры имеют овальную форму и расширяются в нижней части (рис. 11, 1). Одна пара подвесок в нижней части обложена золотой фольгой (рис. 9, 8). Подвески этого типа широко распространены в раннесрубных комплексах как Правобережья (Сергацков И.В., 1994, с. 72, рис. 2, 8), так и Заволжья (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, с. 132, рис. 3, 3).

Треугольные и ромбовидные подвески из сурьмы изредка встречаются на памятниках раннего этапа поздней бронзы в Нижнем Поволжье: Молчановка, сев.-вост. гр., кург. 1, п. 7 (Синицын И.В., 1960, с. 126, рис. 35, 3); Иловатка 1, 4/2 (Смирнов К.Ф. 1959, с. 222, рис. 8, 6) и в сопредельных регионах – на Среднем и Нижнем Дону – Старая Тойда, кург. 1, погр. 2 (Корнюшин Г.И., 1971, с. 79-80, рис. 34, 3, 4); Советское 2, кург. 1, погр. 5 (Саврасов А.С., 1998, с. 87, рис. 3, 8-12); Миус XV, кург. 1, погр. 45 (Ильюков Л.С., 1979, рис. 6, 8). Подвески из всех регионов отличаются стандартностью форм. Происхождение их связывают с районами Северного Кавказа. Сурьмяные подвески и сосуд КМК с наlepными валиками обнаружены в к. 5 п. 3 Низовки Самойловского района (Максимов Е.К., 1979, с. 81).

Бронзовые *цилиндрические пронизки*, найденные в погр. 5 кург. 5 Золотой Горы и погр. 9 кургана 5 в Кочетном вместе с одно-трех и четырехчастными пастовыми бусами (рис. 5, 2), находят широкий круг аналогий в раннесрубное время, встречаются как совместно, например в 11/1 Натальино II (Памятники срубной..., 1993, табл. 2, 17-18), так и по отдельности. Цилиндрические пронизки, свернутые из бронзового листа, известны в комплексах средней бронзы Предкавказья (Корневский С.Н., 1990), широко распространены в средневожских и уральских абашевских комплексах (Кузьмина О.В., 1992, с. 50). Близкие к ним пронизки из свинца найдены в срубных погребениях Среднего Дона (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 144, рис. 3, 23, 24); как одна из деталей украшений цилиндрические пронизки встречены в срубных комплексах Приуралья (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1985, с. 115, рис. 2) и в погребениях новокумакско-синташтинского типа (Порохова О.И., 1992, с. 95-96, рис. 2, 9). На территории Нижнего Поволжья чаще всего встречаются в покровских погребениях (Малов Н.М., 1992, с. 36-37), но абашевские и покровские пронизки в большинстве случаев имеют гофрированные концы.

Пастовые бусы обнаружены также в пяти погребениях Золотой Горы, в одном случае вместе с сурьмяными (кург. 5, погр. 24). Являются обычной находкой для рассматриваемого времени на всей территории распространения срубной культуры (Малов Н.М., 1992, с. 44-47).

Изделия из дерева

Изделия из дерева представлены, в основном, посудой (рис. 26, 2, 3). Фрагменты деревянных сосудов, бронзовые обкладки и скрепки от них в силу плохой сохранности материала в рассматриваемом регионе встречаются относительно редко. Исследователи отмечают социальную выделенность погребений с такими находками (Пярых Г.Г., 1984; Отрощенко В.В., 1984), проявляющуюся в комплексе признаков: крупные

могильные ямы со сложными конструкциями из дерева, наличие керамики, металлических орудий, погребальной пищи, посыпок по дну могилы.

В какой-то мере этот комплекс признаков отмечается и для четырех погребений с деревянной посудой могильника Кочетное. Во всяком случае их не рядовой характер заметен сразу. В погребении 11 кургана 5 деревянная чаша с бронзовой обкладкой сопровождала единственное во всем могильнике трупосожжение на стороне (рис. 5, 8, 9). Деревянное блюдо с положенным на него бронзовым ножом обнаружено в кенотафе кургана 6. Могильная яма кенотафа выделяется своими размерами – 3,2 x 2,2 м, наличием трех бронзовых предметов (нож, стрекало, обойма), костяной пронизки и погребальной пищи (рис. 6, 1-5).

Кенотаф (погр. 4) в кургане 7 (рис. 7, 4) для срубной культуры Нижнего Поволжья является уникальным. По размерам могильной ямы (4,4 x 2,5 м, глубина 1,27 м) он может быть сопоставлен с раннесрубным кенотафом из кургана 2 могильника Солнечный (7,7 x 2,4 м, глубина 0,3 м) (Пестрикова В.И., 1977, с. 76-77, рис. 3, 4) и кенотафом в кургане 3 Неприковского могильника (Васильев И.Б., 1975, с. 24, 32, рис. 1) в Среднем Поволжье. Кроме деревянного предмета в кенотафе кургана 7 находились два бронзовых ножа, серп (рис. 8, 1-3) и остатки погребальной пищи. Судя по их расположению на дне могилы и количеству циновок, кенотаф символизировал тройное захоронение. Сам деревянный предмет пока не находит достаточно близких аналогий, и относится нами к посуде чисто условно. От блюд-подносов его отличают небольшая ширина при значительной глубине, наличие бортика на дне, разное оформление торцов (рис. 8, 4). По форме предмет напоминает макет лодки. Опираясь на более поздние аналогии, можно предположить, что это остатки щипкового музыкального инструмента. Музыкальные инструменты в погребениях (“флейта Пана”) известны с ямного времени (Синицын И.В., 1959, с. 162, рис. 56, б) и встречаются в захоронениях рассматриваемого периода: Покровск (юго-вост. гр.), кург. 7, погр. 3 (Памятники срубной..., 1993, табл. 14, 36).

Могильная яма парного погребения 5, где были найдены остатки деревянной мисочки с бронзовой обкладкой, является самой крупной в кургане 12 (рис. 10, 7). Захоронение также включало керамический сосуд, бронзовую обойму и остатки заупокойной пищи (рис. 10, 6, 8, 9).

Бронзовые обкладки двух деревянных сосудов (кург. 5, погр. 11 и кург. 12, погр. 5) не имеют пуансонного орнамента, что по мнению В.В.Отрощенко свидетельствует о раннесрубном возрасте подобных находок (Отрощенко В.В., 1984, с. 93). Обкладки прикреплялись на венчик сосуда с помощью штифтов из узкой полоски металла. Аналогичная техника прикрепления обкладки к деревянному сосуду известна в срубно-абашевском погребении 1 кургана 5 Ерзовского могильника. Комплекс этого погребения включал еще небольшой баночный сосуд с прикрытым устьем и двумя отверстиями под венчиком и сосуд с неглубоким желобком на внутренней поверхности, глубокими расчесами крупнозубчатого штампа на внешней и обильной примесью толченой раковины в тесте глины (Мыськов Е.П., 1990, с. 44, рис. 2, 4, 10, 24). Такая же обкладка обнаружена в Песочном (кург. 1) в комплексе с двумя сосудами, бронзовыми кинжалом и ножом, костяными втоками и наконечником стрелы (Зудина В.Н., Скарбовенко В.А., 1985, с. 51-53, рис. 5, 1-8).

Несколько реже, чем деревянная посуда, в срубных погребениях сохраняются изделия из бересты, подобные остаткам «туеска» из погребения 9 кургана 5 Кочетного (рис. 5, б). Два аналогичных предмета известны в погр. 1 кургана 14 могильника Натальино II (Памятники срубной..., 1993, табл. 3, 1, 12). Несмотря на плохую сохранность бересты, есть все основания полагать, что она широко использовалась срубным населением. Остатки берестяных туесков и коробочек известны в Ровном (погр. 10

кург. 3) (Синицын И.В., 1966, с. 33), Бородаевке III (погр. 2 кург. 3), Терновке (погр. 21, кург. 4) (Памятники срубной..., 1993, с. 39, табл. 13, 9). Кроме того, береста находила применение в погребальном обряде: в погр. 11 кург. 5 Кочетного берестой были перекрыты остатки трупосожжения (рис. 5, 8); парное погребение из Натальино II (кург. 16, погр. 2) было перекрыто берестяными носилками (Памятники срубной..., 1993, табл. 3, 28, 31); кусочек бересты обнаружен в Мурманском кургане (погр. 4) (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, с. 133-134). В раннесрубном могильнике Солнечный, в погр. 1, кург. 1 умерший был накрыт большими кусками березовой коры (Пестрикова В.И., 1977, с. 74-75, рис. 3, 1).

Изделия из кости

В Кочетном изделия из кости немногочисленны. Это две костяные пронизки (рис. 5, 2; 6, 4) и три костяные трубочки с обработанными краями (рис. 11, 5, 8, 9). Являются обычными находками в погребениях раннего периода поздней бронзы, как социально выделенных (Дремов И.И., 2003, рис. 1, А; 2; 3, 3; Малов Н.М., 2003, рис. 1, 5, 14, 15; 6, 13), так и рядовых. Иногда пронизки и трубочки бывают орнаментированными (Миронов В.Г., 1991, с. 60-61, рис. 4, 10). Относительно их функционального назначения единого мнения нет.

В Золотой Горе все костяные изделия, за исключением одного изделия из трубчатой кости (рис. 25, 9), обломка пряжки (рис. 16, 4) и набора мелких костяных пронизок (рис. 22, 11), обнаружены в экстраординарных погребениях. Костяные пряжки аналогичного типа изредка встречаются в раннесрубных погребениях Поволжья: Федоровский и Новопавловский могильники, Крутенький курган (п. 3 и 4) (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985, с. 88, рис. 4, 5, 6; Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999). По классификации Р.А.Литвиненко такие пряжки отнесены к Поволжскому локальному варианту 4-го типа «ромбической формы и с выступами».

Половинка костяного втока для древка стрелы из кургана 4 (рис. 18, 9; 27, 2) является достаточно редкой находкой. По наблюдениям Н.М.Малова значительная серия костяных втоков относится к покровскому времени и они являются древнейшими для эпохи бронзы (Малов Н.М., 1991а, с. 24-30).

Цилиндрический предмет из кургана 4 Золотой Горы (рис. 18, 8; 27, 5), вероятно, являлся деталью рукояти плети, т.к. в отличие от упомянутых выше аналогичных костяных цилиндров (пронизок) имеет достаточно крупные размеры. Подобные детали клейнодов встречаются в погребениях синхронных культур. Фрагмент кольца и костяные, орнаментированные штриховкой изделия из кургана (рис. 18, 2, 7, 10; 27, 3, 6, 7), вероятнее всего являются деталями конской узда. Точные аналогии этим изделиям нам неизвестны.

Роговые и костяные псалии (5 экз.), встреченные в двух погребениях Золотой Горы (рис. 13, 4, 6, 7; 18, 3, 4 и 27, 1, 4) широко распространены в лесостепной и степной зонах Восточной Европы, относятся к достаточно узкому хронологическому периоду и имеют хорошо разработанную типологию (Кузьмина Е.Е., 1994; Кузнецов П.Ф., 2004). Особый интерес представляет тот факт, что роговые псалии Золотой горы фиксируют синхронность нескольких типов, так как курганы 1 и 4, где они были обнаружены, несомненно, составляют единый культурно-хронологический комплекс.

Псалии Золотой горы представлены: щитковыми орнаментированными псалиями подпрямоугольной формы с планкой и монолитными шипами (рис. 13, 3, 6); щитковым подпрямоугольным псалием без орнамента (рис. 13, 7); щитковым псалием (без шипов) подовальной формы с выделенной планкой (рис. 18, 3 и 27, 1) и круглым щит-

ковым орнаментированным псалием с прямоугольной планкой, отсекающей часть округности (рис. 18, 4 и 27, 4).

Последнему псалию имеется большое количество достаточно близких аналогий в потаповско-синташтинских (Потаповский, VI Утевский, Синташтинский могильники) (и доно-волжских абашевских комплексах (Староюрьево, Селезни) (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994, с. 133, рис. 33, 2, 3; с.153, рис. 49, 2, 3; с. 163, рис. 59, 6; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 213, рис. 114, 5, 6; Пряхин А.Д., 1972; Моисеев Н.Б., 1996, с. 24-26, 1). Территориально ближайшие аналогии золотогогорским псалиям обнаруживаются в покровских комплексах Нижнего Поволжья: Идолга, Старицкое, Бородаевка II; (Малов Н.М., 2003, с. 219, рис. 13; Дремов И.И., 1991, с. 101-105; Памятники..., 1993, с. 139, табл. 9, 12).

Псалии из кургана 1 Золотой Горы относятся к желобчатым с зубцами-шипами по краям (рис. 13, 3, 6, 7). В целом, они близки по конструкции желобчатым псалиям, найденным на территории Саратовской области (Ершовское поселение; Усатово, кург. G 5, п. 8) (Памятники..., 1993, с. 137, табл. 7, 18), но есть и конструктивное отличие: наличие сразу двух боковых отверстий в другой плоскости.

О синхронизации могильников Золотая Гора и Кочетное

Сравнение погребального обряда и сопровождающего инвентаря могильников выявило ряд параллелей, что позволяет говорить о синхронности Кочетного и Золотой Горы. Кроме совпадений отмечены и различия. Но необходимо подчеркнуть, что наибольшие расхождения касаются экстраординарных погребений – кенотафы в Кочетном и труположения в Золотой Горе. Соответственно, максимальные различия в наборе категорий сопровождающего инвентаря отмечаются при сопоставлении этих погребений, тогда как анализ инвентаря в остальных погребениях показывает большую степень сходства между могильниками.

Экстраординарные погребения Кочетного (кург. 6 и погр. 4 кург. 7) содержали: два типа ножей, серп, стрекало и обойму из бронзы, широко распространенных в сопредельных регионах и культурах; костяную пронизку и деревянную посуду. Такие же погребения Золотой Горы (кург. 1 и кург. 4) включали: два типа ножей; псалии (как и ножи распространены в целом блоке синхронных культур), втоки и другие изделия из кости; керамику, не находящую аналогий в рядовых срубных погребениях. Подобное качественное различие в наборе погребального инвентаря (плюс отмеченная разница в обряде) уменьшает возможность синхронизировать напрямую социально выделенные погребения, хотя весь обнаруженный в них инвентарь и относится к одному хронологическому горизонту.

Иная картина наблюдается при типологическом сравнении материалов рядовых погребений. В кург. 6 погр.14 Золотой Горы и в кург.5 погр. 7 Кочетного найдены почти идентичные бесчеренковые ножи (рис. 25, 10; 4, 5). Желобчатые овальные подвески в 1,5 оборота с расширяющимися концами обнаружены в кург. 11 погр. 2 и кург. 12 погр. 3 Кочетного (рис. 9, 8; 11, 1) и в кург. 2 погр. 2, кургане 5, погребениях 5, 7 и 8 Золотой Горы (рис. 15, 5; 19, 5; 20, 2). В обоих могильниках встречено по округложелобчатому браслету с отверстиями на концах (рис. 5, 3; 20, 3) пронизки из полосок бронзы (рис. 5, 2; 19, 6), костяные пронизки и пастовые бусы (рис. 5, 2; 22, 11, 12).

Таким образом, можно констатировать, что в рядовых погребениях могильников набор категорий и типов инвентаря совпадает почти полностью, за некоторыми исключениями. В Кочетном нет изделий из сурьмы и костяных пряжек, а в Золотой Горе – деревянных сосудов с бронзовыми обкладками. Но в данном случае следует учесть, что

это относительно редкие находки в рамках срубной культуры и, кроме того, перечисленные предметы находились опять же в погребениях, отличающихся своим обрядом от основной массы – это парные погребения и трупосожжение.

Из всего сказанного можно сделать два вывода:

1. Культурная принадлежность экстраординарных погребений не может быть правильно определена без учета характеристик остальных погребений могильника. Совершенно неизбежно «транскультурный» или инокультурный инвентарь, присущий подобным погребениям, будет «выбивать» погребение из рамок культуры.

2. Произведенные сопоставления погребального обряда и инвентаря позволяют синхронизировать могильники в рамках одного этапа культуры.

Время функционирования могильников определяется по ряду категорий датирующего инвентаря и подтверждается особенностями погребального обряда. Основой для абсолютной датировки являются щитковые и желобчатые псалии, которым встречаются близкие аналогии на памятниках КМК, донно-волжских абашевских, потаповских, синташтинских и покровских. По разработанной типологии традиционная дата псалиев из Золотой Горы укладывается в XVI-XV вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 177-186), т.е., в раннесрубное время. Этой дате соответствуют и ножи с раскованной пяткой черенка, относимые исследователями к начальному этапу поздней бронзы (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 36, рис. 10). Этим же временем датируется пластинчатый серп, параллели которому наблюдаются в абашевских и петровских материалах. К раннему периоду срубной культуры относятся деревянные сосуды с бронзовыми обкладками без пуансонного орнамента и о несомненно ранней дате свидетельствует костяная пряжка из погребения 3 кургана 3 Золотой Горы. Аналогичные пряжки не встречаются на развитом этапе срубной культуры (Петров Ю.Э., 1983, с. 118-122). Р.А.Литвиненко синхронизирует комплексы с подобными пряжками с поздним этапом КМК (Литвиненко Р.А., 1996, с. 49).

По калиброванным определениям раннесрубный период и синхронные ему культуры начальной поры позднего бронзового века удреваются на несколько веков. П.Ф.Кузнецов относит время существования потаповских и синташтинских памятников к XX-XVIII вв. до н.э. (Кузнецов П.Ф., 2001, с. 179-180). В.А.Трифонов определяет время формирования покровской и потаповской культур периодом 2000-1800 гг. до н.э. (Трифонов В.А., 2001, с. 80-81).

Полностью укладывается в рамки раннесрубного этапа и погребальный обряд могильников, характерные черты которого признаются всеми исследователями: наличие сложных перекрытий в ряде могил, широкое использование органических подстилок, кенотафы, трупосожжения, жертвенники. Сразу заметим, что все эти черты присущи и синхронным покровским памятникам (Малов Н.М., 1992а, с. 5-7).

Более ранних срубных памятников мы не знаем. Даже столь экзотические для срубной культуры погребения в подбоях Мурманского кургана включают инвентарь, полностью сопоставимый с остальными раннесрубными находками. Покровские памятники, как было показано выше, по целому комплексу аналогий в погребальном обряде и инвентаре (ножи, браслеты, бронзовые пронизки, берестяные туески, деревянная посуда, псалии, подвески из сурьмы, костяные пряжки, втоки, орнаментированные изделия из кости) полностью синхронизируются с раннесрубными.

Надежных данных о значительном хронологическом приоритете покровских погребений нет, большая их часть основывается на данных курганной планиграфии и стратиграфии, но не на датирующих материалах. В таких случаях необходимо делать поправку на более высокий социальный статус покровских захоронений, который предполагает или центральное место под насыпью для них или отдельный курган с последующими подхоронениями. Небольшой хронологический разрыв между основным

покровским и впускным срубным захоронением в таких случаях всегда хорошо виден по сопровождающему инвентарю, как например, в кургане 1 Малой Воробцовки, где покровское погребение 2 было перекрыто раннесрубным с ромбовидными в сечении бронзовыми браслетами и сосудом с ложношнуровой орнаментацией (Сергацков И.В., 1993, с. 70-72, рис. 1, 3, 5; 2, 2-7).

Из 52 погребений Золотой горы впускных было всего 2 (к. 2 п. 2 и к. 5 п. 22). Ни по обряду захоронения, ни по погребальному инвентарю (керамика, бронзовые височные подвески, пастовые бусы, альчик) эти погребения ничем не выделяются из ряда остальных, если не считать примеси толченой раковины в глине сосуда из кург. 5 погр. 22, что более характерно для покровских комплексов, нежели для керамики Золотой Горы. Вероятно, в значительной части случаев, когда это подтверждается какими-либо признаками обряда или датирующими предметами, срубные курганы раннего этапа будут являться едиными культурно-хронологическими комплексами с очень незначительной разницей во времени захоронения между отдельными погребениями, как это наблюдается в энеолитических и ямных комплексах Поволжья (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992, с. 36; Шевченко А.В., 1986, с. 137). Конечно, данное утверждение не стоит абсолютизировать, но всегда следует учитывать многовариантность погребального обряда раннесрубного времени, из-за которой многие синхронные погребения распределяются по разным обрядовым группам, а затем, зачастую, и хронологическим горизонтам.

Курганные могильники Кочетное и Золотая Гора позволяют дать достаточно подробную характеристику того типа раннесрубных погребальных памятников, в материалах которых не отмечаются покровские признаки, хотя они и синхронны. Закрытые и информативные комплексы этих могильников дают возможность увидеть с одной стороны одновременное существование нескольких типов погребального обряда и соответствие им различного инвентаря, а с другой – то общее, что объединяет и цементирует эти комплексы в одну культуру.

Отметим, что для памятников Нижнего Поволжья ряд признаков оказался несущественным, в первую очередь, как хронологический индикатор.

Размеры насыпи и количество погребений под нею не обнаруживают никакой связи со временем захоронения в рамках срубной культуры.

Размер насыпи кургана не всегда однозначно указывает на социальную значимость погребенного под ним. В Золотой Горе экстраординарное погребение в кургане 1 было перекрыто насыпью высотой 3,18 м при диаметре 34 м, а погребения этого типа в курганах 6 и 7 Кочетного перекрывались курганами высотой 0,15-0,3 м при диаметре 16-20 м. Причем, первоначальный диаметр кургана 7 был равен 12,5 м (по ровику), хотя под ним находился крупнейший в Нижнем Поволжье кенотаф (рис. 7, 1).

Социальное положение определялось не только величиной могилы и количеством сопровождающего инвентаря. Курган 11 в Кочетном был окружен ровиком с двумя детскими погребениями в нем. Под насыпью кургана находилось только одно безынвентарное погребение (рис. 9, 1), что указывает на высокий социальный статус погребенного, но это никак не нашло своего отражения в инвентаре.

Социальные и поло-возрастные различия обусловили разнообразие погребального обряда, который представлен погребениями:

- захоронениями с псаллиями в больших и глубоких ямах с бревенчатыми накатниками;
- кенотафами в больших могильных ямах с бревенчатыми накатниками и богатым инвентарем;
- погребениями взрослых в могильных ямах, превышающих средние размеры, под индивидуальными насыпями;

- парными погребениями с большим количеством инвентаря;
- трупосожжением на стороне;
- рядовыми погребениями взрослых и подростков;
- детскими основными погребениями;
- детскими впускными погребениями;
- детскими погребениями в ровиках.

Насыпи курганов перекрывали от 1 до 9 погребений в Кочетном и от 1 до 31 в Золотой Горе. В большинстве случаев могилы расположены в 1-3 ряда под насыпью (рис. 3, 1; 12, 1), но в случае большого количества детских погребений рядность нарушается (рис. 19, 1), вероятно, из-за какого-то временного промежутка между сооружением первой могилы и возведением общей насыпи. Насыпи возводились над всем комплексом погребений, впускные захоронения практиковались редко (2 в Золотой Горе и, возможно, 2 в Кочетном).

Размеры могильных ям зависят от возраста и социального статуса погребенных, а глубина находится в прямой зависимости от величины могилы. Преобладающая форма могильной ямы – прямоугольная, очень редко подквадратная. Углы прямые или округлые, стенки отвесные; могила может расширяться ко дну по одной или нескольким стенкам. В одном случае (Золотая Гора, кург. 6, погр. 9) почти половина могилы была перекрыта нависающим материковым козырьком.

Абсолютное большинство могил в Кочетном и более половины взрослых погребений в Золотой Горе перекрыто бревнами или плахами, обычно поперек могилы, но изредка вдоль или по диагонали. Поперечное перекрытие крупных могил поддерживалось 1-3 маточными балками, а в кургане 1 Золотой Горы еще и 8 вертикальными столбами. Наличие перекрытий над могилами отмечается всеми исследователями как характерный признак раннесрубных захоронений, но из-за различной сохранности органики в могильниках, они прослеживаются далеко не всегда. То же самое относится и к органическим подстилкам по дну могилы – во взрослых погребениях они есть почти всегда, а в детских зачастую выявляются только под дном сосуда и костями скелета.

Проявления культа огня, под которыми обычно понимают наличие золы и углей в могилах, незначительны. Это 6 случаев в Золотой Горе (11,5 %) и 4 – в Кочетном (18 %). Еще реже встречается охра – 2 погребения в Кочетном (9%), в Золотой Горе в качестве элемента погребального обряда отсутствует.

Ориентировка погребенных обычно совпадает с ориентировкой могильных ям. Преобладают ориентировки в северо-восточной части круга (50-57 %), затем идут северные (16-23 %), восточные, северо-западные, в двух случаях юго-западная и в одном – юго-восточная. Больше всего отклонений от преобладающей северо-восточной ориентировки отмечается среди детских погребения. Практически в той же последовательности распределяются ориентировки среди срубных и срубно-абашевских погребений Среднего Поволжья и покровских Нижнего Поволжья (Кузьмина О.В., 1983, с. 8; Семёнова А.П., 1983, с. 13; Малов Н.М., 1992а, с. 6).

Обычная поза для погребенных – на левом боку, скорченно, руки перед лицом. В трех случаях одна рука погребенного была положена перпендикулярно туловищу, а в одном – обе руки протянуты к ногам. Скорченность скелетов средняя, но в 5 случаях слабая, а в 4 – достаточно сильная.

Изредка погребения сопровождаются жертвенниками из костей животных и керамики на уровне погребенной почвы или, в одном случае, в специальной нише на краю могилы.

Погребальная пища отмечена в 17-36 % погребений.

Инвентарь может располагаться в любом месте могилы – у головы, в ногах, перед грудью. Исключение составляют парные погребения, где инвентарь лежит за спи-

ной одного из погребенных и в погребении 18 кургана 5 Золотой Горы – здесь сосуд стоял за тазом погребенного.

Погребальный инвентарь соответствует социальному статусу погребенного. В погребениях рядовых общинников и детских захоронениях встречается весьма ограниченный набор категорий инвентаря: несколько типов браслетов и ножей, бронзовые подвески в 1,5 оборота, бронзовые и костяные пронизки, костяные трубочки, альчики, пастовые бусы и керамические сосуды нескольких типов. Фактически это те же категории находок, которые затем обнаруживаются в погребениях развитого этапа культуры.

Все находки в экстраординарных погребениях – ножи, серпы, псалии, костяные втоки, трубочки и другие изделия с орнаментом, деревянная посуда – транскультурны, т.е. встречаются в это время на донно-волжских абашевских, потаповских, синташтинских, покровских и КМК (бабинских) памятниках. Подобные находки дают нам дату, указывают на степень социальной дифференциации общества и уровень развития технологий, но не характеризуют саму культуру как таковую, т.е. в данном случае мы имеем дело с субкультурой внутри культуры.

Образование субкультуры социальной верхушки общества, впитавшей в себя многочисленные инновации, отразившиеся в погребальном обряде, есть проявление стадийного характера развития общества и характерны для всего блока степных культур этого времени. Существование некоторых общих закономерностей развития подтверждается многими их проявлениями. Давно замечено, что в процессе развития общества на одних и тех же этапах прослеживаются схожие тенденции. Очевидно, что относительно большое количество инвентаря и сложность погребального обряда на ранних этапах развития культуры (что прослеживается по материалам степной бронзы Евразии) вызваны соответствующим сознанием новообразовавшейся культурной общности.

Вероятно, после окончания процесса формирования культуры, необходимость в такой маркировке отпадает – субкультурные образования выполнили свою роль по консолидации общества и передаче новых технологий. В погребальном обряде второго этапа срубной культуры уже нет экстраординарных погребений и соответствующего им инвентаря, в керамическом комплексе исчезают реминисценции средней бронзы и все “покровские” проявления. Остаются те категории, которые были раньше в рядовых погребениях. Материальный же облик культуры теперь характеризуется по материалам поселений, т.к. с упрощением погребального обряда большая часть предметов материальной культуры уже не попадает в могилы.

Таким образом, мы видим, что такие признаки, как количество погребений под насыпью, размеры насыпи и могильной ямы, наличие золы и углей, степень скорченности скелетов и их окраска охрой не могут привлекаться для характеристики при определении возраста погребений, а наличие или отсутствие деревянных перекрытий и растительных подстилок в случае плохой сохранности органики и, в какой-то степени ориентировка, не могут считаться безоговорочно диагностическими при выделении раннего этапа срубной культуры. Только статистико-типологический анализ выборки погребений, без учета распределения вариантов погребального обряда и инвентаря внутри единого культурно-хронологического комплекса неизбежно приведет к искажению общей культурной картины этого периода.

Оперируя выделенным набором признаков по материалам двух эталонных могильников, к раннесрубному времени можно отнести еще несколько комплексов погребений из курганный группы у с.Яблоня в Саратовском Заволжье.

Курганная группа у с.Яблоня

Расположена на водоразделе рек Большой Караман (левый приток Волги) и Миус, на пахотном поле, в 0,5 км к юго-западу от пруда Перевалка и в 2 км к юго-востоку от с.Яблоня Марковского района Саратовской области (рис. 1, 3).

Курган 1 (“Перевалка”)

Диаметр кургана 33 м, высота 0,5 м. Насыпь снималась скрепером с оставлением центральной бровки по линии север – юг шириной 0,5 м. Стратиграфия кургана следующая:

1. Пахотный слой – гумус толщиной 25 - 30 см.
2. Насыпь – серый гумусированный суглинок. Максимальная толщина в центре кургана – 0,6 м.
3. Погребенная почва темно-серого цвета толщиной 0,2 м.
4. Материк – светло-желтая глина.

В западной части кургана материк сильно поврежден норами грызунов. Материновые выкиды не прослеживались.

В процессе снятия насыпи в 6 м к северо-западу от центра кургана, на глубине 0,35 м от нулевого репера был обнаружен жертвенник, который включал развал керамического сосуда и кости ног барана. Сосуд баночной формы имеет округлое, уплощенное дно и прикрытое устье. Венчик сосуда с внутренней стороны имеет небольшой наплыв. Тесто глины рыхлое, пористое. Обжиг неравномерный, цвет поверхности – от красно-кирпичного до темно-серого, в изломе – черный. По фактуре и качеству обжига сосуд значительно отличается от остальной срубной керамики кургана и, вероятно, относится к раннему железному веку. В кургане было совершено 5 погребений, четыре из них относятся к срубной культуре.

Погребение 1.

Обнаружено в 7 м к юго-западу от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии север-запад – юго-восток и имела следующие размеры: длина 0,8 м, ширина 0,6 м и глубина в материке 0,13-0,15 м.

В могиле был погребен ребенок 6-9 лет. Он лежал на левом боку, скорченно, головой на юго-восток. На коленях погребенного лежал асимметричный сосуд с едва намеченным плечиком. Поверхность сосуда имеет светло-коричневый цвет с темными пятнами из-за неравномерного обжига и покрыта легкими расчесами от сглаживания¹. В изломе черепок черного цвета и включает незначительную примесь белой крошки (рис. 28, б).

Погребение 2.

Находилось в 8 м к западу-северо-западу от центра кургана. Практически полностью уничтожено норами сурчиной колонии. Могильная яма имела неправильную овальную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Длина могилы 1,45 м, ширина 1 м и глубина около 1 м. На дне обнаружен обломок таза от скелета ребенка. Культурная принадлежность погребения и время его сооружения не устанавливаются. Вероятно именно с этим погребением следует связывать описанный выше жертвенник.

¹ Технические параметры срубной керамики приведены в таблице 3.

Погребение 3.

Находилось в 10 м к юго-востоку от центра насыпи. Могильная яма подпрямоугольной формы с неровными стенками и округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток и имела следующие размеры: длина 1,3 м, ширина 0,75 и глубина 0,3 м в материке. В северо-восточном углу могилы при выборке заполнения обнаружен небольшой кусочек истлевшей древесины, вероятно, от перекрытия. Погребенный лежал на левом боку, сильно скорченно (локоть правой руки лежал на коленях), головой на северо-северо-восток. Погребение безы Inventарное. Скорее всего погребение составляет единый комплекс с остальными срубными погребениями кургана 1.

Погребение 4.

Находилось в центре кургана. Могильная яма прямоугольной формы (северные углы немного закруглены) ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 1,95 м, ширина 1,3 м и глубина 1 м. Дно могилы плавно понижалось к центру. В нижней части восточной стенки сохранились отпечатки землекопных орудий шириной 3,5-4 см. По дну могилы прослежены остатки органической подстилки белого цвета толщиной 0,5 см.

Погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Правая рука согнута под прямым углом, кисть левой руки положена перед лицом (рис. 28, 1). В погребении обнаружены следующие находки:

1. Фрагменты верхней половины сосуда с прямым, слегка отогнутым венчиком и выделенным плечиком. Под венчиком и по плечу плоским штампом нанесен зигзаг. По шейке и немного ниже плечика проходят горизонтальные линии, выполненные тем же штампом. Обжиг сосуда неравномерный, цвет поверхности изменяется от коричневого до темно-серого, в изломе черный. Тесто глины плотное, без заметных примесей (рис. 28, 4).

2. Остатки деревянного сосуда. Стоял перед кистью левой руки, на северном краю плоской деревянной дощечки шириной около 15 см. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуд имел прямые стенки, расширяющиеся к устью. Высота сосуда, приблизительно, 10-12 см, диаметр устья 9-10 см, толщина стенок 0,4 см (рис. 28, 5). Треснувшая стенка была скреплена двумя скобками из бронзовых полосок (рис. 28, 2).

3. Обломок круглой костяной пряжки с двумя разновеликими отверстиями и выделенным бортиком. Найден в области тазовых костей (рис. 28, 3).

4. Два крупных ребра животного – остатки жертвенной пищи. Положены вдоль туловища перед грудью (рис. 28, 1).

Погребение 5.

Находилось в 2,5 м к западу от центра кургана. Стенки могильной ямы полностью разрушены норами сурчиной колонии, глубина могилы 0,7 м от уровня материка. В непо потревоженном состоянии сохранились берцовые кости и стопы. Судя по их положению, погребенный лежал на левом боку и был ориентирован головой в северо-восточную часть круга. На сохранившемся участке дна встречены пятна желтого тлена, а между стопами дно могилы было посыпано охрой.

В 0,5 м к северо-востоку от костей ног, в сурчиной норе найден керамический сосуд – крупная банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем. Сосуд имеет едва заметную профилировку в верхней трети. Срез венчика на половине окружности украшен короткими насечками. На темно-серой поверхности сосуда заметны следы сглаживания крупнозубчатым штампом. Тесто глины плотное, в изломе черное, без заметных примесей (рис. 28, 7).

Курган 2

Находился в 0,5 км южнее кургана 1, на том же поле. Диаметр кургана 44 м, высота 1 м. Насыпь кургана снималась скрепером с оставлением бровки шириной 0,5 м по линии запад-восток. Стратиграфия кургана следующая:

1. Пахотный слой – черный гумус толщиной 0,3 м.
2. Насыпь – серый гумусированный суглинок максимальной толщиной 0,5 м в центре кургана.
3. Погребенная почва темно-серого цвета достигала толщины 0,2 м. На погребенной почве в центральной части кургана залегал светлый материковый выкид из погребения 3.
4. Материк – светло-желтая глина.

В кургане было совершено два захоронения эпохи бронзы (погр. 1 и 3) и одно позднесарматское (погр. 2).

Погребение 1.

Находилось в 8 метрах к западу от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: ширина 0,51 м, длина 0,38 м и глубина 0,23 м от уровня материка. Погребение сильно потревожено грызунами. На дне могилы сохранился фрагмент черепа ребенка, по которому устанавливается, что погребенный был ориентирован головой на северо-восток.

У головы стоял сосуд баночного типа с округлыми боками и прикрытым устьем. На краю венчика имеются два симметричных отверстия. Поверхность неровная, со слабыми следами от сглаживания (рис. 28, 8).

В ногах погребения стоял еще один сосуд с небольшим вогнутым плечиком. Поверхность покрыта грубыми расчесами. В тесте глины есть незначительная примесь белой крошки (рис. 28, 9).

Погребение 3.

Находилось в центре кургана. К западу и югу от могильной ямы, на погребенной почве залегал материковый выкид толщиной до 0,25 м. Погребение сильно потревожено грызунами. Могильная яма подпрямоугольной формы была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 3 м, ширина 2,5 м и глубина около 1 м от уровня материка. Стенки могильной ямы слегка сужаются ко дну. Могила была перекрыта бревенчатым накатником (толщина бревен 0,2-0,4 м) по линии запад – восток, т.е. по диагонали.

В заполнении могилы найден бронзовый нож с намечающимся перекрестьем и ребром по лезвию. Длина ножа 17 см, максимальная ширина 3 см (рис. 28, 10). Дно могилы в непо потревоженном виде сохранилось только в южном углу. Здесь на остатках органической подстилки белого цвета лежали большая берцовая кость и кости стопы человека. Принимая во внимание ориентировку могильной ямы и расположение остатков скелета, можно определить, что погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток.

Погребения из курганов у с.Яблоня имеют несомненное сходство по обряду и инвентарю с рассмотренными выше могильниками. В погребальном обряде это наличие органических подстилок, деревянных перекрытий (в т.ч. по диагонали могилы), жертвенной пищи, совпадение поз и ориентировок погребенных, а в инвентаре - костя-

ная пряжка того же типа, что и в Золотой Горе, деревянный сосуд с бронзовыми скрепками, нож типа НК-16 (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 101). Керамика отличается незначительной профилировкой, преобладанием простых баночных форм, на поверхности отмечены слабые расчесы. Исключение составляет сосуд из 1/4, но и он находит аналогии в Золотой Горе (рис. 24, 5). В данном случае нет стратиграфических свидетельств одновременности центральных и периферийных погребений, но сосуды из последних, при сравнении с Золотой Горой и Кочетным вполне укладываются в рамки раннесрубного периода.

Погребения из курганов у села Яблоня представляют интерес в том плане, что и здесь нет никаких “покровских” проявлений в инвентаре, несмотря на их несомненно ранний возраст.

ГЛАВА 5. О КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ РАНЕСРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В поисках субстрата срубной культуры естественно обратиться к анализу основных культурных признаков населения предшествующей эпохи средней бронзы. Историография по проблемам средней бронзы Нижнего Поволжья немногим меньше, чем по происхождению срубной культуры. Наиболее дискуссионным представляется вопрос о полтавкинской культуре, которая от ранга ступени (Rau P. 1928, s. 12; Шилов В.П., 1975, с. 95) или группы памятников (Мерперт Н.Я. 1958, с. 63) была поднята до уровня самостоятельной культуры (Кривцова-Гракова О.А. 1955, с. 10; Качалова Н.К., 1967), а затем и культурно-исторической общности (Васильев И.Б., 1979, с. 47-49; Качалова Н.К., 1983). Собственно, и дискуссия о происхождении срубной культуры, проходившая на страницах “Российской археологии” в значительной степени была вызвана стремлением упрочить позиции полтавкинской культуры перед изменяющимся соотношением полтавкинских и катакомбных памятников в Нижнем Поволжье (Мельник В.И., 1990; Моргунова Н.Л., 1991; Шилов В.П., 1991).

Мы не ставим своей целью углубляться сейчас в дискуссию о сущности полтавкинской культуры – была ли это культура-дериват (Мельник В.И., 1985, с. 10-12), самостоятельное культурное образование (Качалова Н.К., 1967) или синкретические памятники ямно-катакомбного периода (Турецкий М.А., 1992, с. 72-73). На наш взгляд, если признать полтавкинскую культуру как самостоятельную культуру в рамках катакомбной общности (с включением собственно полтавкинских памятников в ранний этап), то устранятся многие противоречия. Тем более, что подобная мысль не нова, а термин “полтавкинская катакомбная культура” уже давно существует в литературе (Брюсов А.Я., 1952, с. 244; Клейн Л.С. 1962, с. 38; он же, 1970, с. 165-178; Археология..., 1985, с. 403). Если под полтавкинскими памятниками понимать комплексы с несомненным присутствием ямного компонента, то в количественном отношении катакомбные памятники несомненно превышают полтавкинские.

По мнению В.И.Мельника, большинство полтавкинских памятников с кактакомбными чертами следует интерпретировать как катакомбные (Мельник В.И., 1990, с. 105). М.А.Турецкий, проведя корреляцию погребального обряда с группами керамики тех погребений, по которым была выделена полтавкинская культура, пришел к аналогичным выводам (Турецкий М.А., 1992).

К настоящему времени источникведческая база по катакомбным памятникам северных районов Нижнего Поволжья значительно расширилась. Материалы последних 20 лет исследований в Саратовском Поволжье показывают присутствие здесь мощного пласта именно катакомбных памятников. Только на территории Саратовской области и

в северных районах Волгоградской насчитывается свыше пяти десятков катакомбных памятников (рис. 29, 3-56).

Следует заметить, что неравномерность распространения памятников на представленной карте отражает степень исследованности территории – во многих восточных заволжских районах Саратовской области раскопки могильников и поселений практически вообще не производились. К тому же часть исследованных памятников периода средней бронзы пока в недостаточной степени введена в научный оборот, и о них имеются только информационные сообщения (Галкин Л.Л. и др., 1976, с. 167; Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И., 1976, с. 163; Галкин Л.Л. и др., 1977, с. 137; Малов Н.М., 1980, с. 153; Малов Н.М., 1981, с. 138-139; Малов Н.М., 1994а, с. 139-140). Разумеется, не все из этих памятников средней бронзы относятся непосредственно к предсрубному времени, но представляют определенный интерес, так как являются доказательством длительного существования на этой территории катакомбного населения. Кроме курганных могильников и курганов, это грунтовые могильники и поселенческие памятники, что также явно свидетельствует о продолжительности пребывания здесь катакомбных племен.

Катакомбная керамика встречена в культурных слоях 6 городищ вдоль правого берега Волги. Это: Хлопковское (Малов Н.М., 1980), Алексеевское (Рыков П.С., 1931; Юдин А.И., 2001, с. 25, 26, 31, рис. 4), Ахмат (Рыков П.С., 1936), Андриановское (Филиппченко В.В., 1994а, с. 142-143), Утес Степана Разина (Синицын И.В., Фисенко В.А., 1970) и Терновка (Шендаков Г.Н., 1968). Там же известны и поселения с катакомбными материалами: Старая Яблоновка (Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И., 1976, с. 163), Еланский ручей (Малов Н.М., 1981), Сосновка-1 (Малов Н.М., 1994 а), Мартышкино и Сестренки (Шендаков Г.Н., 1968). На левом берегу Волги катакомбная керамика отмечена среди материалов дюнной стоянки Прапорский Бугор и керамика с валиковой орнаментацией на поселении Березовка (Памятники срубной..., 1993, табл. 49, 28-31). Керамика с валиковой орнаментацией известна и в глубинных районах Заволжья – на поселении Старица на р.Алтате (левый приток р.Б.Узень) и на поселении Осиновое на р.Б.Караман (Юдин А.И., 1997а, с. 37-43, рис. 2, б). Кроме того, в Заволжье известны еще три поселения катакомбной культуры: Передовое (верхний слой) на р.Б.Узень (Юдин А.И., 1986, с. 47-48, рис. 6, 37-40), поселение Милорадовка 1 в верховьях той же реки и многослойное поселение Кумыска на р.Торгун (Юдин А.И., 1999). На последнем вскрыто около 470 кв. м культурного слоя, а на Передовом и Осиновом закладывались разведочные шурфы. Материалы поселений Кумыска и Осиновое представляют несомненный интерес в плане характеристики культурного облика населения, предшествующего срубному на этой территории.

Погребальные катакомбные памятники северной части Нижнего Поволжья к настоящему времени исследованы намного лучше. Причем стали известны не только отдельные погребения, но курганы с основными катакомбными захоронениями и чисто катакомбные курганные и грунтовые могильники (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989; Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989; Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992; Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993; Филиппченко В.В., 1994; он же, 1995; Баринов Д.Г., 1996; Дремов И.И., 1996; Ляхов С.В., 1996).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют по иному взглянуть на культурную картину региона в предсрубное время. Для нас сейчас важен сам факт наличия именно катакомбных памятников на этой территории, поскольку анализ их поздней группы показывает сложение основ погребального обряда срубной культуры именно в их среде.

Курганы и курганные группы катакомбной культуры известны на всей рассматриваемой территории. Концентрация их вдоль берегов Волги объясняется, как уже го-

ворилось выше, неравномерной исследованностью региона. Давно введенны в научный оборот катакомбные комплексы из Бережновки, Политотдельского и Старой Полтавки. Значительная часть этих комплексов изначально определялась как полтавкинские, но в результате накопления источниковедческой базы, стало возможным выделить из них ряд несомненно катакомбных, отличия которых от “классических” катакомбных, определяются местной спецификой погребального обряда (Мельник В.И., 1979, с. 53; он же, 1985, с. 12-14; Турецкий М.А., 1992, с. 64-79). Из памятников, исследованных в последнее время, отметим в Правобережье такие яркие комплексы как Усть-Курдюм I-III (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993), Крутец (Тименков Д.М., 1997), Б.Дмитриевка (Матюхин А.Д., 1992), Низовка (Максимов Е.К., 1979), Рыбушка (Четвериков С.И., 1989), Белогорское I, II (Дремов И.И., 1996), Сторожевка (Ляхов С.В., 1996), Старая Яблонка (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1997).

В Заволжье не вызывают никаких сомнений и двоякого толкования (катакомбные или полтавкинские) комплексы Новой Квасниковки (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992), Советского (Баринов Д.Г., 1996), Кумыски II (Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н., 2002), Надеждинки на М.Иргизе (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989) и разрушенных катакомбных погребений из курганов на дюнах р.Стерех (приток Чагры) (Максимов Е.К., 1979а, с. 110-111). Наиболее полная сводка погребальных катакомбных памятников приводится в работе А.В.Кияшко (Кияшко А.В., 2002), где они рассмотрены в рамках волго-донской катакомбной культуры. За прошедшие годы со времени выхода монографии на территории Саратовской области было исследовано еще несколько погребальных катакомбных памятников: Большие Копены I, III и IV (раскопки А.Д.Матюхина, 2003 г.), Тростянка (Хреков А.А., 2005), Мессер V (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2006), Суворовский I (Тупалов И.В., Африканов Ю.А., 2006).

Таким образом, уже давно нельзя говорить о спорадическом проникновении групп катакомбного населения в Нижнее Поволжье, как это представлялось ранее. Приведенные выше примеры показывают, что катакомбное население проживало не только в Правобережье, но и глубинных районах Заволжья. Можно с полной уверенностью считать, что в эпоху средней бронзы в северной части Нижнего Поволжья развивалась одна из культур катакомбного круга. Всеми исследователями отмечается несколько компонентов в составе волжских катакомбных комплексов: донецкий, средне-донской, предкавказский. Первоначально культура позиционировалась как до-волжский вариант катакомбной общности (Мельник В.И., 1985). Дальнейшее ее исследование с привлечением новых материалов позволило катакомбным памятникам занять равноправное место в ряду культур эпохи бронзы Нижнего Поволжья, а за самой культурой закрепилось название «волго-донская катакомбная культура» (Кияшко А.В., 2002, с. 210-212, рис. 128).

Наиболее последовательно и аргументировано точку зрения о катакомбной культуре, как одной из подоснов срубной культуры, отстаивает Г.Г.Пятых, который произвел критический разбор высказывавшихся точек зрения о полтавкинской подоснове срубной культуры Поволжья (Пятых Г.Г., 2000, с. 11.14)

Имеющиеся сейчас материалы по позднему этапу волго-донской культуры дают возможность увидеть несомненное сходство по ряду признаков с ранней срубной культурой, что не удавалось ранее из-за ограниченной источниковедческой базы. Особенно наглядно это проявляется в погребальном обряде, что позволяет утверждать о сложности основных черт погребальной обрядности поздней бронзы в недрах катакомбной культуры (Юдин А.И., 1996а, с. 51-54). Это относится к форме могильных ям, позе погребенных и их ориентировкам. Например, в Заволжье среди катакомбных погребений Бережновки I можно назвать погребения 6 и 8 из кургана 3, погребение 17 из кургана 5, в которых умершие положены в подпрямоугольные ямы, скорченно на левом боку, ру-

ки протянуты к ногам. Асимметричный сосуд из 5/17 вполне сопоставим по форме и пропорциям с раннесрубной керамикой (Синицын И.В. 1959, с. 59, 60, 70, рис. 17, 6). Еще более показательны погребения 10 из кургана 2 могильника Бережновка II – простая яма, северо-восточная ориентировка, положение погребенного на левом боку скорченно, руки лежат перед лицом (Синицын И.В., 1959, с. 122). Погребение 4 из кургана 9 этого же могильника отличается только положением рук умершего – правая вытянута к ногам, левая согнута в локте (Синицын И.В., 1960, с. 14). В аналогичной позе совершено погребение 5 из кургана 3 в Политотдельском (Смирнов К.Ф., 1959, с. 234-235). Среди впускных катакомбных захоронений кургана 3 в Ровенском могильнике погребение 1 также отличается “срубной” позой и северо-восточной ориентировкой (Синицын И.В., 1966, с. 28, 29). Этими же чертами характеризуется и катакомбное погребение 5 из кургана у с.Надеждинка – северо-восточная ориентировка, левый бок, скорченно с руками перед грудью и в прямоугольной яме (Кузьмина О.В., Турецкий М.А., 1989, с. 90). Крупные прямоугольные ямы, северо-восточная ориентировка и положение умершего на левый бок с руками, протянутыми, к ногам отмечены в основных катакомбных погребениях (2 и 5) кургана 1 у с.Шумейка (Юдин А.И., 1998).

Близкая картина наблюдается и среди позднекатакомбных памятников Правобережья. В ранний период для погребений катакомбной культуры характерно положение на правом боку и ориентировка в южной части круга, в дальнейшем появляются погребения с восточной ориентировкой на левом боку (Большая Дмитриевка-2, кург. 1, погр. 6). На финальном этапе, например в Белогорских могильниках положение на левый бок и ориентировка в северо-восточной части круга становятся преобладающими (Дремов И.И., 1996, с. 98-118). Здесь же встречено погребение в “срубной позе”. Анализ поздних катакомбных погребений Саратовского Правобережья выявил совпадение по многим параметрам погребального обряда с раннесрубным. Это преобладание захоронений в простых ямах (при наличии подбоев и катакомб). Умершие лежали на левом боку, скорчено, руки протянуты к ногам, но, иногда и к лицу; головой ориентированы, в основном, в северной части круга (Филипченко В.В., 1994, с. 24-26).

Аналогичные тенденции прослеживаются в погребальном обряде катакомбных племен сопредельных регионов.

В поздней среднедонской катакомбной культуре отмечаются следующие признаки погребального обряда, сохранившиеся в раннесрубное время: положение умерших на левом боку (но руки вытянуты вдоль туловища), ориентировка в северный сектор, преобладание погребений в обычных ямах средних размеров. Керамика орнаментировалась прочерком, ногтевыми защипами, гладким штампом и оттянутыми валиками (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991, с. 12-13).

А.Т.Синюк приводит аналогичную характеристику поздней среднедонской катакомбной культуры. В погребальном обряде это прямоугольные могильные ямы, положение умерших на левом боку, скорчено, с руками у головы и ориентировкой в северную половину круга. Среди керамики получают широкое распространение сосуды с биконическим туловом. Характерный орнамент – вертикальная елочка, выполненная прочерком, висячие треугольники. Хронологически данные комплексы предшествуют срубно-абашевским (Синюк А.Т., 1983, с. 153-159). А.Т.Синюк считает возможным говорить и о непосредственной хронологической стыковке катакомбных и срубных древностей на основании целого ряда наблюдений (Синюк А.Т., 1996 с. 91 - 93).

В позднекатакомбных памятниках Нижнего Дона отмечены те же черты: увеличение количества погребений в ямах, для памятников Волго-Донского междуречья отмечен высокий процент погребенных на левом боку скорчено или на спине с ногами, упавшими влево, увеличивается количество ориентировок в северной части круга (Братченко С.Н., 1976, с. 60-62).

О культурной связи покровских срубных племен с предшествующим финально-катакомбным населением Северского Донца (на основании тенденции «производства впускных могил первых лишь в те донецкие курганы, где до этого было совершено финальнокатакомбное захоронение») пишет С.Н.Санжаров (Санжаров С.Н., 2003, с. 120). Финальнокатакомбные памятники рассматриваются им как катакомбно-абашевский симбиоз.

Для рассматриваемой территории северной части Нижнего Поволжья выделен пласт посткатакомбных памятников криволукской культурной группы, в которую включена часть перечисленных выше позднекатакомбных памятников (Кумыска II, Белогорское I, Большая Дмитриевка II, Усть-Курдюм и др.) (Мимоход Р. А., 2005, с. 70-74).

Не углубляясь в вопросы культурной атрибуции и абсолютной хронологии перечисленных выше групп катакомбных памятников, отметим, что как на территории Нижнего Поволжья, так и в сопредельных регионах у населения финала средней бронзы уже существовали основные черты погребального обряда, ставшие доминирующими в позднебронзовое время. Это форма могилы – прямоугольная яма, положение умершего скорчено на левом боку, ориентировка в северной части круга. Погребения в прямоугольных ямах продолжают ямные традиции и существовали в разных количествах на всех этапах средней бронзы. Поза “адорации” – с руками перед лицом – также широко известна на позднем этапе средней бронзы во всех регионах распространения катакомбной культурной общности (Пятых Г.Г., 1989, с.136-137), особенно много подобных примеров для степной зоны Волго-Донского междуречья (Пятых Г.Г., 1983, с. 115-116). Катакомбные погребения со “срубным” обрядом захоронения известны в рассматриваемом регионе и были перечислены выше. Между погребальным обрядом катакомбной и срубной культур имеется еще много совпадающих элементов, но они характерны и для остальных синхронных культур и сопоставление по ним особой убедительности не придаст.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, на территории северной части Нижнего Поволжья наблюдаются такие же процессы трансформации катакомбной культуры, как и в сопредельных, более западных и южных районах. Во-вторых, если отказаться от тезиса о существовании “особого пути” развития в среднюю бронзу (полтавкинская культура, как культурное образование вне круга катакомбных культур), то мы получаем широкую территорию для сложения срубной культуры именно за счет тех районов, где она была наиболее распространена на развитом этапе.

Факт наследования элементов позднекатакомбного погребального обряда срубным населением, то есть определенной культурной преемственности между двумя культурами подтверждается примерами обратного порядка, когда в погребениях со срубным инвентарем умерший положен с руками, протянутыми к ногам, например Золотая Гора к. 5, п. 32; Красная Деревня к. 9, п. 1; Волжский II к. 1, п. 13 (Памятники срубной..., с. 52, 53). Об этом может свидетельствовать и намного чаще встречаемое неустойчивое положение рук, когда одна протянута к лицу, а другая лежит поперек туловища (комплексы к. 6, п. 1; к. 6, п. 6; к. 5, п. 24 в Золотой горе), а также сохранение в редких случаях подбойного устройства могил. Одно из погребений Золотой Горы (к. 6, п. 9) имело подбойную конструкцию с входным отверстием Г-образной формы. В кургане I группы Мурманский I четыре раннесрубных захоронения были совершены в подбоях, ничем не отличающихся по устройству от местных катакомбных (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988).

В срубных погребениях раннего периода изредка обнаруживается инвентарь с катакомбными реминисценциями. В частности, это несколько сосудов из комплексов Золотой Горы, катакомбные аналогии которым приводились выше. Если рассматривать

эти факты реминисценций через призму катакомбных древностей, то тогда становится понятным, откуда появились многие черты в погребальной обрядности, обнаружить которые невозможно при сравнении с позднеполтавкинскими.

В позднеполтавкинских погребениях мы не обнаруживаем всего комплекса черт, которые остались и на следующем этапе. Не случайно, для подтверждения преемственности между срубной и полтавкинской культурами исследователям приходилось проводить сопоставления с ранними полтавкинскими комплексами и искать этому объяснения (Качалова Н.К., 1967, с. 22). Много говорилось о трудности сопоставления поздних полтавкинских погребений с раннесрубными на основании того, что в поздних полтавкинских памятниках не существуют такие характерные для ранних срубников черты, как крупные прямоугольные или подквадратные ямы, бревенчатые накатники, восточная ориентировка. На этом основании делался вывод о возврате к древнеямным традициям на раннем этапе поздней бронзы. Однако нет никакой необходимости искать на начальном этапе поздней бронзы черты ямной культуры. Крупные ямы с бревенчатыми накатниками есть и в катакомбных материалах региона (Шумейка: Юдин А.И., 1998), а восточная ориентировка для ранних срубных захоронений все же является больше исключением, чем правилом. К тому же на раннем срубном этапе существовало несколько вариаций погребального обряда в зависимости от социального статуса погребенного.

Некоторые позднеполтавкинские комплексы, приводимые исследователями в качестве примера перехода к срубной культуре, по сути дела являются поздними катакомбными со своей местной спецификой. Например, комплекс погребений средней бронзы в кургане 2 Абашевского могильника на р. Чагре обладает всем набором катакомбных признаков в погребальном инвентаре, причем, умерший из погр. 5 уже лежал на левом боку, с руками протянутыми к ногам и северо-восточной ориентировкой (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989, с. 76-79, рис. 3).

В то же время в ранних срубных захоронениях есть ряд категорий инвентаря, не находящих истоков в позднекатакомбных материалах и которые всегда связывались исследователями с абашевскими древностями Подонья.

Роль абашевской культуры в формировании срубной культуры одно время, на наш взгляд, оказалась явно преувеличенной. Первоначально ранние срубные памятники с инокультурными включениями на территории Нижнего Поволжья именовались срубно-абашевскими, затем памятниками покровского типа, а в последние годы они выделены в самостоятельную покровскую культуру. Интересно отметить, что в то время как на Дону появление синкретичных срубно-абашевских комплексов иногда трактовали как результат срубной экспансии из Поволжья, в Поволжье аналогичные комплексы рассматривали как доказательство участия абашевского компонента в сложении срубной культуры. Единого мнения о соотношении абашевских и раннесрубных древностей нет, а историография данного вопроса достаточно подробно изложена в литературе (Беседин В.И., 1996; Малов Н.М., 2003; Пряхин А.Д., 2003; Припадчев А.А., 2003).

Во всех трех вариантах абашевской культурной общности мы не находим комплекса основных элементов срубного погребального обряда (за исключением поздних донских абашевцев), которые выявлены в катакомбной среде.

Приуральские абашевские погребения совершались в прямоугольных могильных ямах, в конструкциях могил широко использовались дерево и камень, поза погребенного - на спине с упавшими на сторону ногами, преобладают восточные и западные ориентировки (Горбунов В.С., 1986, с. 36-45).

Средневожские абашевские могильные ямы отличаются отсутствием срубов и перекрытий, небольшими размерами и глубиной. Умершие лежат на спине, с подогну-

тыми ногами, ориентировки в северном круге незначительны, преобладают восточная и юго-восточная (Кузьмина О.В., 1992, с. 5-8).

Могильные ямы донских абашевцев имеют гораздо более крупные размеры, мощные деревянные накатники. Умершие лежат вытянуто на спине, преобладает северо-восточная ориентировка. Только в этой группе абашевского населения на позднем этапе прослеживаются признаки в погребальном обряде, совпадающие с раннесрубными. Здесь неоднократно прослежена стратиграфическая последовательность позднекатакомбные – абашевские – срубно-абашевские погребения (Пряхин А.Д., 1971, с. 175-191) и, судя по анализу и сравнениям с другими абашевскими культурами, донские абашевцы с подобными признаками синхронны ранним срубникам (Кузьмина О.В., 1992, с. 74-76). Так что не исключено появление таких характеристик в доно-волжских абашевских погребениях не только как результат эволюции, но и как следствие контактов с поздним катакомбным населением. Сосуществование абашевской и катакомбной культур изредка находит подтверждение в местных материалах (Пряхин А.Д., 1971, с. 177-181; Синюк А.Г., 1996, с. 90).

Таким образом, элементов погребального обряда, определяющих облик срубной культуры, в хронологически ранних абашевских погребениях нет, как нет и самих ранних абашевских памятников на территории Нижнего Поволжья. Тем не менее, в покровских памятниках ряд погребального инвентаря сопоставляется именно с материалами донно-волжской абашевской культуры. В первую очередь это керамика, которая не находит аналогий в ранних срубных памятниках. Ее характерные особенности – колоколовидность тулова, примесь ракушки в тесте глины, грубые расчески на внешней поверхности, ребро на внутренней стороне венчика не оставляют никаких сомнений в абашевских традициях ее изготовления.

Но следует заметить, что это не типично абашевская посуда, даже в самых ярких ее проявлениях (Памятники срубной..., 1993, табл. 14, 26; 15, 8, 9; Максимов Е.К., 1994, рис. 2, 1-3, 6; 3, 9, 10), а именно посуда с абашевскими элементами. Аналогичная посуда в это время известна и к востоку от Волги, на петровских и синташтинских памятниках (Потемкина Т.М., 1985, с. 268-269; Она же, 1990, с. 124-125). Причем, зачастую эти признаки абсолютизируются, когда к покровской керамике относят сосуды не с комплексом абашевских признаков, а с каким либо одним. Например, внутреннее ребро, встречается и на позднекатакомбной керамике в широких географических пределах (Санжаров С.Н., 2005, с. 68-69), но из-за этого признака весь комплекс относят к покровским.

Если рассмотреть комплексы погребального инвентаря покровских погребений, то мы мало что увидим там собственно абашевского, либо относящегося только к покровским. Эти предметы (деревянная посуда, металл, изделия из кости) интеркультурны, т.е. распространены во всей степной зоне этого времени и являются в большей мере индикатором социального статуса погребенного, нежели культурного (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005). Относительно покровских комплексов можно сказать, что они отражают не только формирование развитой срубной культуры, но также и общестадийные процессы распространения новых технологий и социальных отношений на раннем этапе поздней бронзы в степи и лесостепи Восточной Европы.

Как уже было сказано, единое мнение о памятниках покровского типа отсутствует. Н.М.Малов проанализировав материалы Нижнего Поволжья пришел к выводу о самостоятельном характере покровских памятников, сложившихся в большей степени под петровско-синташтинским воздействием, нежели абашевским. К абашевскому кругу он относит только керамические традиции, впрочем, вовсе не чуждыми и синташтинскому населению. Правда автор в стремлении показать не синкретический характер покровских памятников, а их особый “культурный тип”, проводит, на наш взгляд

слишком сильную разграничительную линию между покровскими и срубными комплексами (Малов Н.М., 1992а).

Н.М.Малов пишет, что «близость покровских и лидерных синташтинско-петровских культурных групп отмечается по целому ряду показателей, среди которых особое значение имеют погребения “знати” с “богатым” инвентарем и социально-значимыми элементами обряда, характерными для комплексных обществ степной Евразии” (Малов Н.М., 1992а, с. 15). На наш взгляд автор совершенно справедливо указал на принадлежность большей части покровских погребений к социальной верхушке общества, то есть покровские комплексы можно считать чисто надстроечными, связанными своим происхождением с общими социокультурными процессами степи и лесостепи Восточной Европы. Но в дальнейшем автор полностью вычленил покровские памятники из рамок срубной культуры (Малов Н.М., 1991, с. 50-53; он же, 2001, с. 199-102; он же, 2005), с чем все же трудно согласиться.

Несколько иную точку зрения по данному вопросу имеет А.Д.Пряхин. Проблему памятников «так называемого покровского типа» он решает на материалах с территории лесостепного Подонья. По его мнению «памятники покровского типа, если эту точку зрения сохранять, это не более чем отражение процесса перехода от абашевцев к срубникам, и никак не отдельная археологическая культура. Естественно, что сказанное в полной мере касается и районов лесостепного и степного Поволжья» (Пряхин А.Д., 2003, с. 39).

Новой вехой в понимании процессов формирования срубной культуры явилась теория В.В.Отрощенко о двух срубных культурах – покровско-мосоловской и бережновско-маевской – в рамках срубной культурно-исторической общности (Отрощенко В.В., 2003, с. 73-75), по которой Золотая Гора и Кочетное должны быть отнесены к покровско-мосоловской культуре, так как соответствуют предложенным критериям. Действительно, в двух рассматриваемых могильниках насыпь сооружалась, как правило, над несколькими (иногда свыше нескольких десятков) основными погребениями; ориентировки погребенных – в северо-восточном секторе, с большинством отклонений в северную сторону; столовая острореберная посуда орнаментирована гребенкой и все остальные признаки, перечисляемые В.В.Отрощенко, есть в материалах Золотой Горы и Кочетного. Исследователь решительно возражает «против культурного разделения памятников эпохи поздней бронзы российской лесостепи на «покровские» и «срубные», а покровские памятники включает в первый период покровско-мосоловской срубной культуры вместе с другими раннесрубными комплексами (Отрощенко В.В., 2003, с. 76, 82-83, рис. 2, 1-50).

Процесс сложения покровско-мосоловской срубной культуры происходит при трансформации донно-волжской абашевской культуры под синташтинским влиянием, а сама новая культура начинается с момента унификации погребального обряда и наиболее ярко этот обряд демонстрируют материалы Покровского могильника (Отрощенко В.В., 2003, с. 88). Но если в Золотой Горе есть артефакты материальной культуры, которые можно связать с покровскими или абашевскими проявлениями (формы нескольких сосудов, псалии), то в синхронном ей могильнике Кочетное они отсутствуют полностью и культурная подоснова здесь будет другая, скорее всего, пост(поздне)катакомбная

Для территории Нижнего Поволжья таким посткатакомбным образованием возможно будут памятники недавно выделенной криволукской культурной группы (Мимоход Р.А., 2004; он же, 2005, с. 70-74), которая генетически и хронологически следует за волго-донской катакомбной культурой. В курганах криволукские погребения предшествуют покровским. Отмечены черты погребального обряда, которые затем ха-

рактируют и раннесрубные захоронения – основная часть погребений совершена в ямах, левобочность погребенных, доминирование северных ориентировок.

Широкая трактовка понятия “археологическая культура” привела к терминологической неопределенности, когда одни и те же памятники относятся исследователями к разным культурным группам (срубно-абашевские, покровские, раннесрубные) и хронологическим этапам при переходе от средней бронзы к поздней. Между тем материалы могильников показывают, что раннесрубные погребения с полным набором срубных признаков, которые характеризуют культуру и на втором этапе, синхронны покровским. Особенно хорошо синхронизация проводится по ряду категорий погребального инвентаря. Следовательно, мы можем говорить о воздействии донно-волжской абашевской, синташтинской или любой иной культуры на формирующуюся срубную, что привело к появлению именно синкретических памятников. Это воздействие проявляется в новых технологиях, новом наборе инвентаря, других социальных отношениях, но не изменяет сущности формирующейся на посткатакомбной основе культуры, так как уже не фиксируется на развитом срубном этапе.

Здесь встает вопрос о степени важности признаков при определении культуры. Например, предлагается считать определяющими для срубной культуры позу и ориентировку (Пятых Г.Г., 1994, с. 17). Большинство авторов при характеристике погребального обряда опираются на три основных признака: поза, ориентировка и керамический комплекс. Когда эти показатели не совпадают даже в рамках одной культуры, начинается разнобой во мнениях. Именно поэтому необходимо анализировать и сопоставлять не отдельные погребения, вырванные из структуры комплекса (которые затем разбиваются на несколько групп обрядов), а могильники в целом. Тогда и отдельные, специфические по различным причинам погребения, однокультурные и одновременные остальным погребениям не будут искусственно группироваться в самостоятельные культурные типы, либо попадать в другие хронологические горизонты. Все прекрасно знают в теории о роли комплекса при изучении культуры, но на практике при изучении срубных древностей Поволжья отдельные погребения повсеместно вычлениваются из комплексов и группируются по формально-типологическим признакам.

Компоненты сложения срубной культуры – катакомбный, с одной стороны, абашевский (или опосредованно абашевский) и синташтинско-потаповский с другой – это компоненты разного уровня, сравнивать их между собой по степени воздействия на формирующуюся срубную культуру некорректно. Первый компонент – субстрат, легший в основу культуры, другие – факторы воздействия со стороны, являвшиеся катализатором процессов культурогенеза или воздействовавшие на какие-то определенные области материальной культуры

Если признаки позднекатакомбного погребального обряда переходят в срубную культуру по вертикали, т.е. складываются раньше, то второй компонент усваивается культурой по горизонтали, т.е. она получает его извне, от синхронных культур. Этот компонент культуры вторичен, он может и не усвоиться всей культурой, а лишь ее частью, как это и происходит со срубной культурой.

В принципе это приводит к пестрой, мозаичной картине культуры на ее раннем этапе. При установлении субстрата культуры дело осложняется тем, что мы практически не имеем ярких, переходных комплексов погребального инвентаря, сочетающих в себе и срубные и катакомбные черты, т.к. на раннем этапе мы имеем уже полностью сложившуюся культуру. В материальном комплексе, меньше связанном с идеологией, нежели погребальный обряд, фиксируются очень незначительные элементы предшествующего. С другой стороны, инокультурные заимствования будут проявляться гораздо ярче и искажать общую картину. В частности, на наш взгляд это хорошо проявляется на покровских памятниках.

Большинство исследователей признают синхронность синташтинско-потаповских, покровских и ранних срубных погребений. В этом случае, если раннесрубная культура Нижнего Поволжья формируется одновременно на всей территории региона (а материалы это показывают), т.е. даже там, где не было донно-волжского абашевского населения, то по простой логике абашевские признаки, в отличие от территории Подонья, вряд ли будут являться ведущими в процессе генезиса культуры. Необходимо учитывать и синташтинско-петровские влияния, а субстратным компонентом может быть только позднекатакомбный или посткатакомбный, сложившийся опять же на катакомбной основе.

В итоге, на раннем этапе существования срубной культуры мы имеем несколько синхронных между собой типов памятников с различной степенью инокультурного влияния: “чисто” срубные (Кочетное, Белогорский), срубные с незначительными заимствованиями (Золотая Гора), и памятники покровского типа, где инокультурное воздействие проявилось особенно ярко (Покровск, Натальино).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ погребального обряда и погребального инвентаря курганных могильников Золотая Гора и Кочетное в Саратовском Поволжье показал, что они были сооружены за относительно небольшой хронологический отрезок. Оба памятника синхронны и относятся к раннему периоду срубной культуры, несмотря на то, что в Кочетном не отмечены покровские проявления. В инвентаре Золотой Горы с покровским культурным влиянием можно связать только часть керамики, тогда как остальной инвентарь происходит из экстраординарных погребений, является транскультурным по своей сути и встречается в комплексах также социально выделенных погребений в пласте синхронных культур Урала, Поволжья и Подонья. Стоит особо подчеркнуть, что в двух экстраординарных погребениях Золотой Горы, содержащих интеркультурный инвентарь, маркирующий социальную верхушку, керамические сосуды несли в своем облике катакомбные реминисценции.

Это подтверждает, что местная срубная культура формировалась не только под воздействием донно-волжских абашевских и синташтинско-петровских племен, но в своей основе имела позднекатакомбный субстрат, который в части случаев не подвергся инокультурным влияниям. Аналогичная ситуация более четко прослежена (или просто полнее представлена материалами) на погребальных памятниках Среднего Дона, где отмечено хронологическое смыкание позднекатакомбных и срубно-абашевских памятников. Здесь зафиксированы случаи обратной стратиграфии: погребения покровско-абашевского типа со срубными признаками в обрядовости предшествуют позднекатакомбным. На основании подобных фактов А.Т.Синюк поддерживает точку зрения Г.Г.Пятых об участии катакомбного населения Волго-Донского междуречья в процессе формирования срубной культуры (Синюк А.Т., 1996, с. 206-208). Анализируя этнокультурную картину начального этапа поздней бронзы бассейна Дона, А.Т.Синюк приходит к выводу о синхронности памятников покровско-абашевских, позднекатакомбных, ранних срубных, воронежских, КМК, а также покровских Поволжья и петровско-новокумакского типа. А.Т.Синюк также пишет о том, что потаповские и покровско-абашевские памятники – однопорядковое явление, побужденное к жизни одним и тем же процессом. Различия же несут не хронологический, а иной характер, «связанный с удельным весом и вариациями слагающих их этнокультурных компонентов» (Синюк А.Т., 1996, с. 208-210).

Последнее положение находит свое подтверждение и относительно территории северной части Нижнего Поволжья. Раннесрубные памятники этого региона по традиционной датировке укладываются в хронологические рамки XVII-XVI вв. до н.э. или в XX-XVIII вв. по радиоуглеродным определениям (Кузнецов П.Ф., 2001, с. 179-180) и имеют разную культурную подоснову, включая в себя как местные позднекатакомбные компоненты, так и привнесенные со Среднего Дона и Урала – донно-волжские абашевские, синташтинско-петровские. Различное сочетание культурных компонентов обу-

словило определенное различие в культурном облике раннесрубных памятников – покровские (Покровск, Натальино) в случае сильного воздействия донского абашево, раннесрубные¹ при доминировании позднекатакомбных признаков в процессе культурогенеза (Кочетное, Яблоня) и смешанного типа, где покровские черты проявляются в части керамического комплекса или едва уловимы (Золотая Гора). Анализ погребального инвентаря показывает синхронность различных раннесрубных культурных типов памятников.

Следует заметить, что касается памятников Нижнего Поволжья, то здесь постепенно произошла подмена понятия «раннесрубный» понятием «покровский», в результате чего все раннесрубные погребения без покровских признаков а priori зачисляются во второй период срубной культуры, невзирая даже на то, что зачастую составляют единый погребальный комплекс с покровскими погребениями.

Выше рассматривались три раннесрубных памятника, синхронных покровским. Но ими не исчерпывается список раннесрубных комплексов не содержащих покровских признаков. К этому же времени относятся курганы у с.Белогорское (Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г., 1991, с. 71-88). Данные погребения (13 погребений из 5 курганов) кроме керамики не содержали другого инвентаря, но по ряду признаков они могут быть отнесены к раннесрубному времени – наличие кенотафов, бревенчатые накатники, погребение в деревянной раме на горизонте. Вместе с тем керамика не имеет никаких ярко выраженных покровских черт.

В плане характеристики типов раннесрубных памятников также интересен курган 9 у с.Бородаевки (Миронов В.Г., 1991, с. 52-63), где погребения 6 и 10 по инвентарю надежно датируются покровским временем (бронзовые желобчатые браслеты, костяные трехгранные и черешковые кремневые наконечники стрел, орнаментированные костяные втоки, костяная рукоятка камчи), но керамика не имеет покровских черт. Остальные восемь погребений не выходят за рамки срубной культуры, за исключением широкого использования огня в погребальном ритуале (в том числе и в погребениях 6 и 10), что позволило автору раскопок увидеть в этом сильное восточное влияние. В данном случае существовал хронологический разрыв между центральным (погр. 10) и периферийными погребениями, но, судя по обряду захоронений и керамике, он был незначителен.

Существующая источниковая база показывает, что ранний период поздней бронзы не исчерпывается памятниками покровского типа, а синхронно им существуют и другие типы памятников. В материалах этих памятников отражено продолжение традиций местного населения средней бронзы.

При сравнении основных параметров погребального обряда и инвентаря раннесрубных могильников севера Нижнего Поволжья (Золотая Гора, Кочетное, Яблоня) с наиболее ярко выраженными покровскими (Покровск, юго-восточная группа; Натальино-II) становится совершенно очевидно, что ряд признаков характеризует особенности конкретного памятника, а по другим параметрам различия не имеют принципиального характера, их намного меньше, чем элементов сходства. Причем различия касаются именно социально выделенных погребений, а в рядовых они минимальны. Вопросы социальной стратификации раннесрубного общества на примере Золотой Горы и Кочетного были рассмотрены нами ранее (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 36-50).

Таким образом, на раннем этапе поздней бронзы мы имеем несколько типов раннесрубных памятников, отражающих, с одной стороны, традиции местного поздне(пост)катакомбного населения и, с другой стороны, внешние влияния, проявившиеся

¹ Выше уже говорилось о бережновской линии развития в раннесрубной культуре, но нам представляется, что использование данного термина взамен «раннесрубный» нецелесообразно, так как внесет еще большую терминологическую путаницу.

особенно выразительно в социально выделенных памятниках покровского типа. Причем внешние культурные воздействия на разных памятниках проявились в различной степени – большей в лесостепи и меньшей в степи. Границы между этими типами памятников весьма условны, зачастую они составляют единый погребальный комплекс, в котором могут быть захоронения с покровскими чертами и погребения без таковых. Поэтому генезис срубной культуры нельзя связывать только с покровскими проявлениями, так как они не отражают весь спектр культурных типов памятников раннесрубного времени, которые занимают одну территорию, синхронны и отражают сложные социально-культурные процессы срубной культуры Нижнего Поволжья на стадии ее формирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Украинской ССР*. Киев, 1985. т. I.
- Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Беседин В.И.* Историографический комментарий к покровской проблеме // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 2.
- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Васильев И.Б.* Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975.
- Васильев И.Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Исследования курганов на р. Чагре в Заволжье // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А.* Полтавкинское поселение у с. Ст. Яблонка Хвалынского района Саратовской области // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (матер. междунар. конф.). Саратов, 1997.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И.* Раскопки и разведки на севере Саратовской области // АО – 1975. М., 1976.
- Галкин Л.Л. и др.* Исследования в Среднем Заволжье // АО – 1975. М., 1976.
- Галкин Л.Л. и др.* Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО – 1976. М., 1977.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Челябинск, 1992.
- Горбунов В.С.* Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Деревягин Ю.В.* Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье // КСИА. М., 1973. Вып. 134.
- Дремов И.И.* Погребение из кургана у с. Старицкое // КСИА. М., 1991. Вып. 203.

- Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Дремов И.И.* Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА, 1992. № 4.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Зудина В.Н., Скарбовенко В.А.* Раннесрубный могильник у с.Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
- Ильюков Л.С.* Курганы бронзового века на Миусском полуострове // СА, 1979. № 1.
- Качалова Н.К.* О выделении полтавкинской культуры // КСИА, 1967. Вып. 112.
- Качалова Н.К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА, 1978. № 3.
- Качалова Н.К.* О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
- Качалова Н.К., Васильев И.Б.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н.* Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5.
- Клейн Л.С.* Катакомбные памятники и проблема выделения археологических культур // СА, 1962. № 2.
- Клейн Л.С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корнюшин Г.И.* Курганы эпохи поздней бронзы у с.Старая Тойда Воронежской области // КСИА, 1971. Вып. 127.
- Кочерженко О.В., Слонов В.Н.* О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижне-Волжского Правобережья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья (тез. докл). Саратов, 1991.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА, 1955. № 46.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина О.В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992.
- Кузьмина О.В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб, 1995. Ч. II.
- Кузьмина О.В., Турецкий М.А.* Курганы у с.Надеждинка в Заволжье // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Кузнецов П.Ф.* Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

- Кузнецов П.Ф.* Реконструкция креплений конской узды по результатам изучения дисконидных псалиев Поволжья // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
- Литвиненко Р.А.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Донно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 2.
- Лопатин В.А., Малов Н.М.* Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА, 1988. № 1.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Исследования курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Усть-Курдюмский курганный могильник // Археологические вести. Саратов., 1993. Вып. 1.
- Ляхов С.В.* Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос.Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Ляхов С.В., Матюхин А.Д.* Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Максимов Е.К.* Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975-76 гг. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979).
- Максимов Е.К.* Археологические разведки по р.Стерех // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979а.
- Максимов Е.К.* Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г.* Белогорские курганы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Исследование памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье// АО – 1979. М., 1980.
- Малов Н.М.* Работы в Саратовском Поволжье // АО – 1980. М., 1981.
- Малов Н.М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья (тез. докл). Саратов, 1991.
- Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991а. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Малов Н.М.* “Абашевские племена” Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб, 1992а.
- Малов Н.М.* Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии (тез. докл.). СПб., 1993.
- Малов Н.М.* Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Малов Н.М.* Исследования на побережье Саратовского и Волгоградского водохранилищ // АО – 1993. М., 1994а.
- Малов Н.М.* Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Мамонтов В.И.* Курганный могильник Антонов 1 // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Матюхин А.Д.* Исследование курганов у с.Б.Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Матюхин А.Д.* Новые памятники раннего железного века из Саратовского Заволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Мельник В.И.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы (тез. докл.). Донецк, 1979.
- Мельник В.И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1985.
- Мельник В.И.* Из истории полтавкинской проблемы // СА. 1990. № 1.
- Мерперт Н.Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. М., 1954. № 42.
- Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. М., 1958. № 61.
- Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Мат. конф. Луганськ, 2005.
- Миронов В.Г.* Погребения покровского времени кургана № 9 у с.Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Михайлова О.В., Кузьмина О.В.* Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара, 1999. Вып. 1.
- Моисеев Н.Б.* Дисковидные псалии из Селезневской парной курганной группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов, 1996.
- Моргунова Н.Л.* К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА, 1991. № 4.
- Мыськов Е.П.* Погребения срубной культуры Ерзовского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1990. Вып. 1.
- Мыськов Е.П.* К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. № 4. 1991.
- Мыськов Е.П.* Сложение степной срубной культуры и полтавкинская проблема // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии (тез. докл.). СПб, 1993.
- Отрощенко В.В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III - II тыс. до н.э. Днепропетровск, 1984.
- Отрощенко В.В.* О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА, 1990. № 1.
- Отрощенко В.В.* К истории племен срубной общности // Донно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье.* Саратов, 1993. САИ. Вып. В 1-10.

- Пестрикова В.И.* I курганный могильник у совхоза “Солнечный” // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Петров Ю.Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Порохова О.И.* II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Потемкина Т.М.* О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. № 1. 1990.
- Припадчев А.А.* Памятники покровского типа и их осмысление (к историографии вопроса) // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Протоколы заседаний конференции “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы” // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб, 1995. Ч. II.*
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Пряхин А.Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА, 1972. № 3.
- Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин А.Д.* Изучение эпохи бронзы Доно-Донецкого региона и выход на новую парадигму осмысления проблематики эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи (вторая половина XX столетия) // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991.
- Пятых Г.Г.* Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Пятых Г.Г.* О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА, 1984. № 2.
- Пятых Г.Г.* О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989.
- Пятых Г.Г.* К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. № 1. 1990.
- Пятых Г.Г.* Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Пятых Г.Г.* К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА, 2000. № 4.
- Рыков П.С.* Отчет об археологических работах, производимых в Нижнем Поволжье летом 1929 года // Известия НВИК, 1931. Т. 4.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936.
- Саврасов А.С.* Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1998.
- Санжаров С.Н.* О некоторых проблемах периодизации и интерпретации культур эпохи бронзы Северского Донца // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее (тез. конф.). М., 2003. Ч. 1.
- Санжаров С.Н.* Финальнокатакомбная керамика проказинского поселения // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Мат. конф. Луганськ, 2005.
- Семенова А.П.* Погребальный обряд племен срубной культуры лесостепной зоны левобережья Волги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983.
- Сергацков И.В.* Курганы у хутора Малая Воробцовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Сеченов И.М.* Избранные произведения. М., 1953.

- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА, 1959. № 60.
- Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА, 1960. № 78.
- Синицын И.В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Синицын И.В., Фисенко В.А.* Раскопки на Утесе Степана Разина // АО – 1969. М., 1970.
- Синюк А.Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И.* Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА, 1959. № 60.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Тименков Д.М.* Два погребения катакомбной культуры из могильника Крутец // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (матер. междунар. конф.). Саратов, 1997.
- Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Тупалов И.В., Африканов Ю.А.* Курганы эпохи бронзы «Суворовский – 1» // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Турецкий М.А.* Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Физико-географические районы Нижнего Поволжья.* Саратов, 1961.
- Филипченко В.В.* Погребения финала эпохи средней бронзы северных районов Нижне-волжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Филипченко В.В.* Памятники эпохи средней бронзы близ села Белогорское // Краеведческие чтения. Саратов, 1994а. Вып. 4-6.
- Филипченко В.В.* Мозаика культур Волго-Донской культурно-исторической области в эпоху средней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Четвериков С.И.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника у с. Рыбушка Саратовского района Саратовской области в 1989 году. Архив ИА РАН. Р-1.
- Шевченко А.В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986.
- Шендаков Г.Н.* Разведки в Волгоградской области // АО – 1967. М., 1968.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов В.П.* О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА, 1991. № 4.

- Юдин А.И.* Новые энеолитические памятники на р.Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Юдин А.И.* Срубные кенотафы у с.Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Юдин А.И.* Раннесрубные типы памятников на этапе сложения культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск, 1989.
- Юдин А.И.* О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии (тез. докл. междунар. конф.). Тамбов, 1996, с. 46 - 48.
- Юдин А.И.* Преемственность и инновации в раннесрубных погребальных комплексах Саратовского Поволжья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи (тез. докл. и матер. конф.). Воронеж, 1996а.
- Юдин А.И.* Раннесрубные погребения из курганов у с.Яблоня в степном Заволжье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1997. Вып. 6.
- Юдин А.И.* Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (матер. междунар. конф.). Саратов, 1997а.
- Юдин А.И.* Раскопки курганов у с.Шумейка в Саратовском Заволжье // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.
- Юдин А.И.* Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999.
- Юдин А.И.* Алексеевское городище в г.Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996-2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Юдин А. И., Лопатин В.А.* Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА, 1989. № 3.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И.* Истоки сложения срубной культуры Нижнего Поволжья (по итогам исследований курганных могильников) // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.
- Rau P.* Höckergräber der Wolgasteppe Ausgrabungsmaterial des Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik. Pokrowsk, 1928. s. 12.

Список сокращений

АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
КСИА	– краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НВИК	– Нижне-Волжский Институт краеведения
РА	– Российская археология
САИ	– Свод археологических источников.
СА	– Советская археология
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
Тр.ГИМ	–Труды Государственного Исторического музея

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Керамика срубных погребений из Кочетного

№ п/п	кург. /погр.	Д1	Д2	Д3	Д4	В1	В2	В3	при-меси	рас-чесы	техн. орн.
1	5/2	16,5	-	16	9,2	13	-	8,5-9,5	-	Л	-
2	5/4	12,5	12,3	14,4	7,4	11,5	11,3	7	Ш	-	-
3	5/6	15,5	-	17	8	15,5	-	10,5	-	-	-
4	5/8	17	-	19,5	9,5	17,5	-	13,5	-	-	КШТ
5	5/8	15	-	14,5	8,5	15,5	-	13,5	-	Л	-
6	5/9	18,5	17,9	19	10	17	16	13	БК	-	-
7	11/1	13	12,2	12,8	9	10	8,7	7,2	-	-	ШТ
8	- " -	8,1	-	8,5	6,5	6	-	5	Ш	-	-
9	11/2	16,5	15,8	17,5	9,5	16,8	15,5	14,5	-	Л	-
10	- " -	17,5	16,7	21	9,5	19	18	12	-	-	-
11	12/1	16,5	-	19	10,5	15,5	-	10	-	Р	-
12	12/2	12,5	-	14	8,4	11,2	-	7,8	-	-	-
13	12/3	14,8	14,1	17	9	14,6	13	10	-	Л	СШТ
14	12/4	11,6	-	15,5	8,5	11,3	-	7	-	-	СШТ
15	12/5	14,5	14	16	10	15	14	10	-	-	-
16	12/6	14,5	-	15	10,2	12,5	-	8,5	-	-	-
17	12/7	14	-	15,5	9,5	16	-	12	-	Р	П
18	12/8	12,5	12,3	15	9,2	15,5	14	10	-	-	-
19	12/9	13,5	12,2	15	7,3	13,5	13	7,7	-	-	МШТ ПК

Условные обозначения к таблицам – на стр. 85

Керамика срубных погребений из Золотой Горы

№ п/п	кург. /погр	Д1	Д2	Д3	Д4	В1	В2	В3	при-меси	рас-чёсы	техн. орн.
1.	1	10,4	-	15	10,8	8,8	-	4	-	-	-
2.	1	≈16,2	≈16	≈17,2	≈12,6	15,6	13,2	7,4	Ш	-	-
3.	2/1	18	-	13,2	9,4	9,4	-	13,4	-	Л	-
4.	2/2	15,2	14,8	15,2	7,8	13,4	12,2	9	-	-	-
5.	3/1	16,6	16,2	17,4	9,4	15,6	13,8	10	-	-	П
6.	3/2	19,8	19,2	20	10,8	16,2	14,5	10,2	Ш	Л	-
7.	3/3	21,2	-	21,6	11	19,8	-	12,8	-	Л	-
8.	4	16	16	18,8	9	16	14,4	10,6	-	-	КШТ
9.	4	23	21,8	22,8	15,4	18	14,2	10,2	Т	-	ЛШ
10.	5/1	11,8	11	14	9,6	11	10	6,4	-	-	П
11.	5/2	15	-	11,2	9,2	12,8	-	11	-	Р	-
12.	5/4	19,2	-	-	-	-	-	-	Ра	-	-
13.	5/5	15,8	14,8	16	9	13,8	11,6	8	-	Л	-
14.	5/6	16,2	14,4	15,6	9	13,2	12	8,2	-	Л	П, ПК
15.	5/8	16	14,5	17	9,8	15,6	14,2	10,6	-	-	-
16.	5/8	15,8	15,2	17,2	9,2	15,8	14,2	10,2	-	Л	КШТ
17.	5/8	10,8	10	11,6	8	7,4	6,8	4,2	-	-	П
18.	5/9	13,8-14,1	12,9	16,2	8,2-8,6	12,6-13,9	11,1-12,2	7,2-7,6	-	-	ГШ
19.	5/10	15	14,2	14,6	7	11,4	9,6	7,6	-	Л	-
20.	5/11	-	-	-	7,6	-	-	-	Д	Р	-
21.	5/13	12,6	12,4	13,6	8,6	11,8	10,8	7,8	-	Р	-
22.	5/14	14	-	-	-	-	-	-	Д	-	-
23.	5/15	11,8	-	11,8	9,6	6,6	-	5,2	-	-	МШТ
24.	5/16	15	13	13,4	7,8	14	12,4	10	-	-	-
25.	5/17	14,4	-	15,8	8,4	11	-	8,6	-	-	-
26.	5/18	17,6	-	19	9	15,6	-	11,8	-	Р	-
27.	5/19	13,8	13	13,4	9	10,8	9,4	8,2	-	-	-
28.	5/20	18,8	17	19,8	10	14,8	13	8,8	-	-	-
29.	5/21	13,8	-	14,8	9	13	-	8,8	-	Л	-
30.	5/21	-	-	-	4,8	-	-	4	Д	-	-
31.	5/22	14	13,6	14,4	9,4	10,8	9,8	7	Ра	-	МШТ
32.	5/23	14,4	14	16	9	14	12,8	9,6	-	-	-
33.	5/24	18,4	18	19,8	9	18,4	16,4	14	Ра	Р	-
34.	5/26	16,4	15,6	17	9,2	11,6	11	7,8	Ра	-	-
35.	5/27	15,8	15	16,2	9,4	11,4	10,4	7,4	Ра	Р	-
36.	5/28	13,6	-	15,2	9,4	11,4	-	8,4	-	-	-
37.	5/29	11,4	10,8	12	7,4	11	9,6	6,2	-	-	КШТ
38.	5/30	13,4	-	13,8	6,6	11,2	-	8	-	-	-
39.	5/31	14,2	13,6	14,8	8	12	10,6	9	-	Л	-
40.	5/32	13,6	-	15,2	9,4	11,4	-	8,4	Ш	-	КШТ

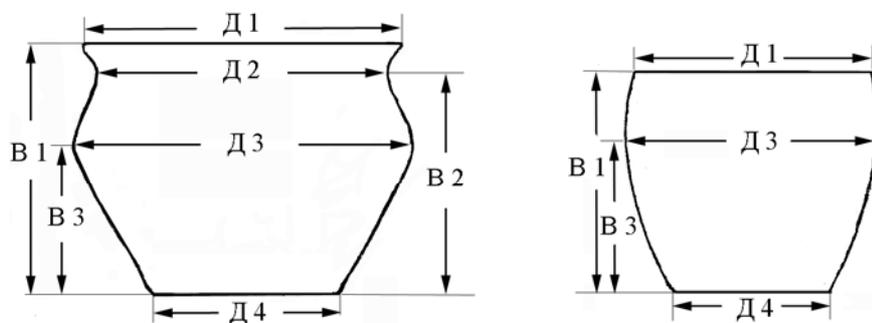
Таблица 2 (продолжение)

№ п/п	курс./погр	Д1	Д2	Д3	Д4	В1	В2	В3	при-меси	рас-чесы	техн. орн.
41.	5/триз на 2	15	-	-	9,5	9,2	-	6	Ра	Р	-
42.	5/триз на 2	15	-	-	10,5	12,6	-	-	Ра	Р	-
43.	6/1	15,6	-	16	7,6	13,4	-	-	-	Л	-
44.	6/2	15,2	-	15,6	9,8	12,4	-	10,4	-	Л	-
45.	6/3	12,4	-	-	9,8	9	-	-	Ш	-	-
46.	6/4	10,6	11	13	8,4	11	10,2	5,6	-	-	-
47.	6/5	14,8	-	17,6	10,2	15,4	-	9,8	О	Р	-
48.	6/5	17,8	17,2	20,2	11,6	12,4	11	7,2	-	-	ГШ, Н МШТ
49.	6/6	17,4	17,4	18,2	10	16,4	15	11	-	-	-
50.	6/8	14	13,8	15,2	9,4	12,2	10	9,2	-	Р	-
51.	6/8	12,2	12	14,2	8	10,6	9,6	7,2	-	-	-
52.	6/9	13,4	-	14,4	8,4	10,8	-	8,4	-	-	-
53.	6/10	13,8	13	14,6	9	13,2	11,8	8	Ра	-	-
54.	6/11	12,8	12,6	14	8	13,2	12	8	-	-	-
55.	6/12	13,4	13	13,6	7,4	10	9	7,8	-	-	-
56.	6/14	17	16	17	9,4	15,6	13,2	10,4	-	-	-

Таблица 3.

Керамика срубных погребений из Яблони

№ п/п	кург. /погр	Д1	Д2	Д3	Д4	В1	В2	В3	при-меси	рас-чесы	техн. орн.
1.	1/1	14,8	14	15,4	9	11,6-12,2	13,6	7,4-7,8	БК	Л	-
2.	1/4	15,6	15,2	18,4	-	-	-	-	-	-	ГШ
3.	1/5	18,8	18,5	19,2	8,5	20,5	19,5	16,5	-	Л	Н
4.	2/1	8,3	-	11,2	7,1	10-10,5	-	6,5	-	Л	-
5.	2/1	15,1	14,6	16,5	8,6	11,4	9,5	7,5	БК	Р	-

Примечания: Ш – шамот; БК – белая крошка; Т – тальк; Д – дресва; Ра – раковина; О – органика; Р – расчесы; Л – легкие расчесы; КШт – крупнозубчатый штамп; Шт – штамп; МШт – мелкозубчатый штамп; ГШ – гладкий штамп, П – прочерк; ПК – поля камышинка; Н – насечки по венчику; ЛШ – ложный шнур; Н – накол

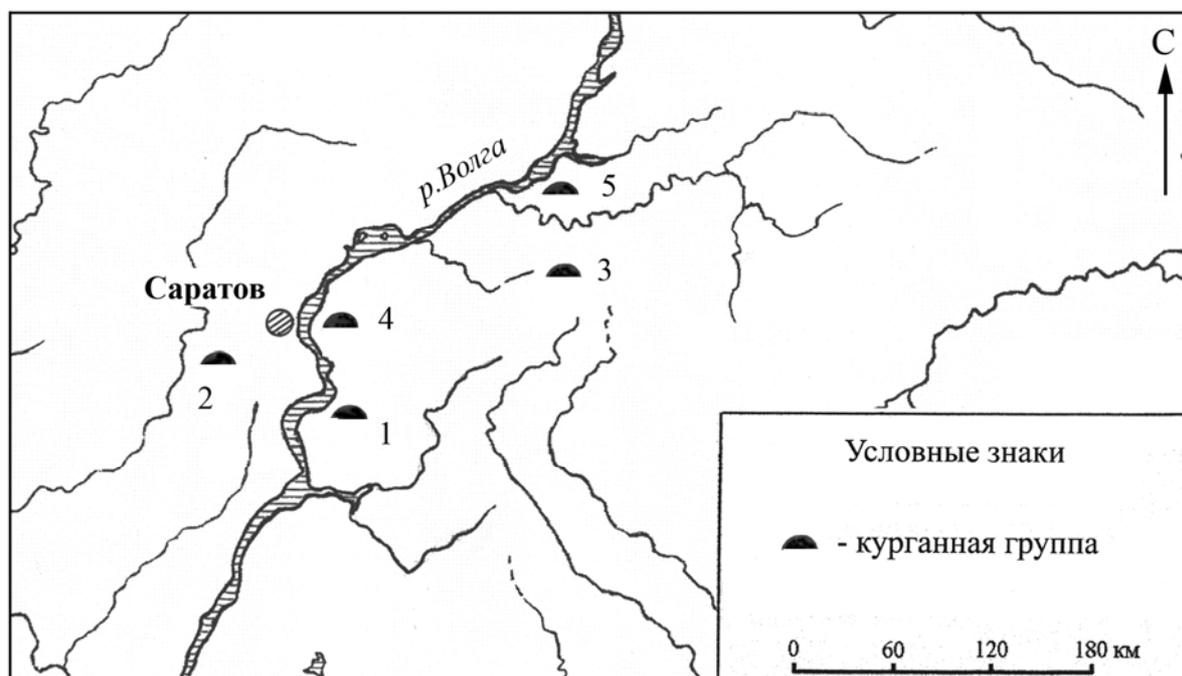

Рис. 1. Раннесрубные могильники Саратовского Поволжья. 1 – Кочетное, 2 – Золотая Гора, 3 – Яблоня, 4 – Покровск, 5 – Натальино

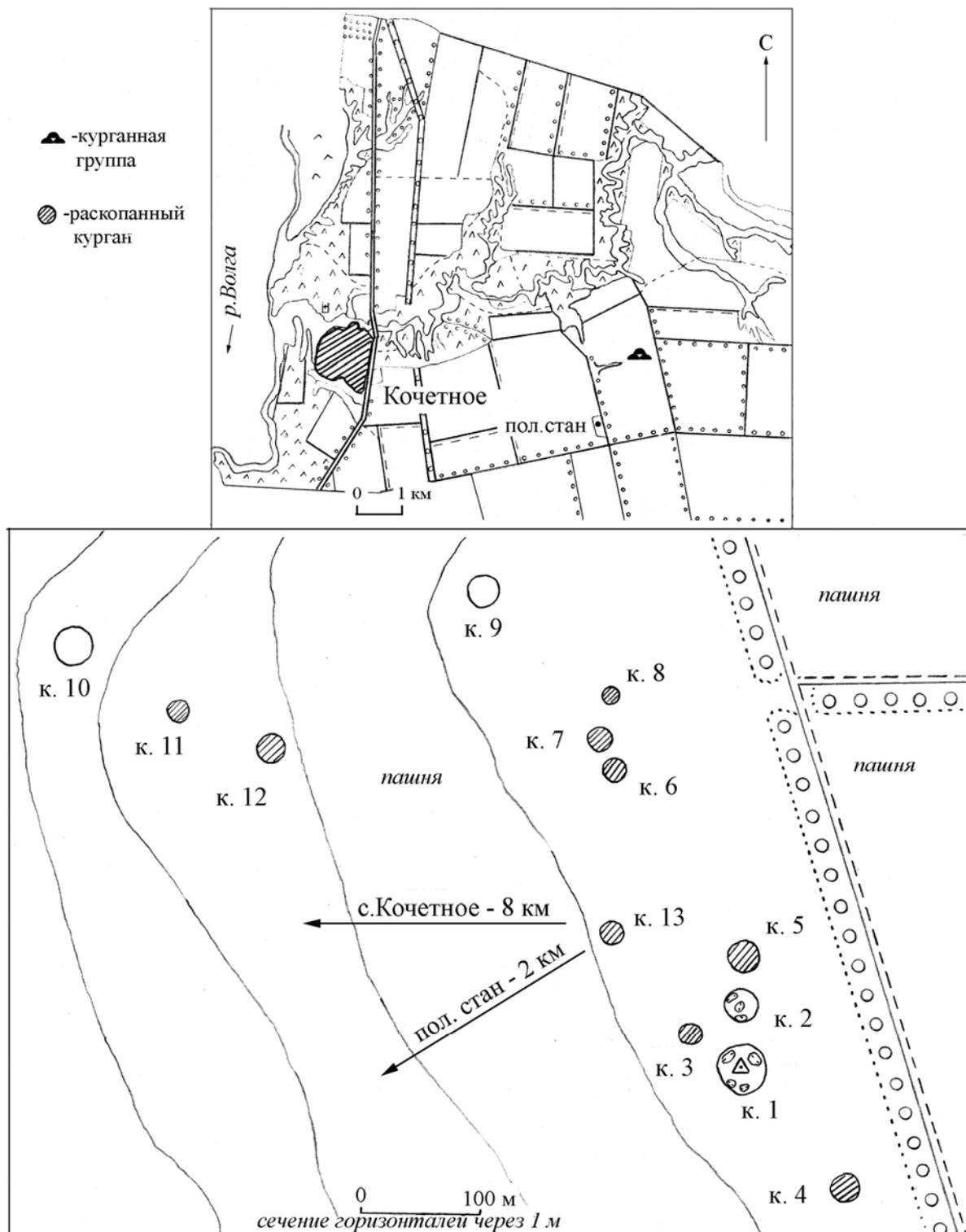

Рис. 2. Схема расположения и план курганной группы у с. Кочетное

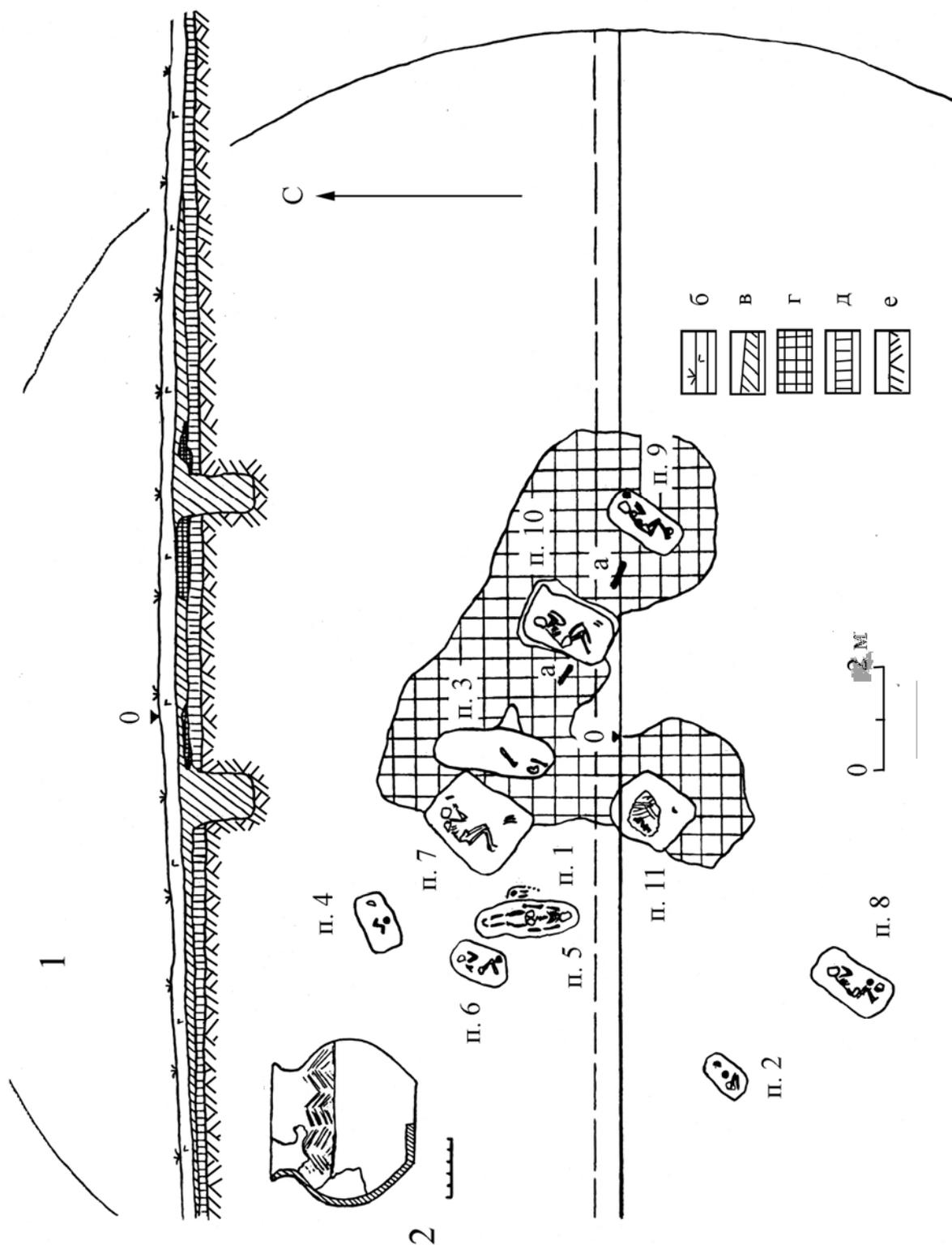

Рис. 3. Кочетное. 1 – план и профиль кургана 5 ; 2 – сарматский сосуд из погр. 1. а – остатки деревянного перекрытия; б – гумусный слой; в – насыпь; г – выкид; д – погребенная почва; е – материк

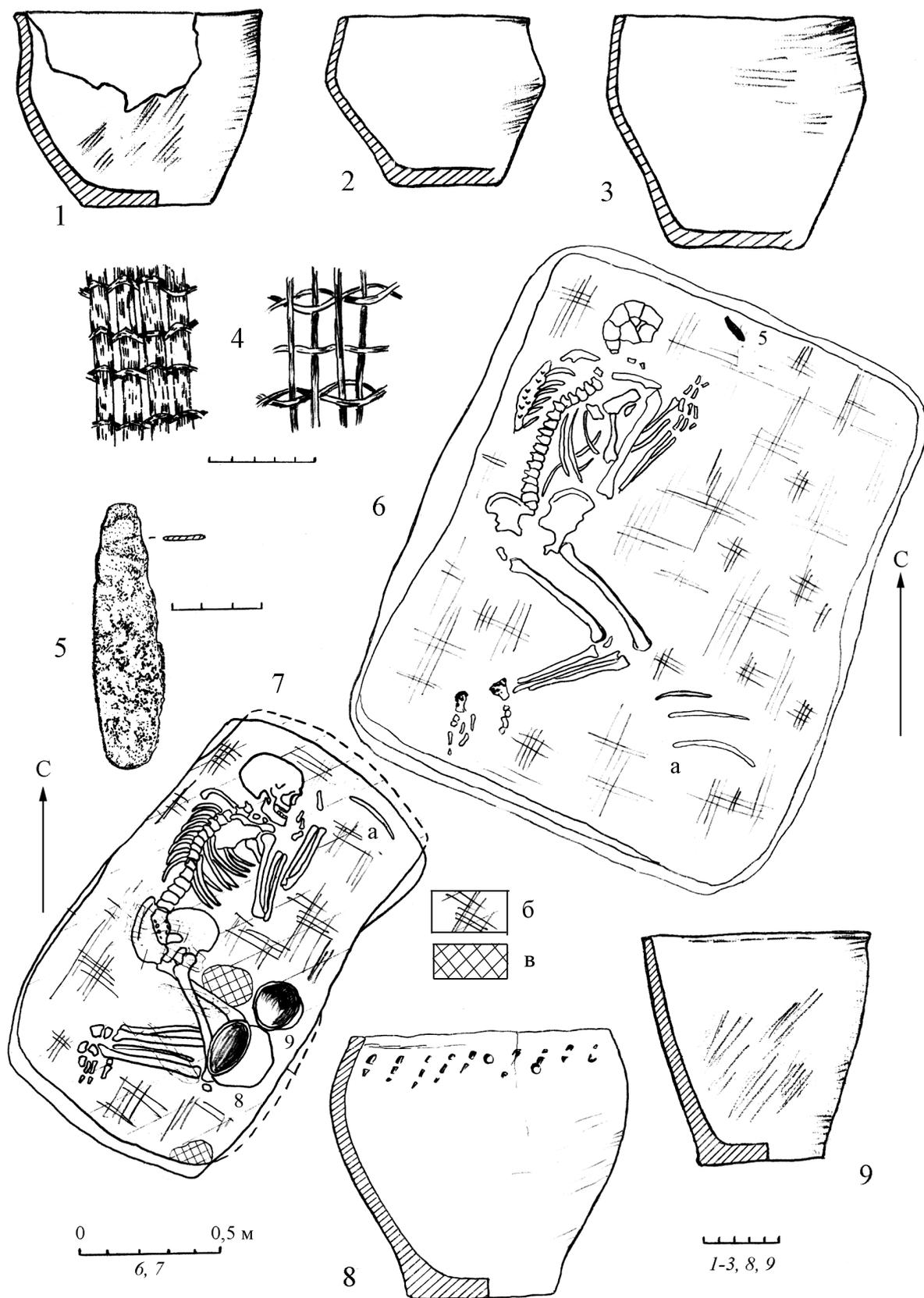

Рис. 4. Кочетное, курган 5. 1 – погр. 2; 2 – погр. 4; 3 – погр. 6; 4 – образцы плетения циновок; 5, 6 – погр. 7; 7-9 – погр. 8. а – остатки погребальной пищи, б – циновки по дну могилы, в – перекоп. 1-3, 8, 9 - керамика; 4 - камыш; 5 - бронза.
Здесь и далее: номер рисунка предмета совпадает с номером на плане погребения

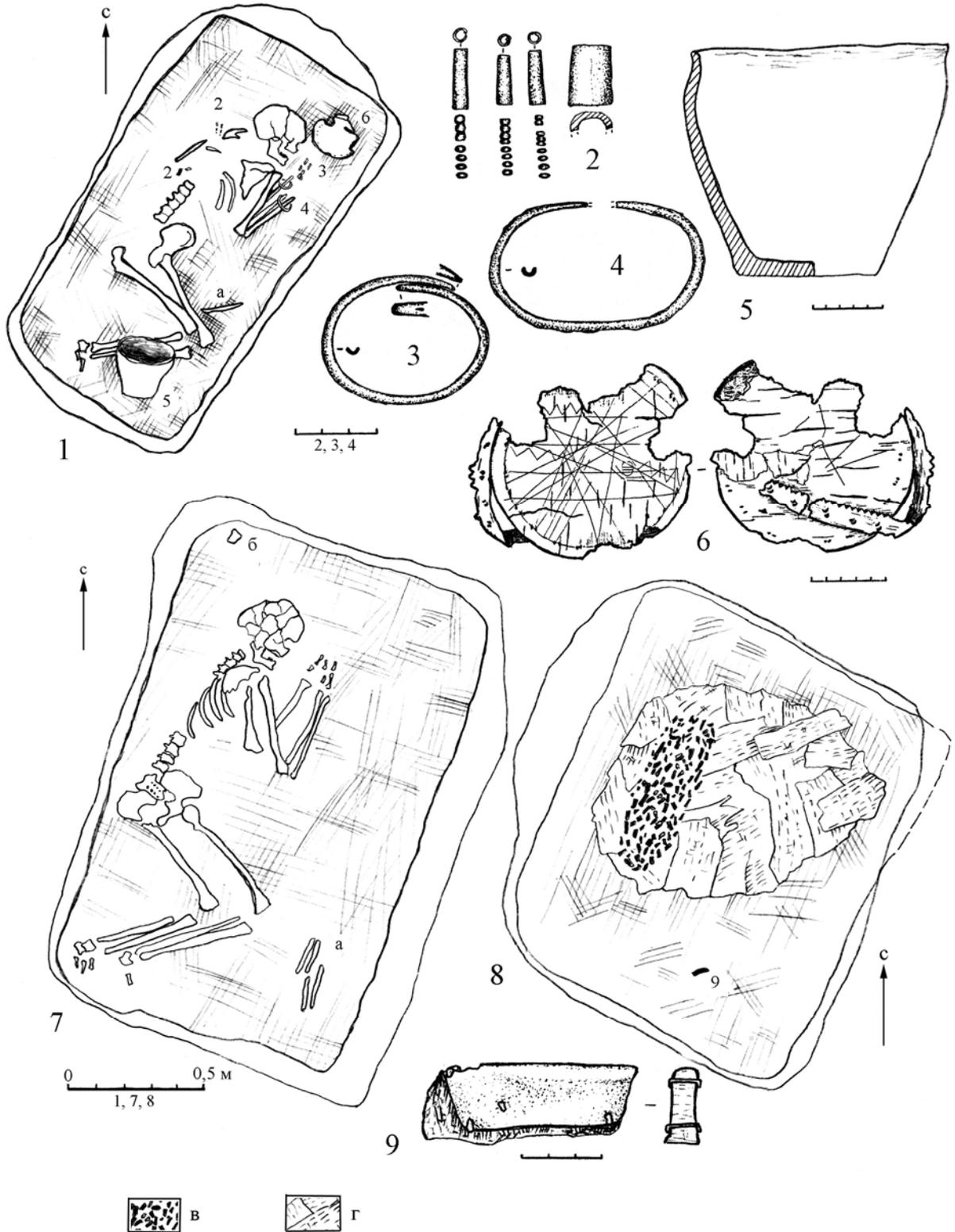

Рис. 5. Кочетное, курган 5. 1-6 – план погребения 9 и находки из него; 7 – погр. 10; 8 – погр. 11; 9 – фрагмент деревянной чаши с бронзовой обкладкой из погр. 11. а – остатки погребальной пищи; б – фрагмент керамики в заполнении погребения 10; в – угольки и кальцинированные кости; г – береста. 2 – бронза, паста, кость; 3, 4 – бронза; 5 – керамика; 6 – береста; 9 – бронза, дерево

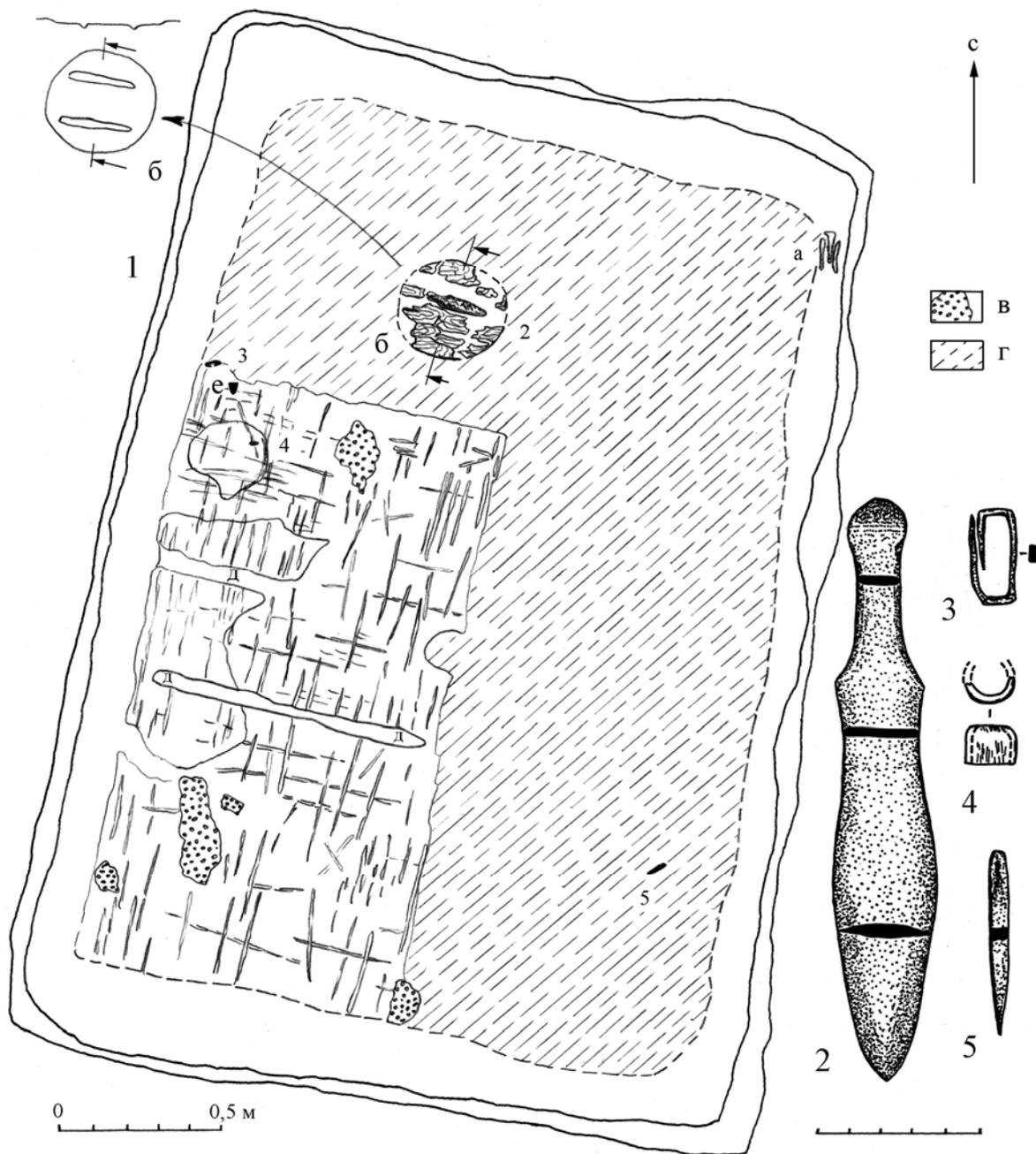

Рис. 6. Кочетное, курган 6. 1 – план кенотафа; 2-5 – находки из кенотафа. а – остатки погребальной пищи; б – деревянное блюдо; в – охра; г – белый тлен; д – остатки и отпечатки деревянных планок; е – половина створки раковины *Unio*. 2, 3, 5 – бронза; 4 – кость

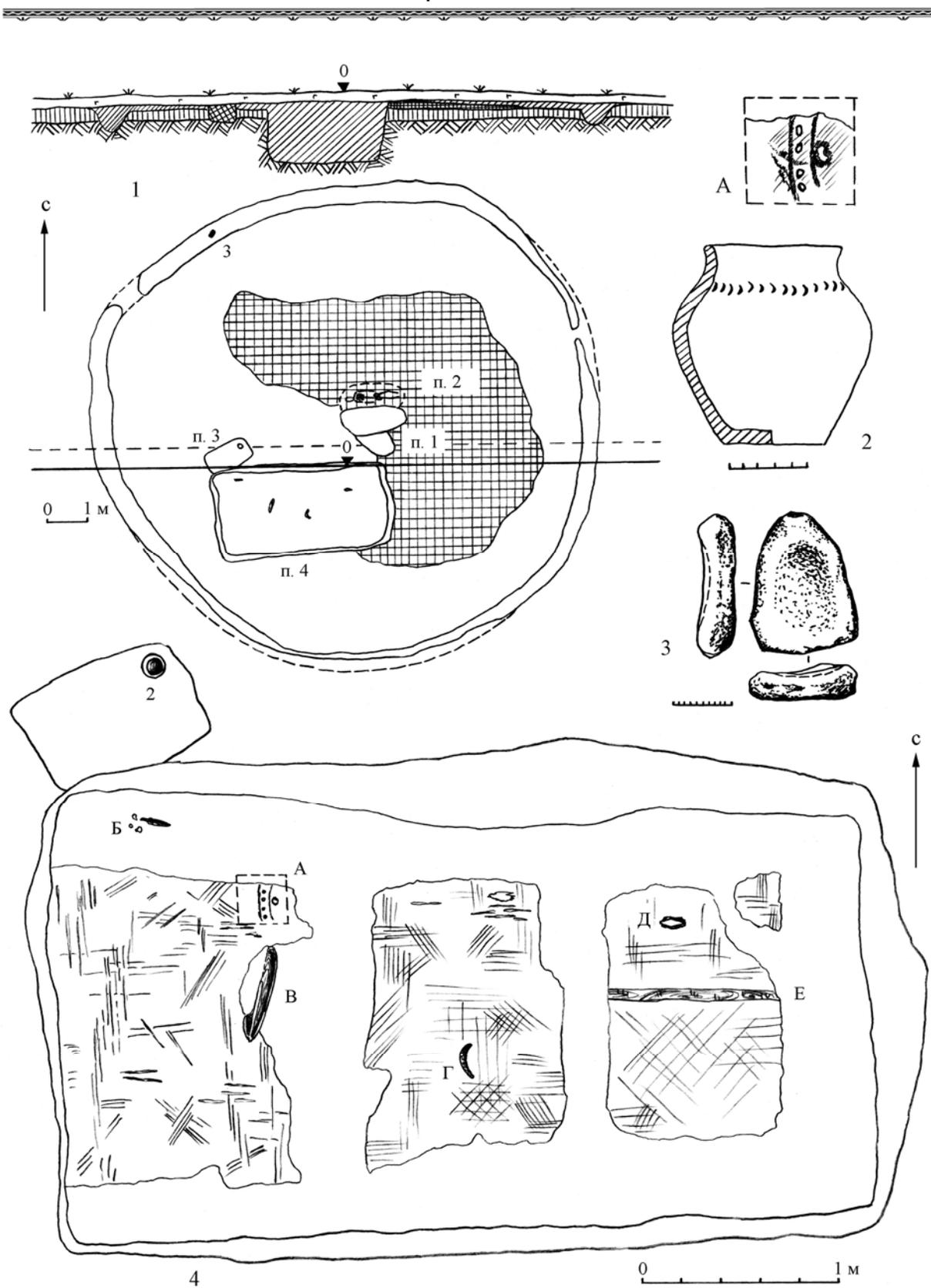

Рис. 7. Кочетное, курган 7. 1 – план и профиль кургана; 2 – сарматский сосуд из погр. 3; 3 – каменная зернотерка из заполнения ровика; 4 – погр. 3 и 4. А – фрагмент циновки с орнаментом, Б – остатки погребальной пищи и бронзовый нож, В – деревянный предмет, Г – бронзовый серп, Д – бронзовый нож с остатками деревянного чехла, Е – деревянная планка под циновкой. 2 – керамика, 3 – песчаник

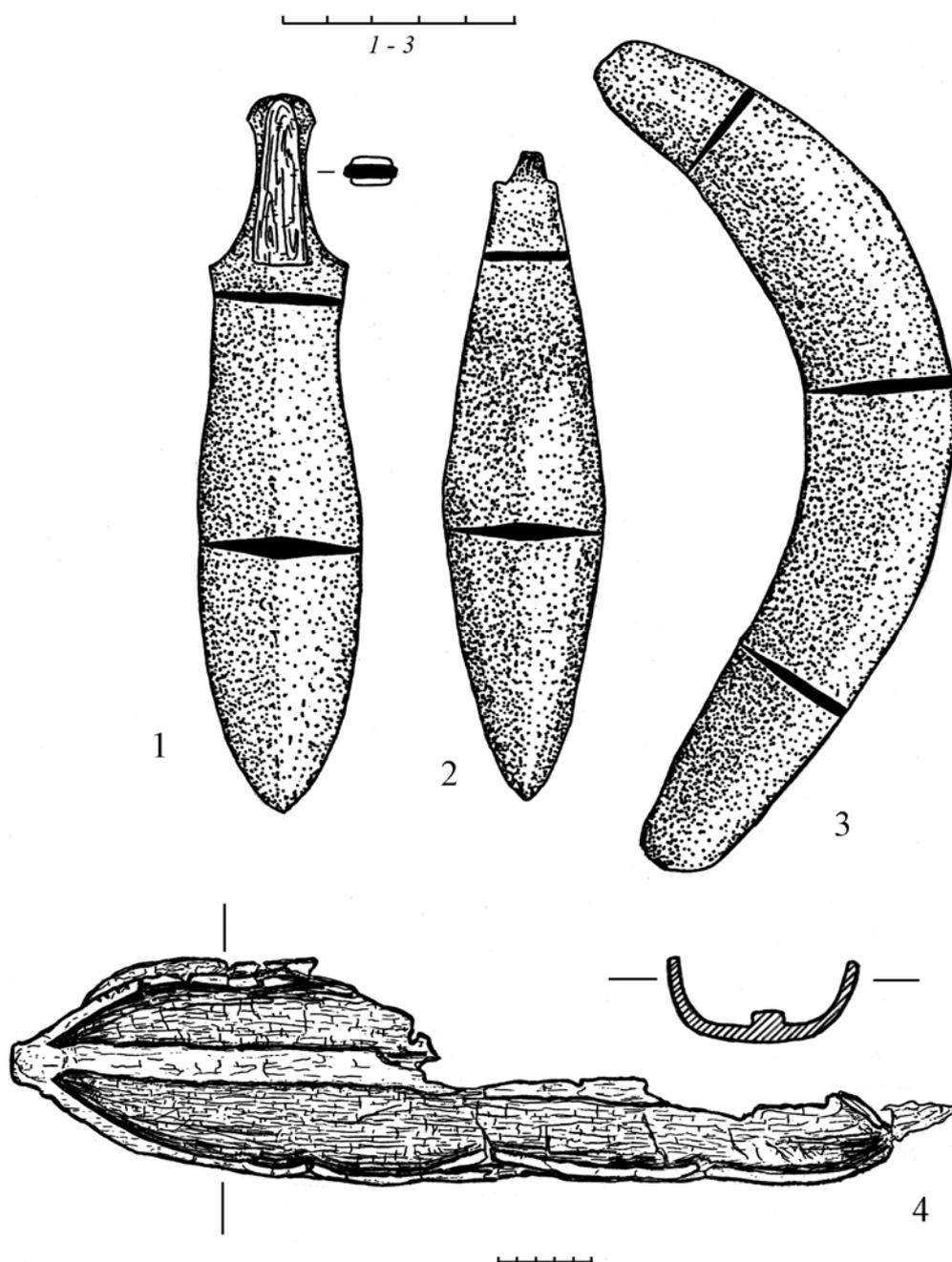

Рис. 8. Кочетное, курган 7. Находки из погребения 4. 1 – бронзовый нож с остатками деревянной рукояти; 2, 3 – бронзовые нож и серп; 4 – деревянный предмет

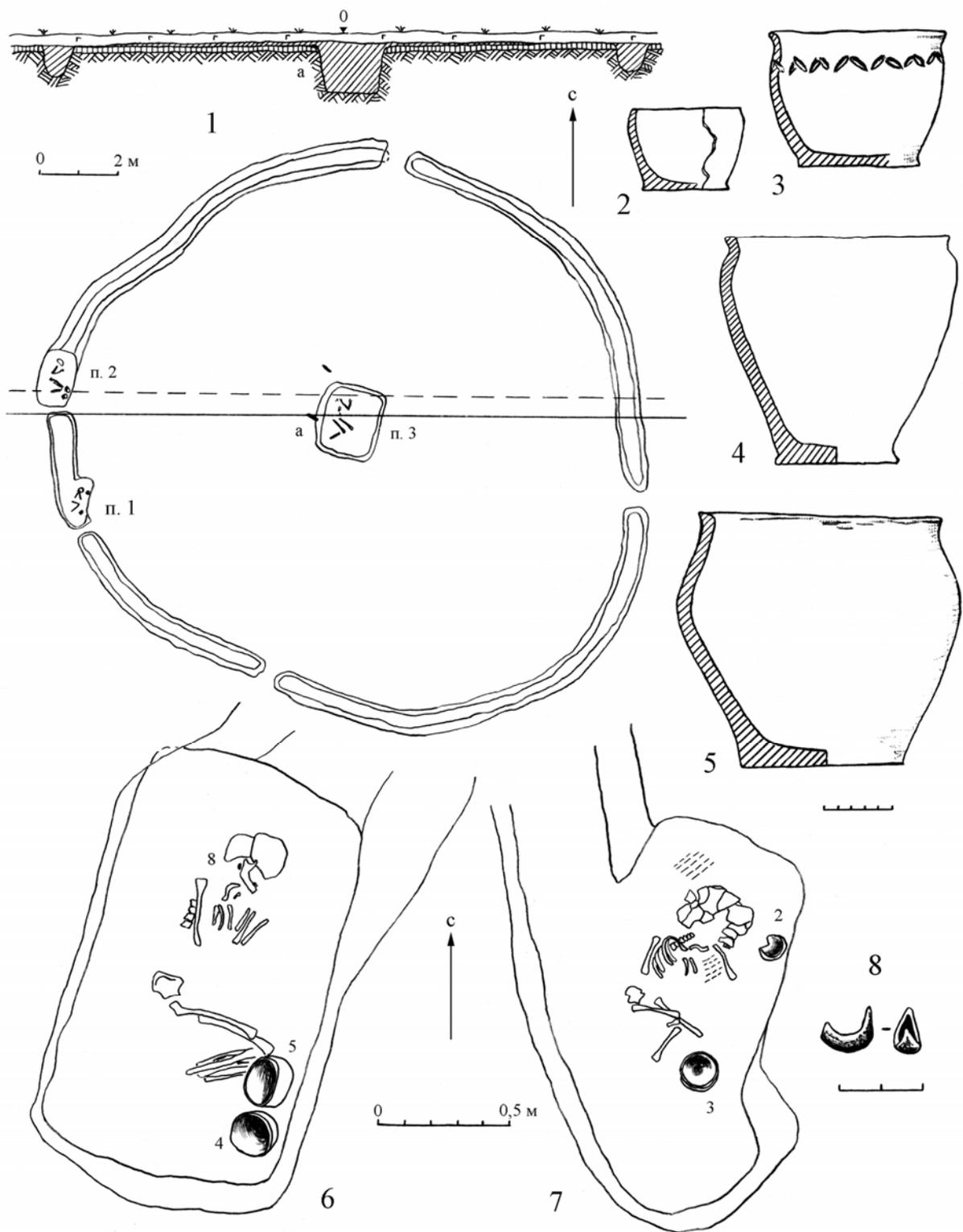

Рис. 9. Кочетное, курган 11. 1 – план и профиль кургана; 2, 3, 7 – находки из погр. 1 и его план; 4-6, 8 – план погр. 2 и находки из него. а – остатки деревянного перекрытия; 2-5 – керамика, 8 - золото

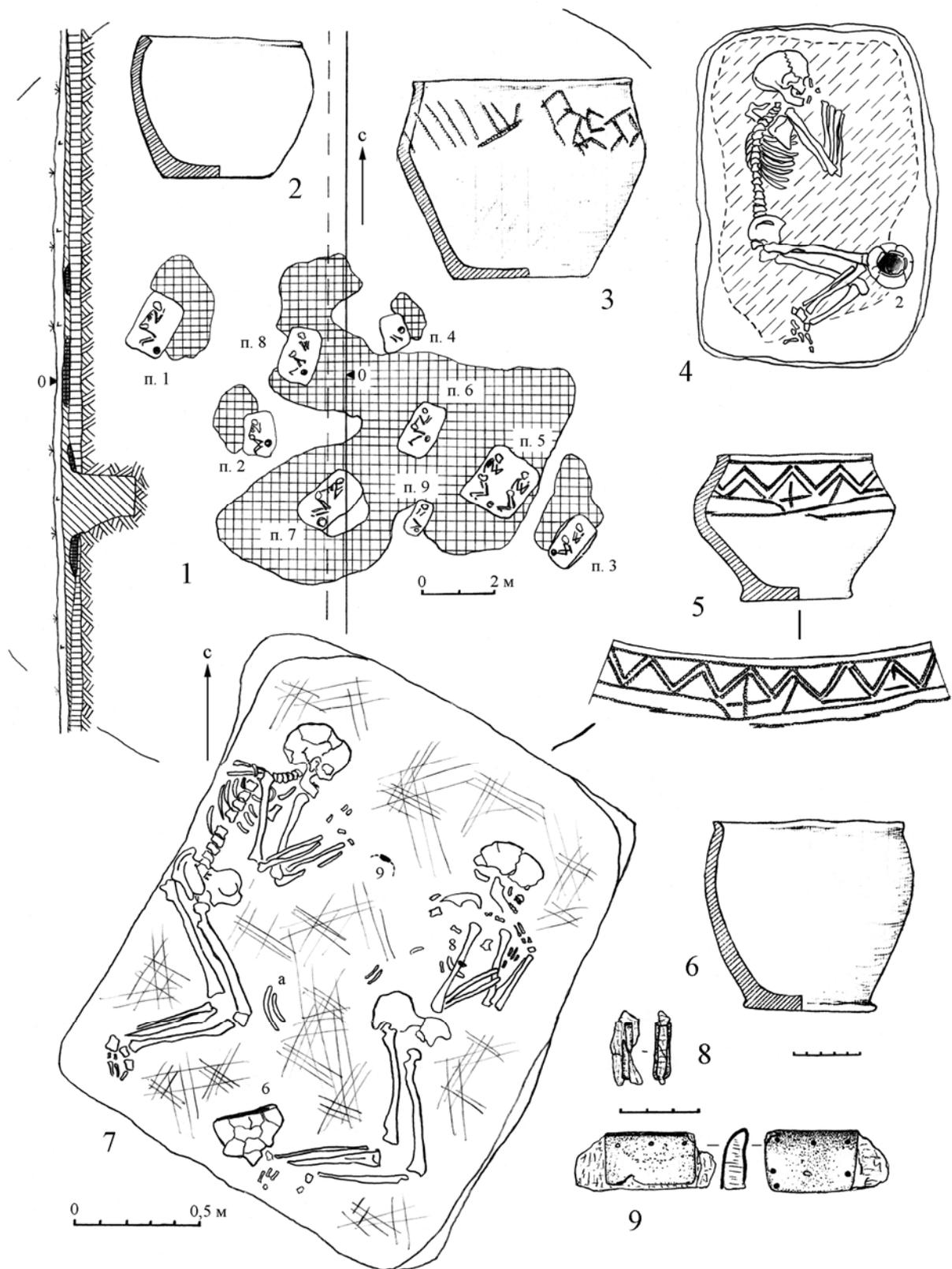

Рис. 10. Кочетное, курган 12. 1 – план и профиль кургана; 2, 4 – погр. 2; 3 – погр. 1; 5 – погр. 4; 6-9 – погр. 5. а – остатки погребальной пищи. 2, 3, 5, 6 – керамика; 8, 9 – бронза, дерево

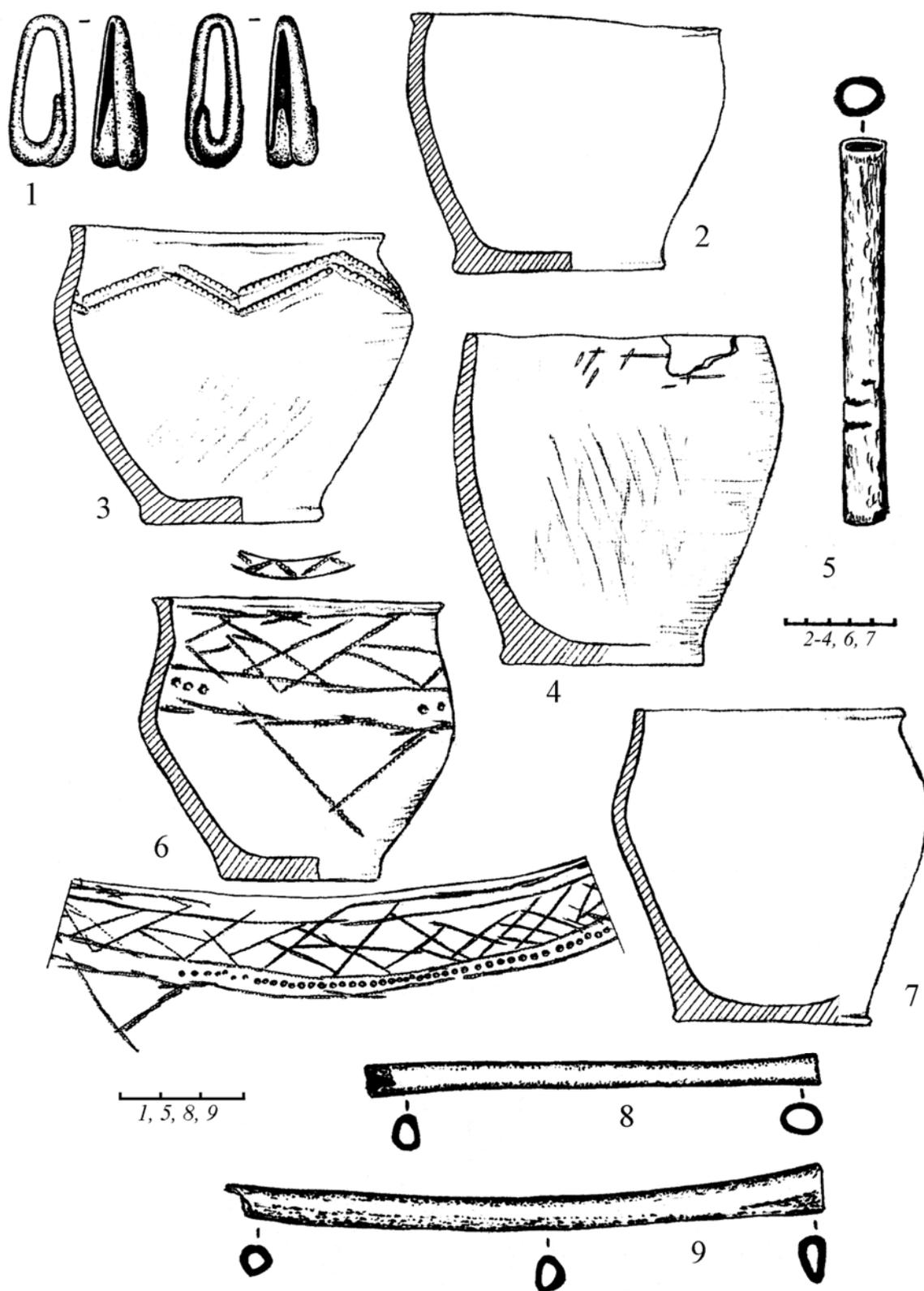

Рис. 11. Кочетное, курган 12. 1, 3 – погр. 3; 2, 5 – погр. 6; 4 – погр. 7; 6 – погр. 9; 7-9 – погр. 8. 1 – бронза; 5, 8, 9 – кость; 2-4, 6, 7 – керамика

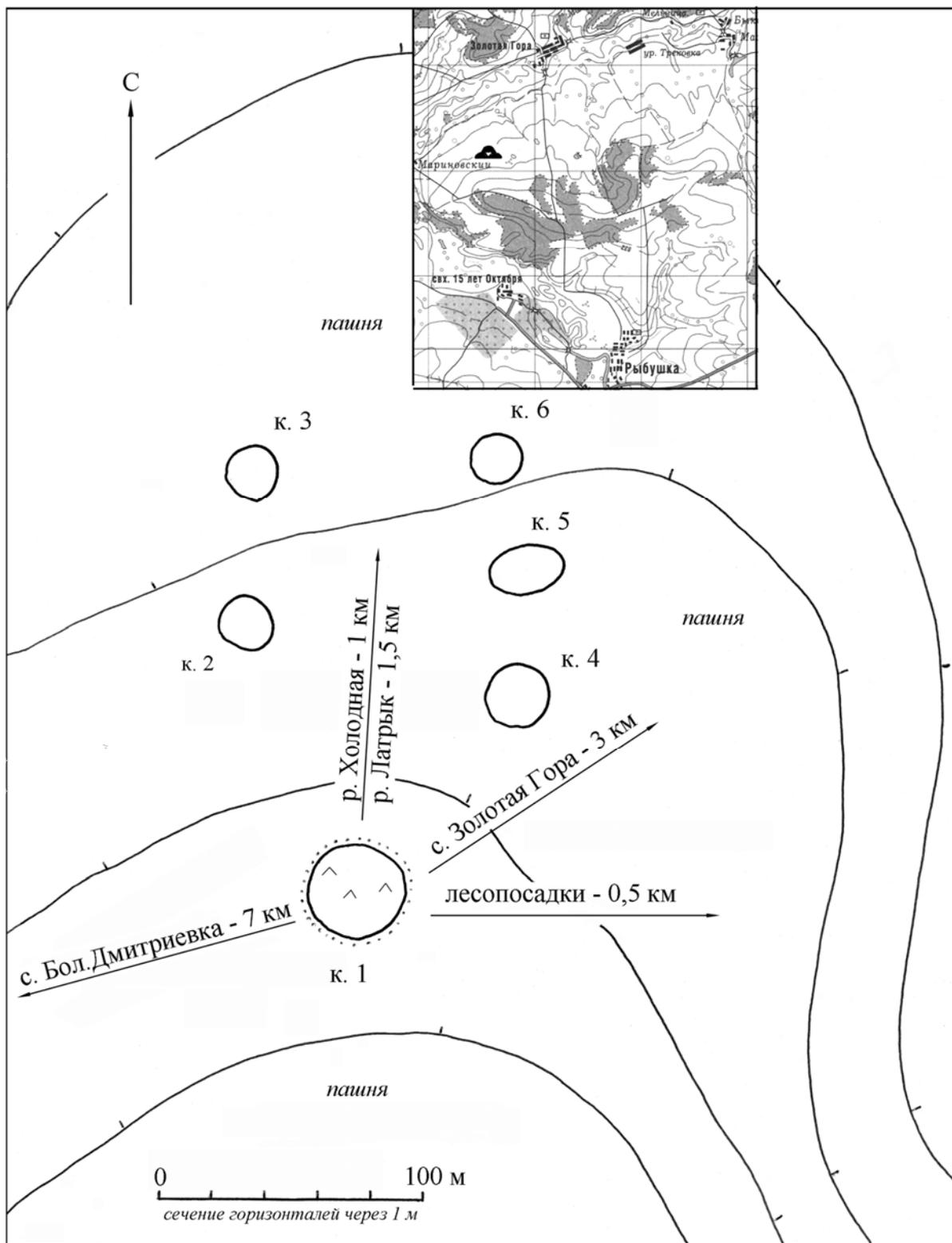

Рис. 12. Схема расположения и план курганной группы у с. Золотая Гора

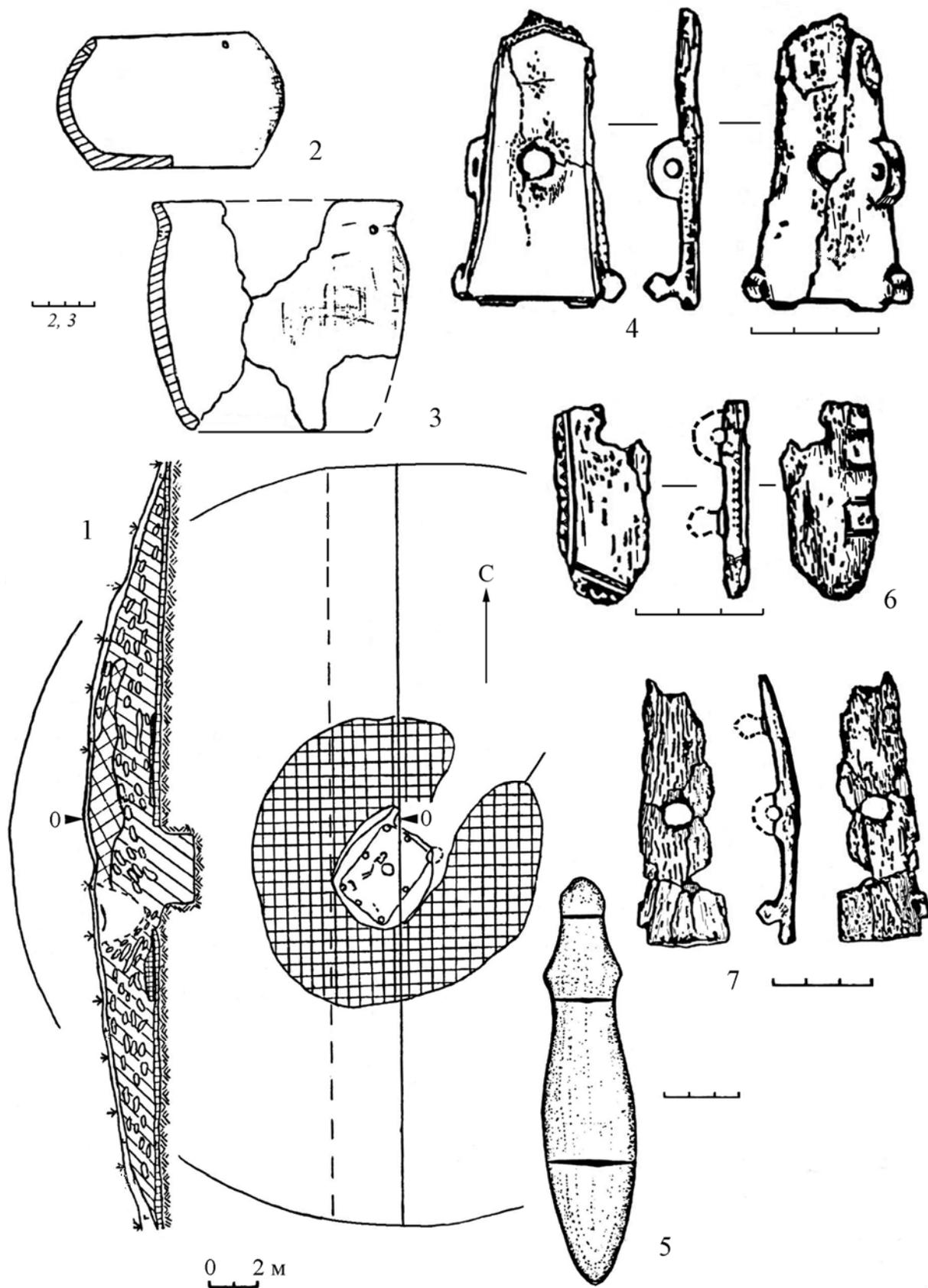

Рис. 13. Золотая Гора, курган 1. 1 – план и профиль кургана; 2, 3 – керамические сосуды; 4, 6, 7 – костяные псалии; 5 – бронзовый нож

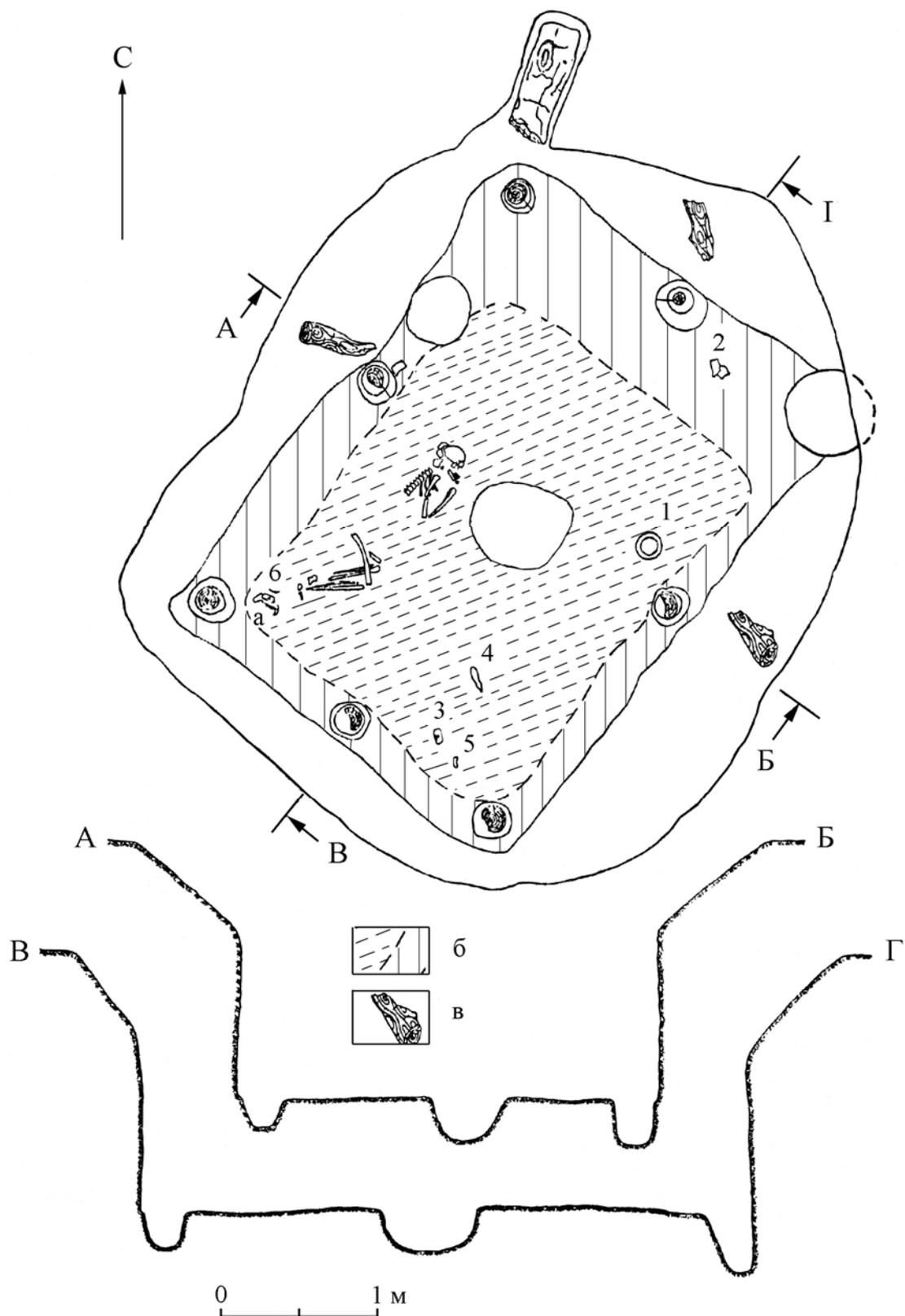

Рис. 14. Золотая Гора, курган 1. План и профиль погребения. 1, 2 – керамические сосуды; 3, 5, 6 – костяные псалы; 4 – бронзовый нож. а – челюсть кабана; б – органические подстилки; в – дерево

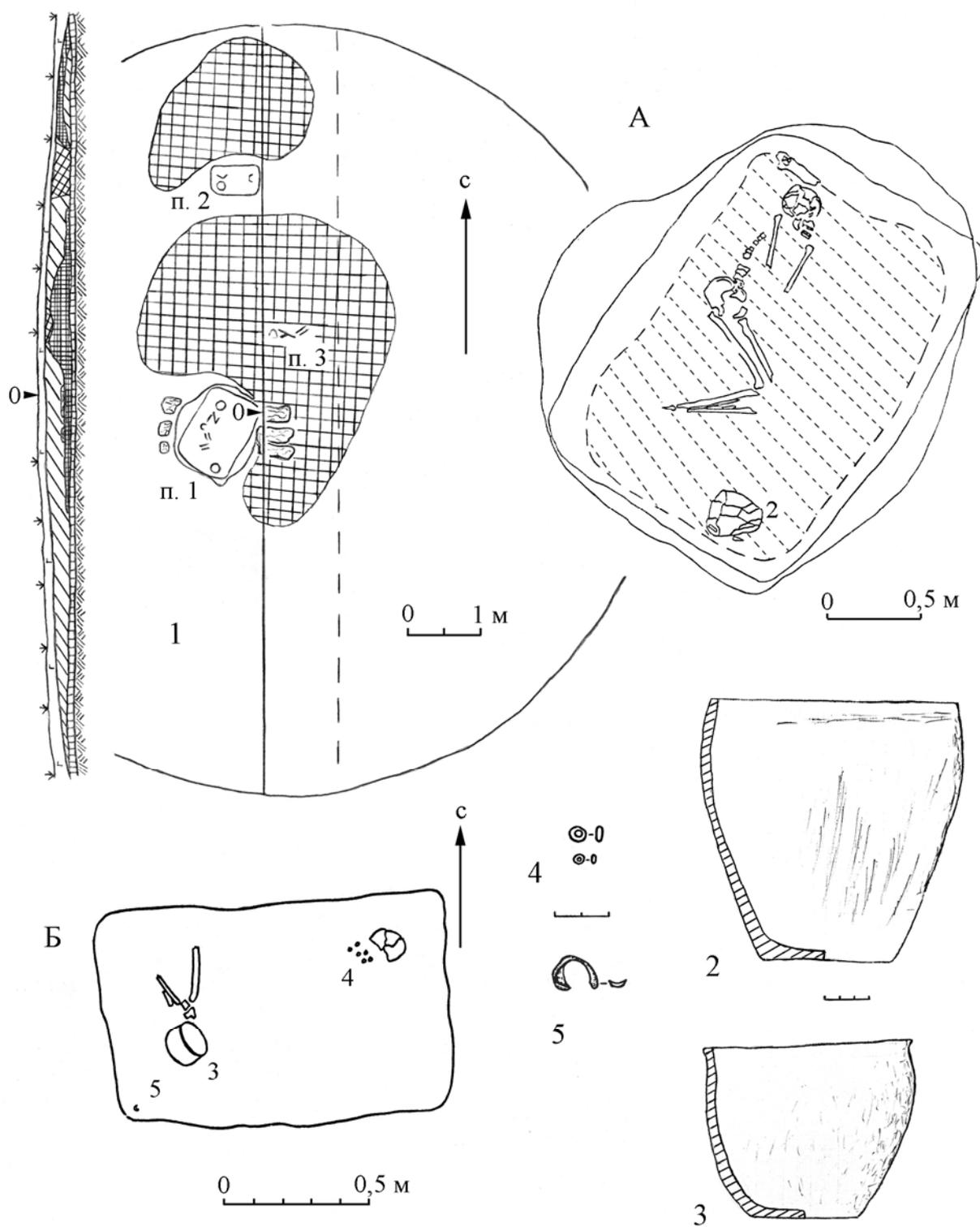

Рис. 15. Золотая Гора, курган 2. 1 – план и профиль кургана; А – погребение 1; Б – погребение 2; 2 – погр. 1; 3-5 – погр. 2. 2, 3 – керамика; 4 – паста; 5 – бронза

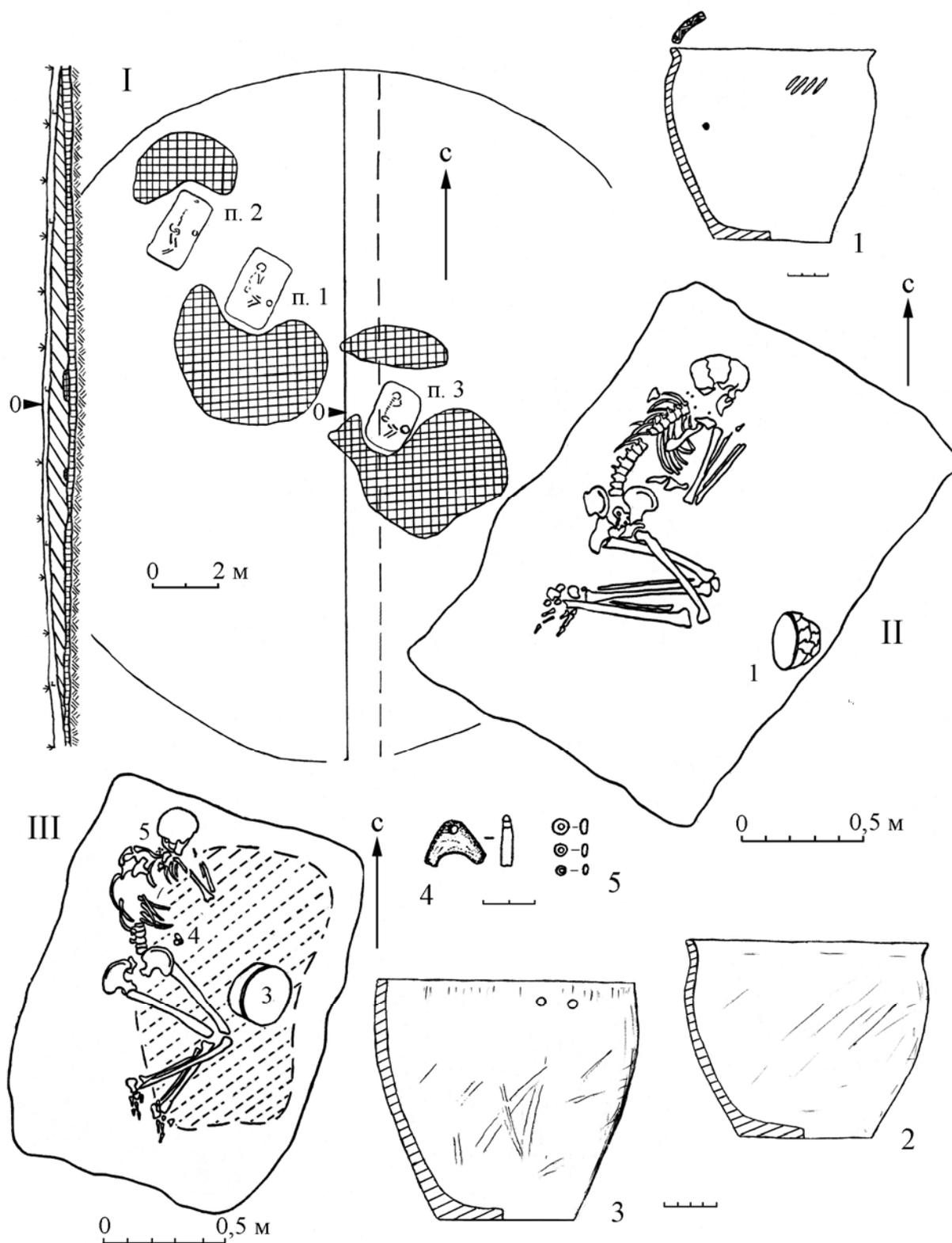

Рис. 16. Золотая Гора, курган 3. I – план и профиль кургана; II – погребение 1; III – погребение 3. 1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3-5 – погр. 3. 1-3 – керамика; 4 – кость, 5 – паста

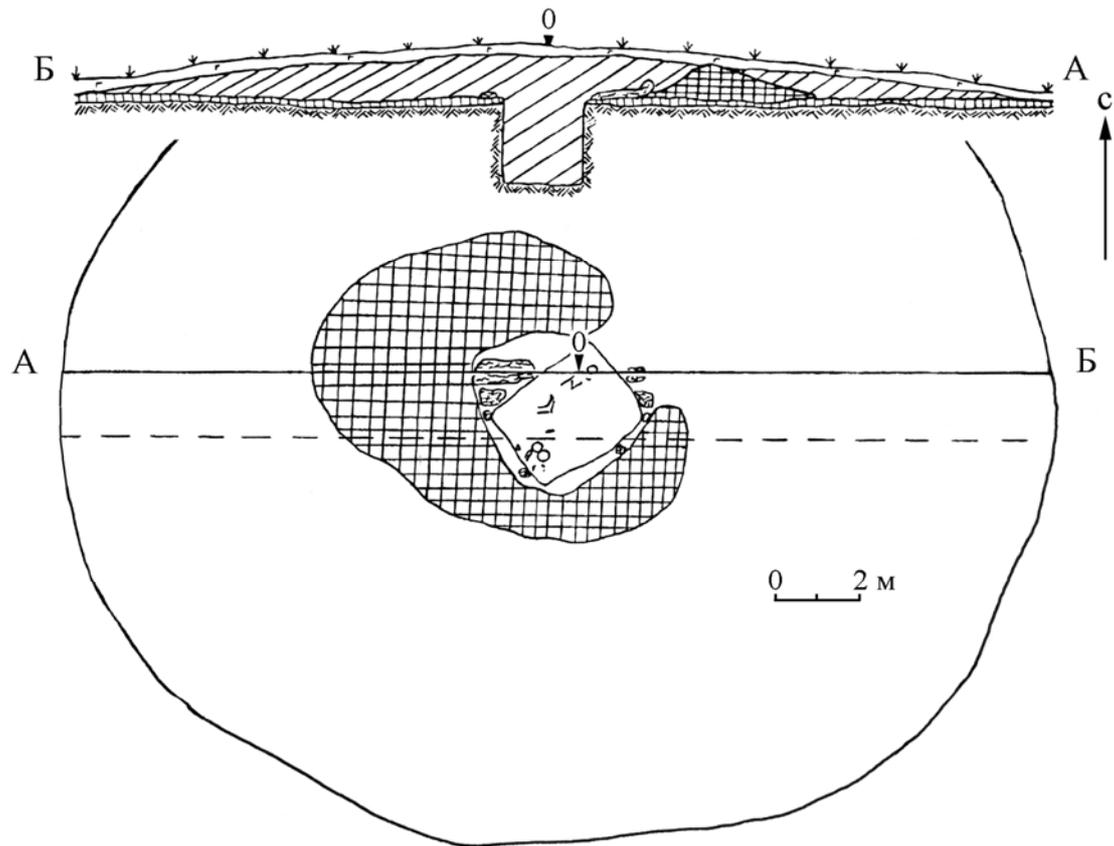

Рис. 17. Золотая Гора. План и профиль кургана 4

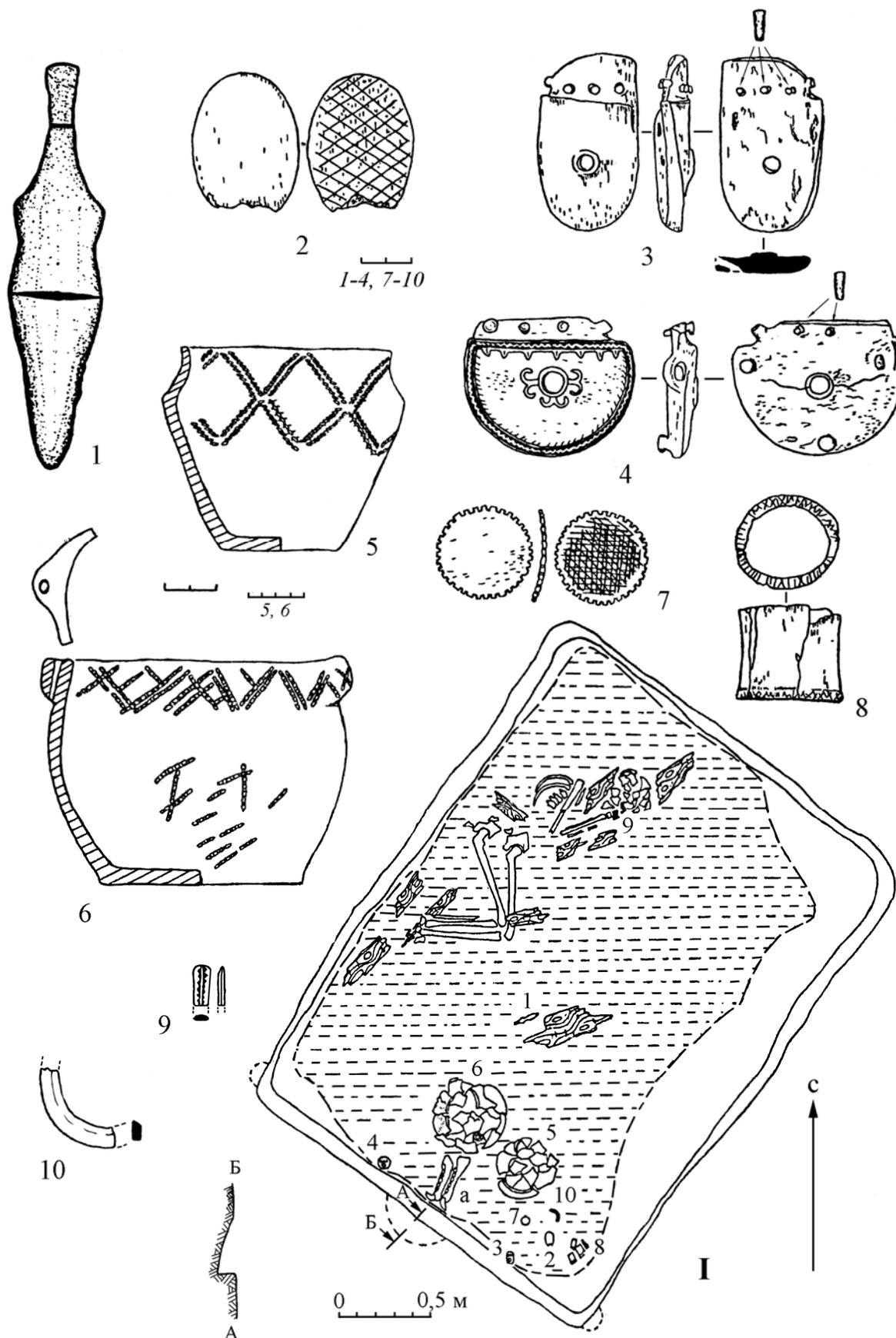

Рис. 18. Золотая Гора. План погребения (I) из кургана 4 и комплекс находок из него: 1 – бронзовый нож; 2-4, 7-10 – изделия из кости; 5, 6 – керамические сосуды; а – челюсти кабана

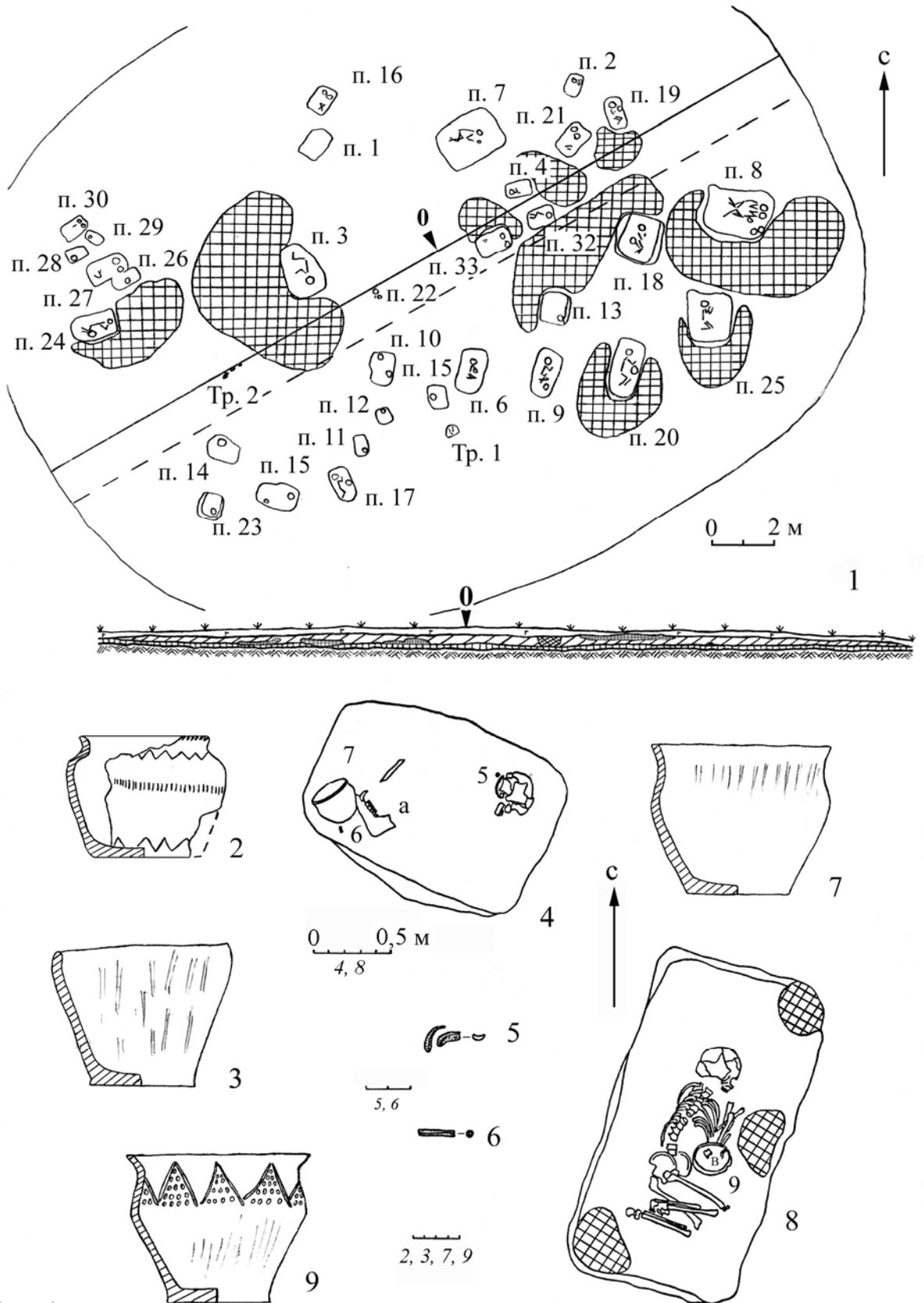

Рис. 19. Золотая Гора. Курган 5. 1 – план и профиль кургана 5; 2 – погр. 1; 3 – погр. 2; 4 – план погребения 5; 5-7 – погр. 5; 8 – план погребения 6; 9 – погр. 6. а – челюсть кабана. 2, 3, 7, 9 – керамика; 5, 6 – бронза

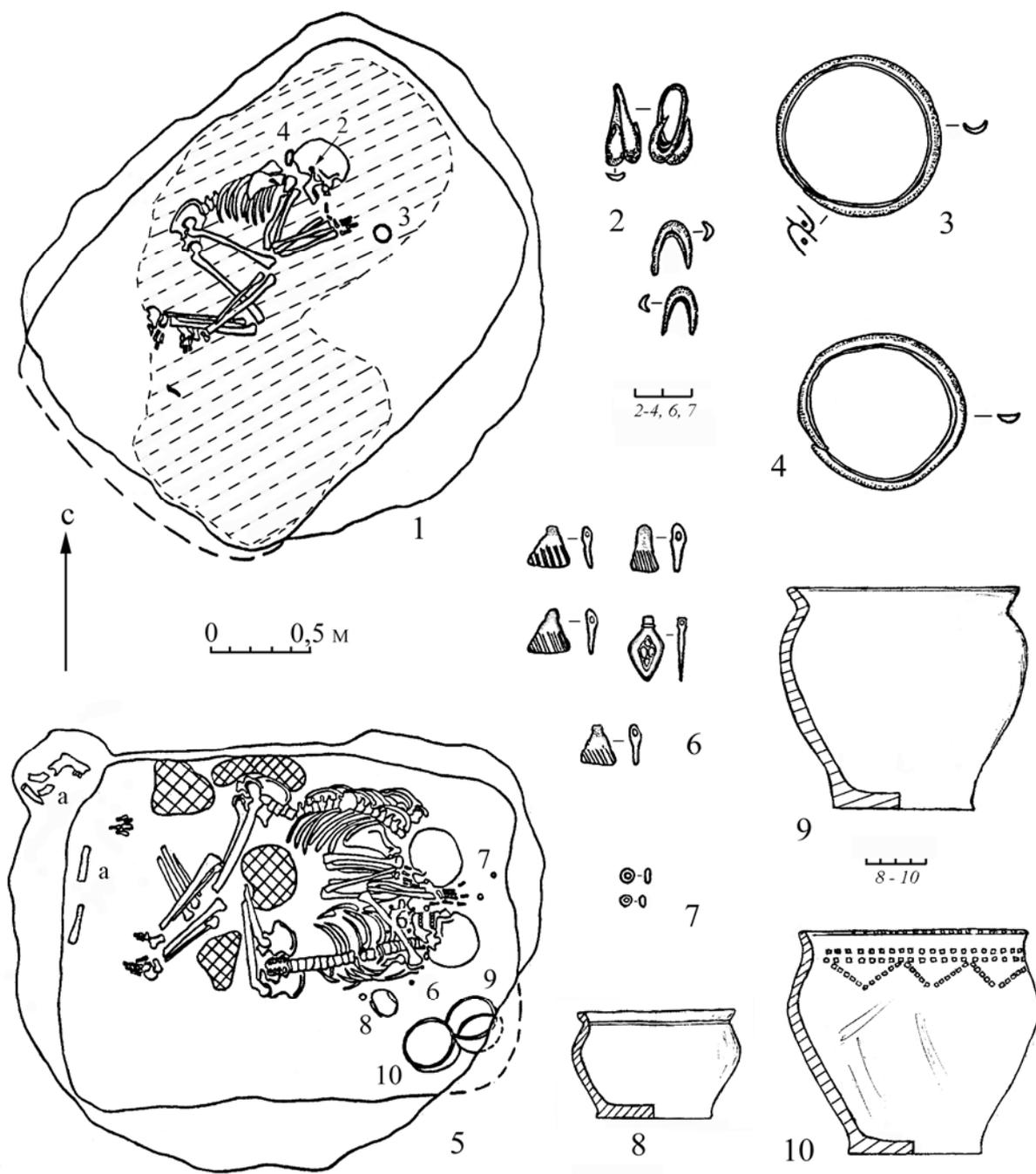

Рис. 20. Золотая Гора. Курган 5. 1 – план погребения 7; 2-4 – инвентарь погр. 7; 5 – план погребения 8; 6-10 – инвентарь погребения 8. а – кости животных. 2-4 – бронза; 6 – сурьма; 7 – паста, сурьма; 8-10 – керамика

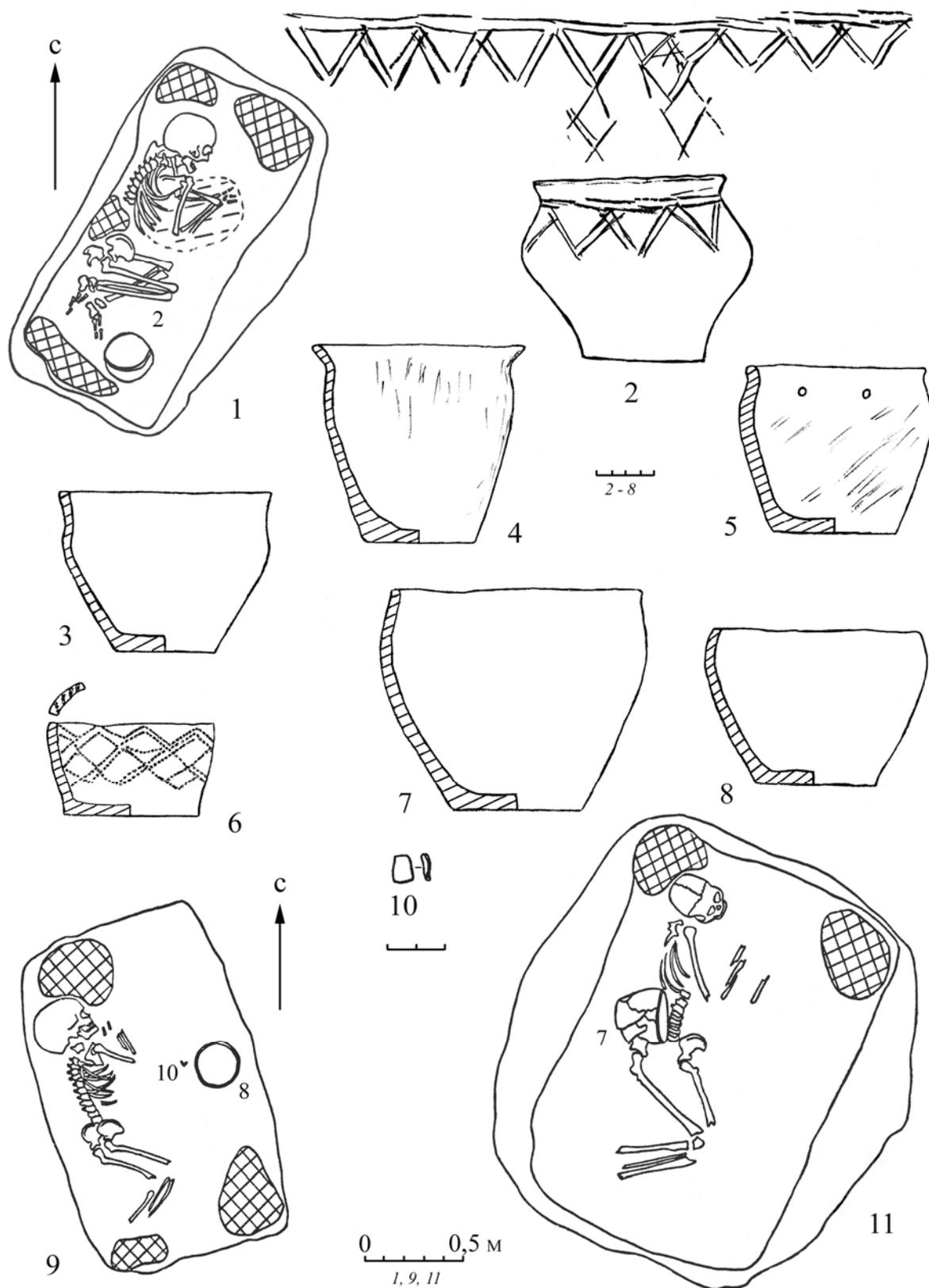

Рис. 21. Золотая Гора. Курган 5. 1 – план погребения 9; 2 – погр. 9; 3 – погр. 10; 4 – погр. 16; 5 – погр. 13; 6 – погр. 15; 7 – погр. 18; 8 – погр. 17; 9 – план погребения 17; 10 – погр. 17; 11 – план погребения 18. 2-8 – керамика; 10 – бронза

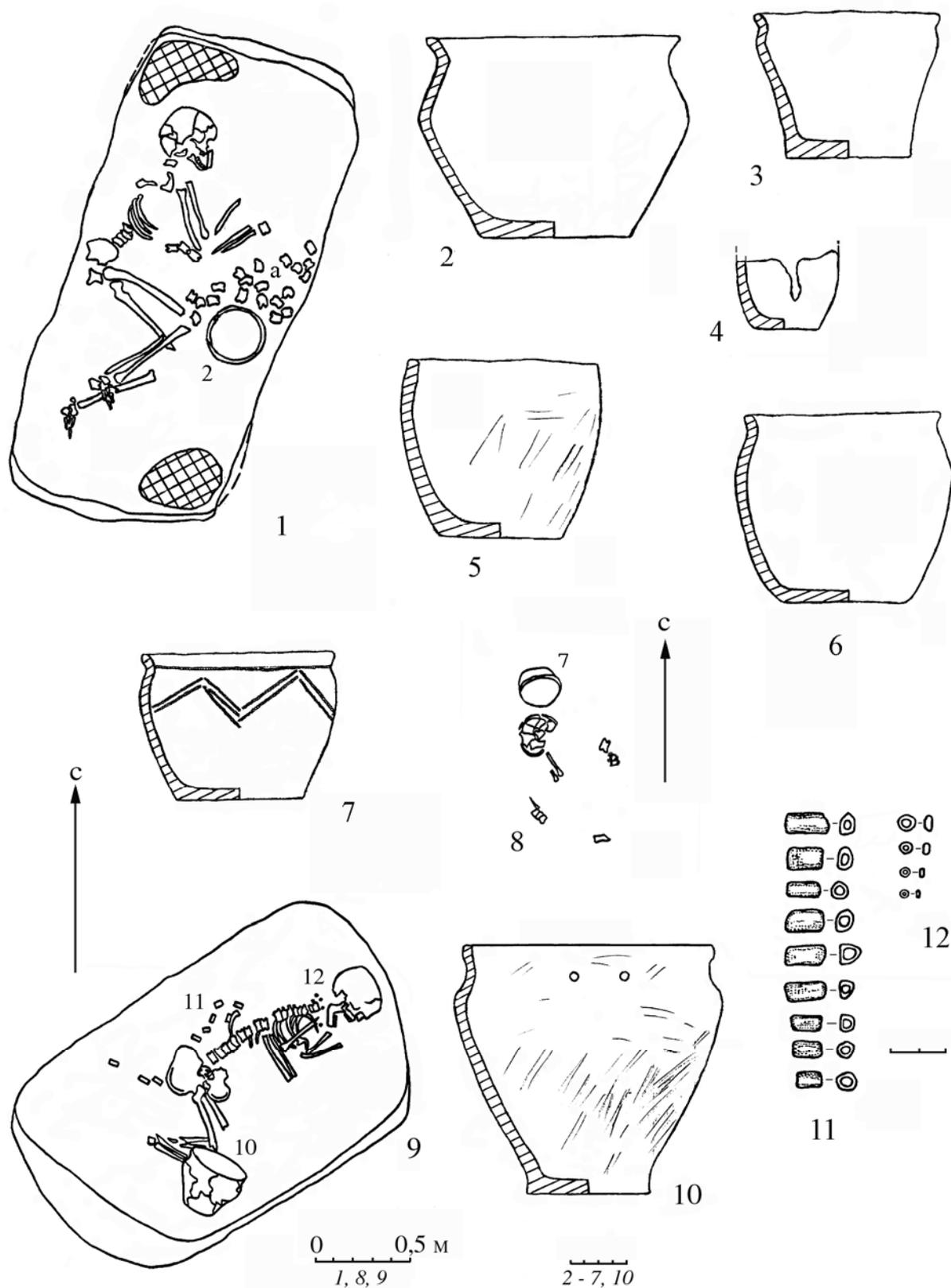

Рис. 22. Золотая Гора. Курган 5. 1, 2 – план погребения 20 и сосуд из него; 3 – погр. 19; 4, 5 – погр. 21; 6 – погр. 23; 7 – погр. 22; 8 – план погребения 22; 9-12 – план погребения 24 и находки из него. а – бараньи альчики. 2-7, 10 - керамика; 11 - кость; 12 - паста

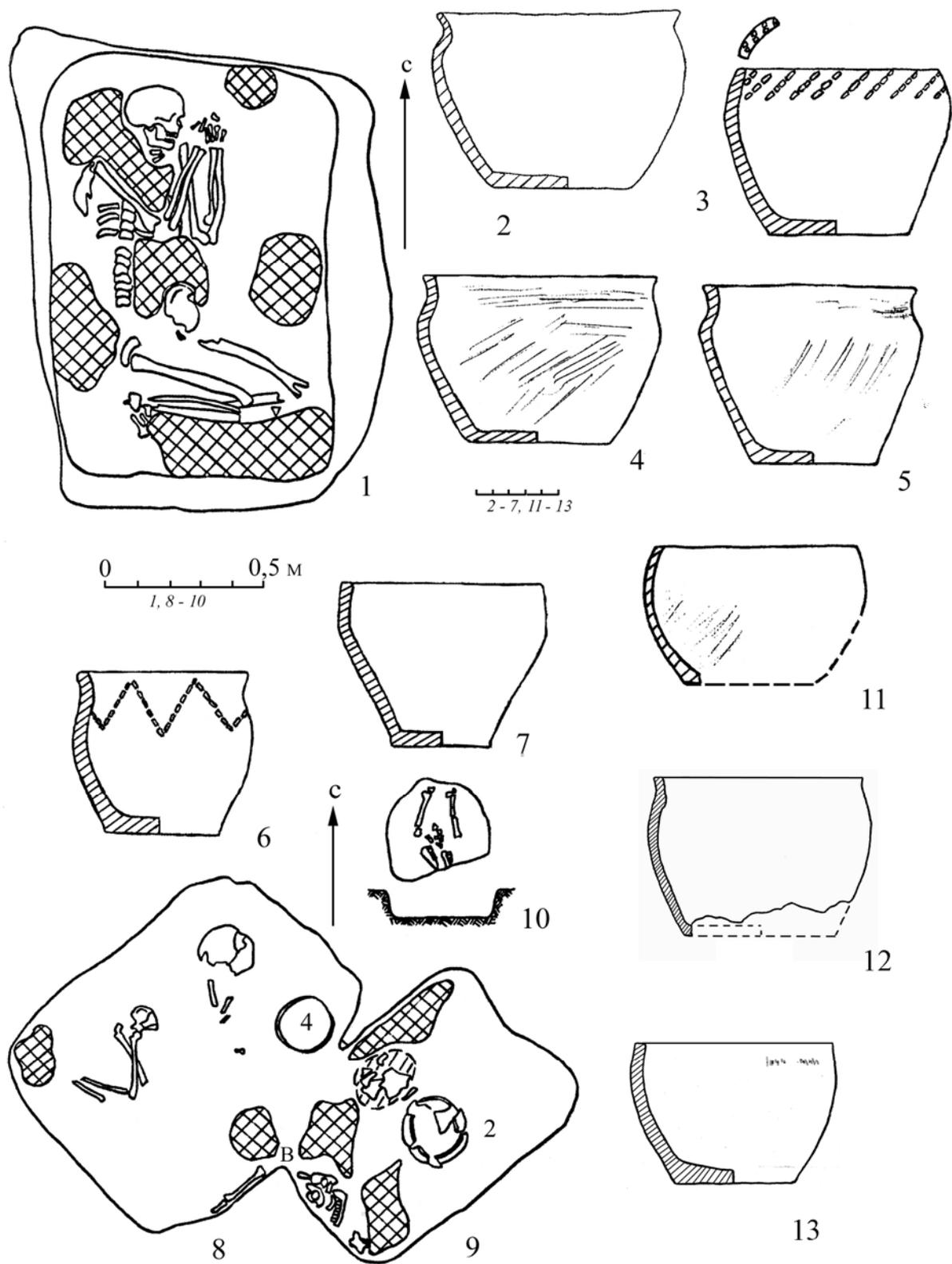

Рис. 23. Золотая Гора. Курган 5. 1 – план погребения 25; 2 – погр. 26; 3 – погр. 32; 4 – погр. 27; 5 – погр. 31; 6 – погр. 29; 7 – погр. 30; 8, 9 – план погребений 27 и 26; 10 – тризна 1; 11, 12 – сосуды из тризны 2; 13 – погр. 28. а – кости барана. 2-7, 11-13 – керамика

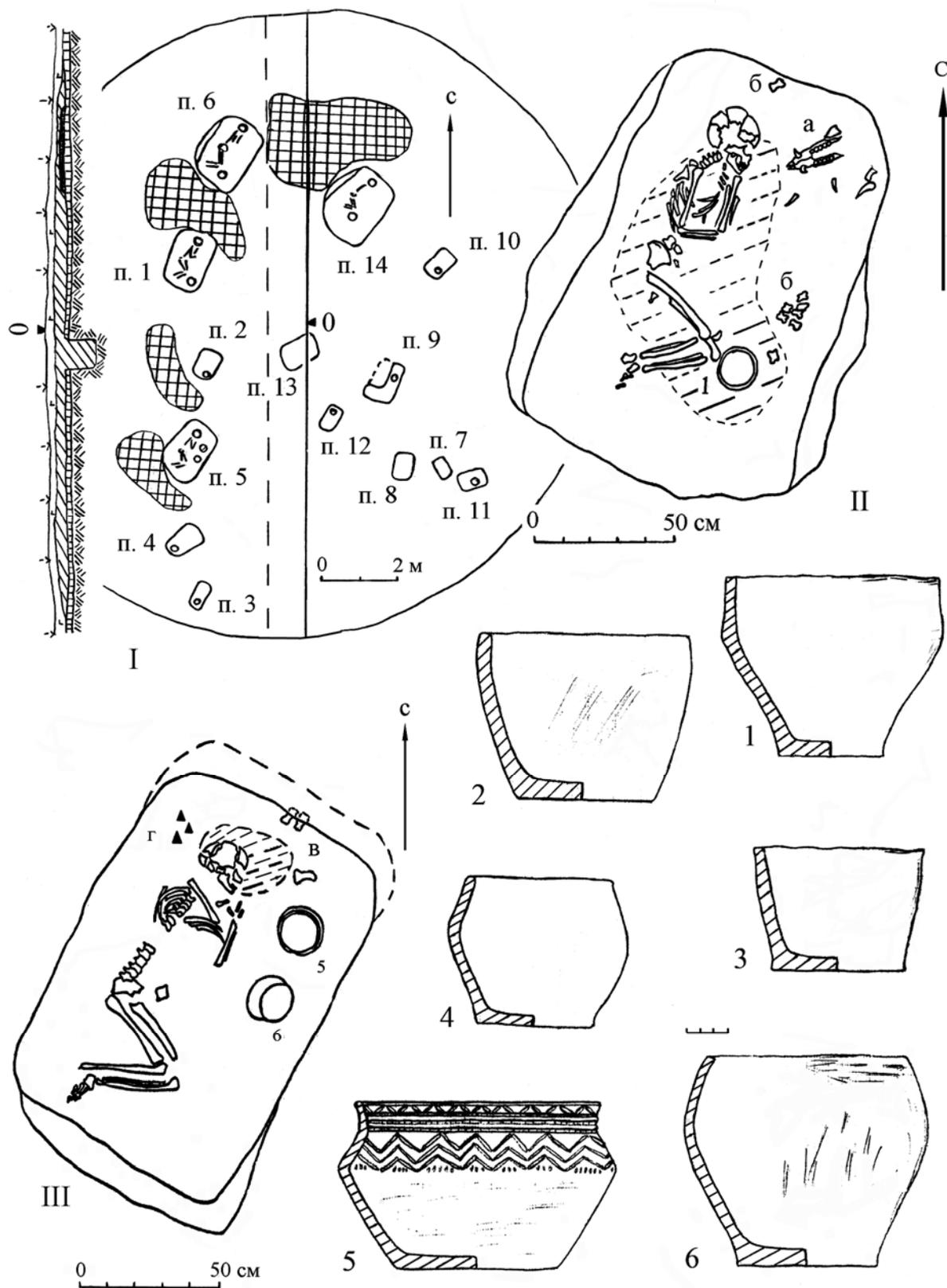

Рис. 24. Золотая Гора. Курган 6. I – план и профиль кургана; II – план погребения 1; III – план погребения 5; 1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3 – погр. 3; 4 – погр. 4; 5, 6 – погр. 5. а – челюсть кабана, б – баряньи альчики, в – путовые кости лошади, г – угольки. 1-6 – керамика

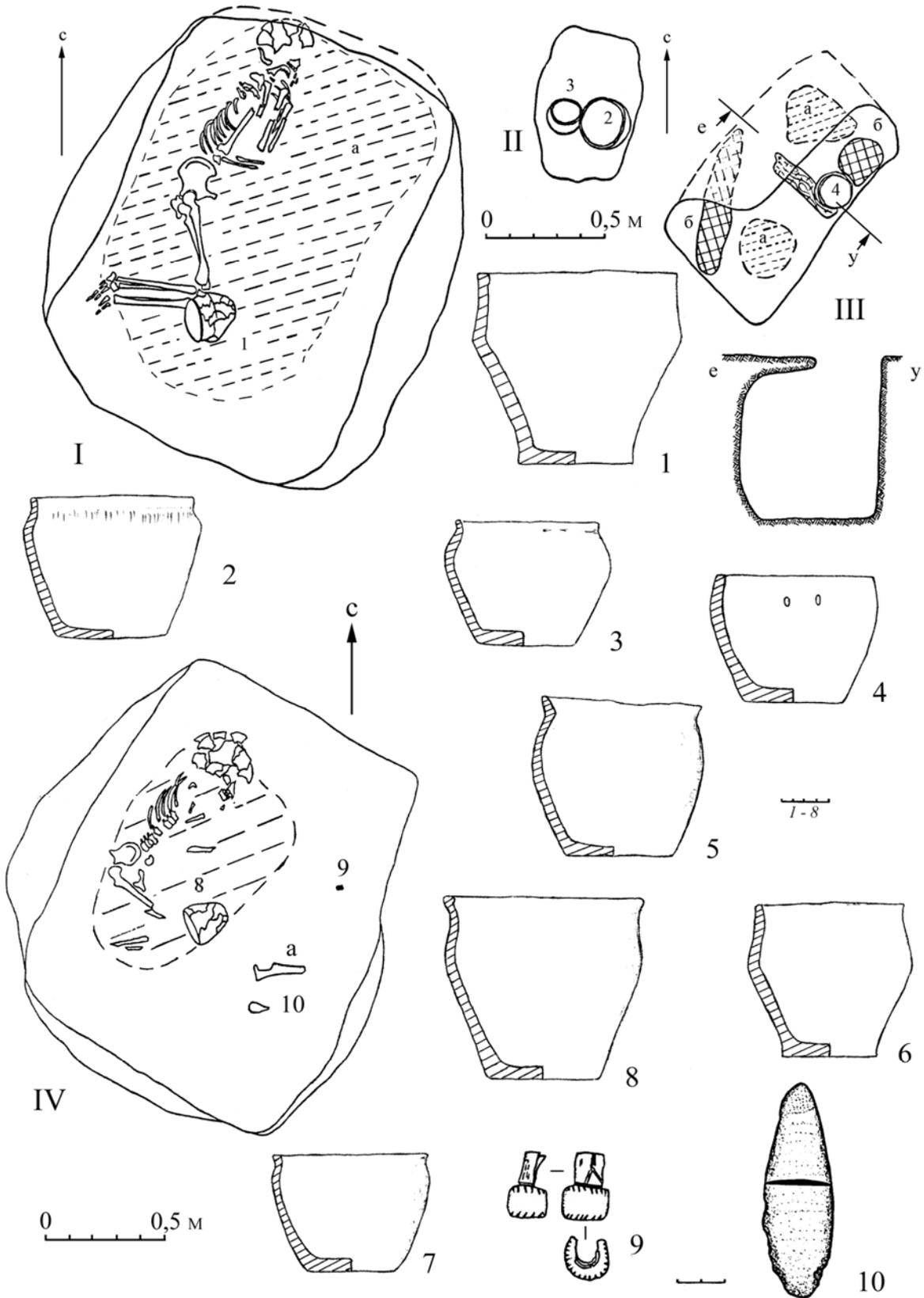

Рис. 25. Золотая Гора. Курган 6. I – план погребения 6; II – план погребения 8; III – план и профиль погребения 9; IV – план погребения 14; 1 – погр. 6; 2, 3 – погр. 8; 4 – погр. 9; 5 – погр. 10; 6 – погр. 11; 7 – погр. 12; 8-10 – погр. 14. а – кость животного. 1-8 – керамика; 9 – кость; 10 – бронза

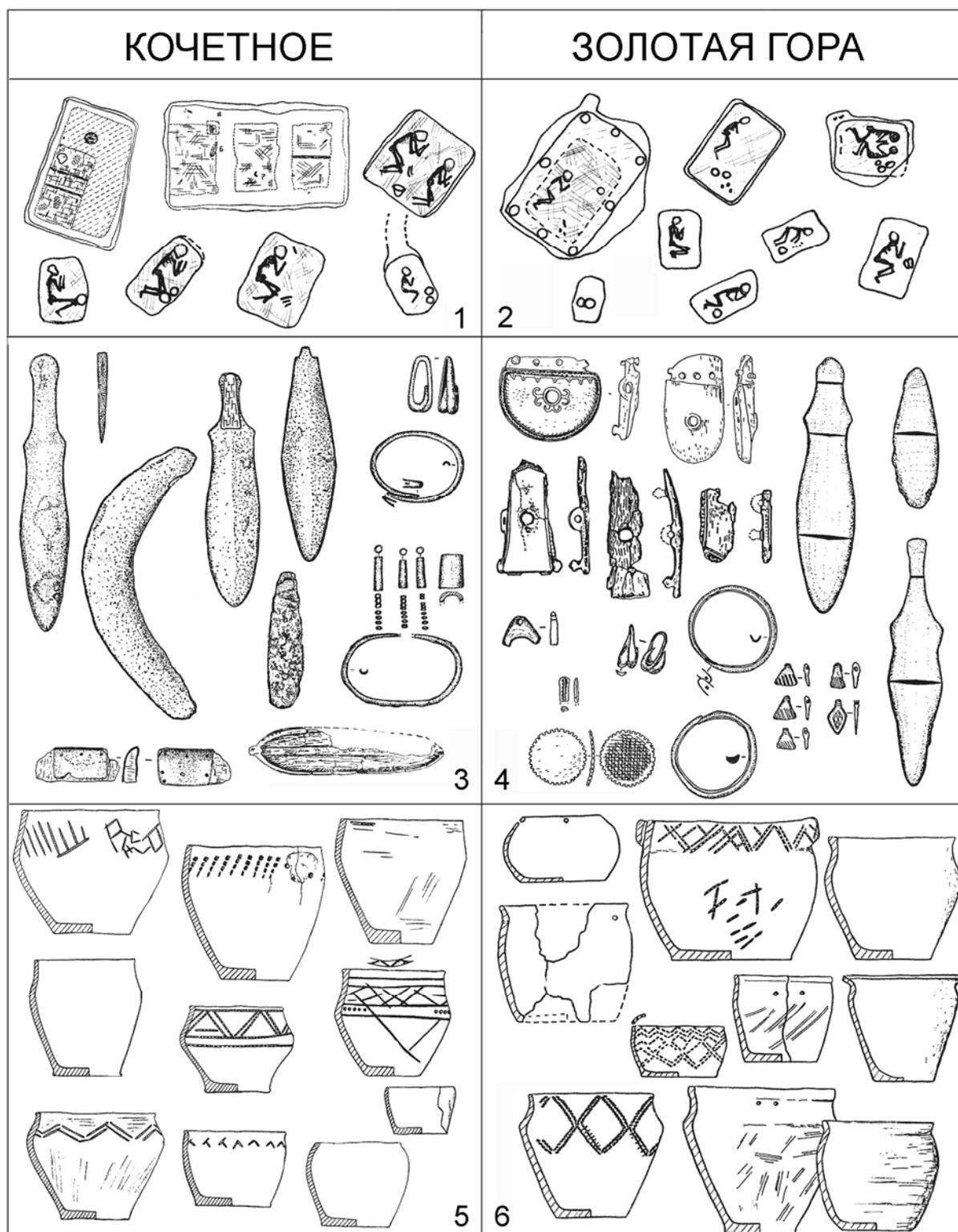

Рис. 26. Погребальный обряд и инвентарь могильников Кочетное (1, 3, 5) и Золотая гора (2, 4, 6).

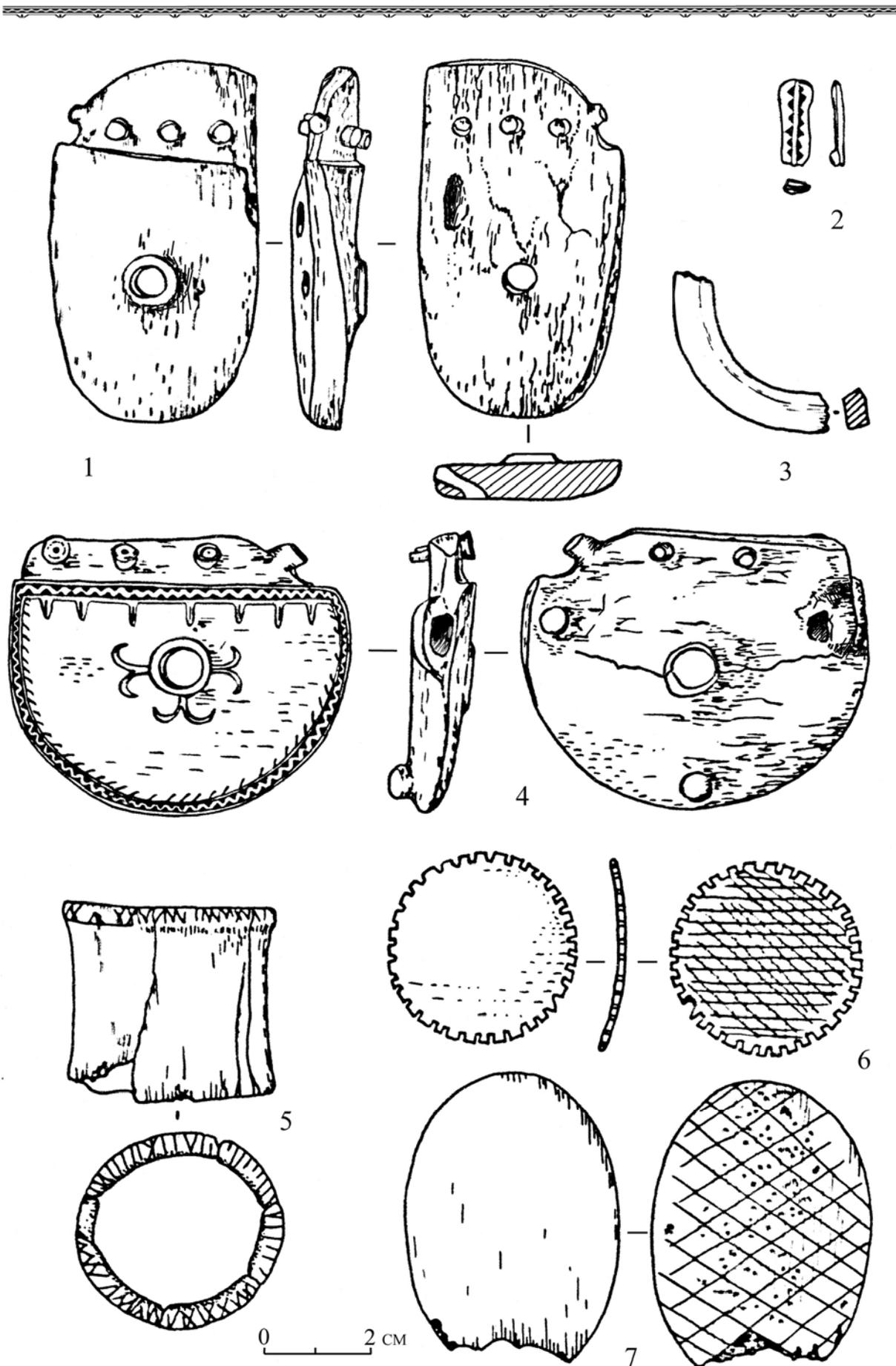

Рис. 27. Золотая гора. Комплекс костяных изделий из погребения кургана 4

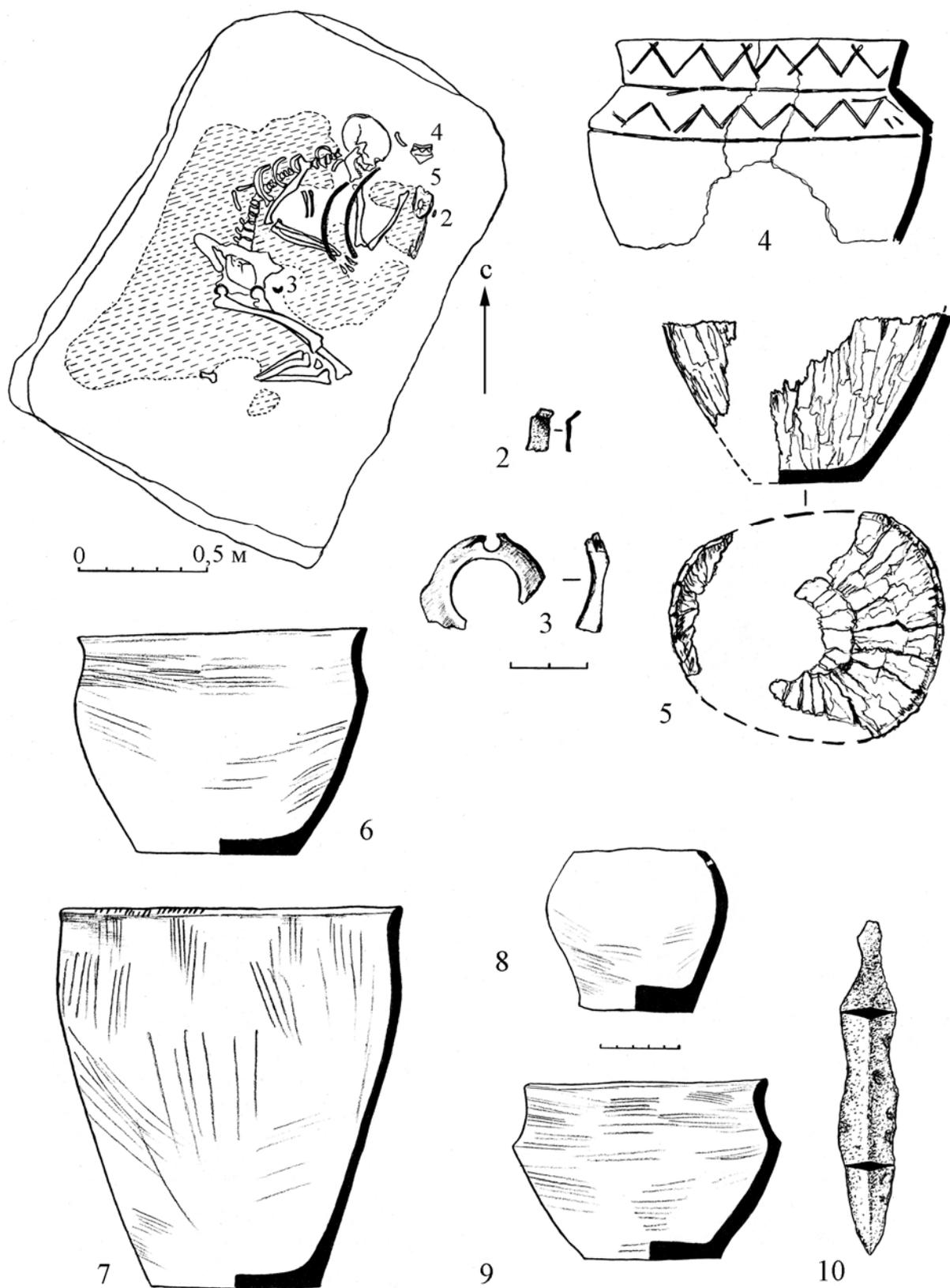

Рис. 28. Курган у с.Яблоня. 1-5 – кург. 1, погр. 4; 6 – кург. 1, погр. 1; 7 – кург. 1, погр. 7; 8, 9 – кург. 2, погр. 1; 10 – кург. 2, погр. 3

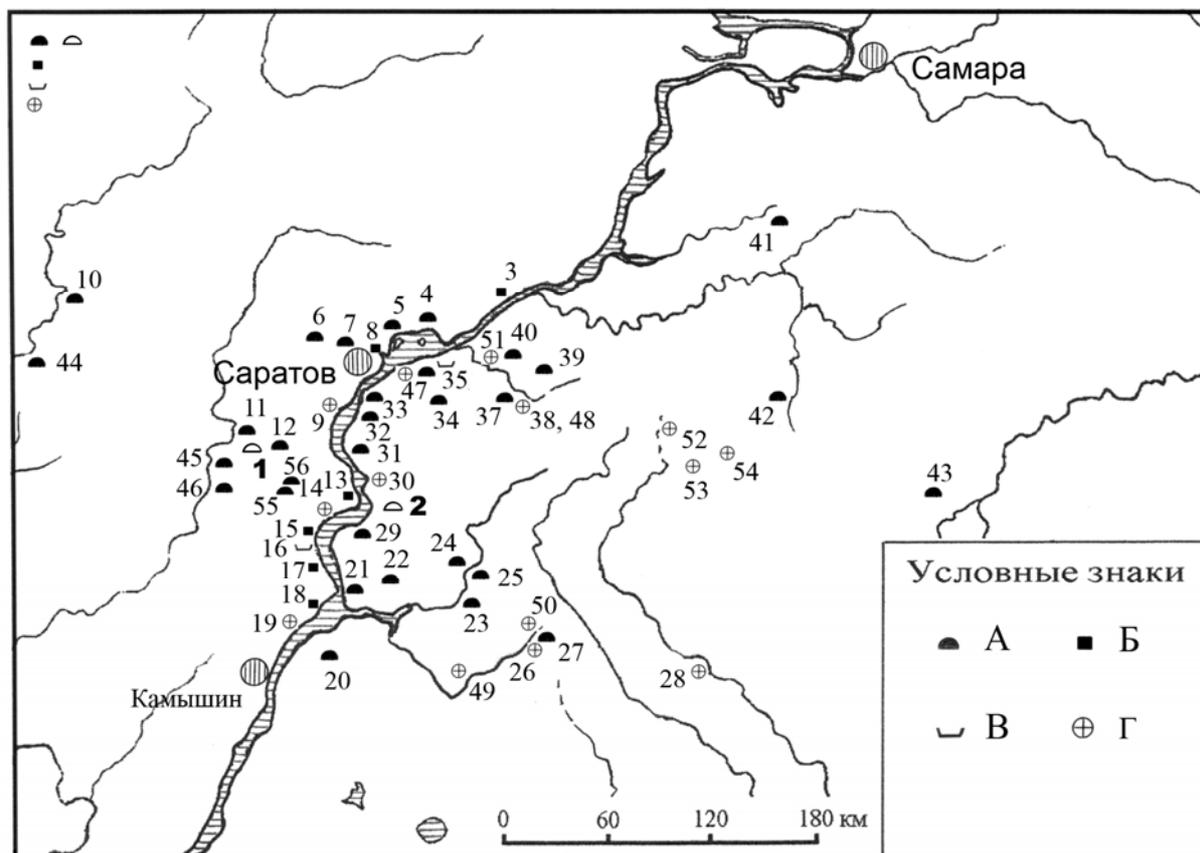

Рис. 29. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора (1) и Кочетное (2) и памятники средней бронзы в северной части Нижнего Поволжья: 3 – Хлопково городище; 4 – Букатовка-II; 5 – Усть-Курдюм I-III; 6 – Сторожевка; 7 – Жареный Бугор; 8 – Алексеевское; 9 – Еланский ручей; 10 – Крутец; 11 – Б.Дмитриевка; 12 – Рыбушка; 13 – Ахмат; 14 – Ур. Мартышкино; 15 – Лапки; 16 – Белогорский I-III; 17 – Утес Степана Разина; 18 – Терновское; 19 – Сестренка; 20 – Политотдельское; 21 – Бережновка I-II; 22 – Калиновский; 23 – Ст.Полтавка; 24 – Мирный; 25 – Н.Квасниковка; 26, 27 – Кумыска; 28 – Передовое; 29 – Ровное; 30 – Березовка; 31 – Красноармейское; 32 – Узморье; 33 – Смеловка; 34 – Грязнуха; 35, 36 – Шумейка; 37 – Советское I-II; 38 – Осинное; 39 – Рунталь; 40 – Чапаевка; 41 – Надеждинка; 42 – Светлое Озеро; 43 – Кузнецово; 44 – Тростянка; 45 – Горбатый мост; 46 – Б.Копены I, III, IV; 47 – Прапорский бугор; 48 – Тонкошуровка; 49 – Крахмал; 50 – Пшеничное; 51 – Чапаевка 2; 52 – Милорадовка I; 53 – Алтата 3, 18; 54 – Старица; 55 – Суворовский I; 56 – Мессер V.

А – подкурганные погребения; Б – городища; В – грунтовые могильники; Г – поселения

Рис. I. Кочетное. Кенотаф в кургане 7. Вид с востока.

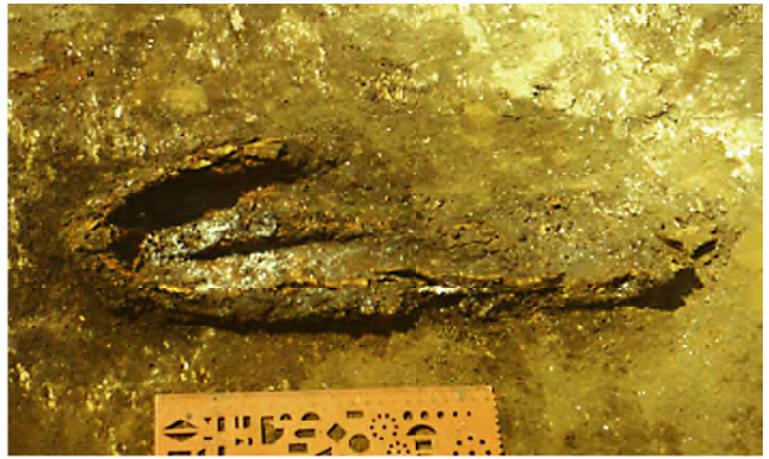

Рис. II. Кочетное. Кенотаф в кургане 7. Деревянный предмет.

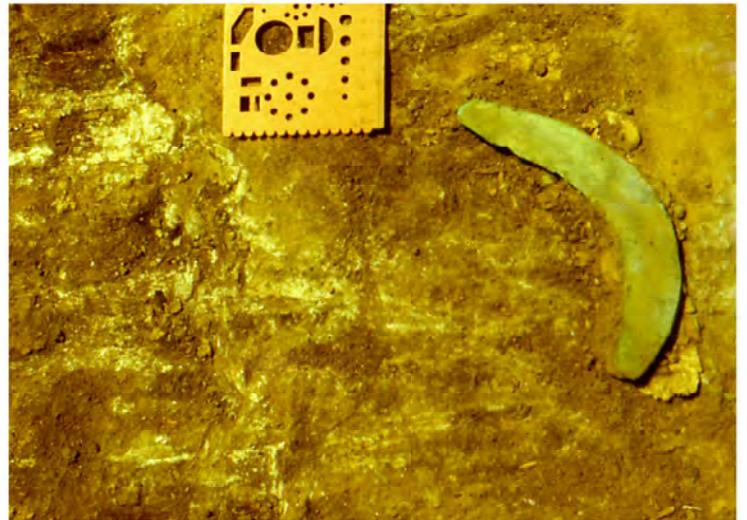

Рис. III. Кочетное. Кенотаф в кургане 7. Бронзовый серп.

Рис. IV. Кочетное. Кенотаф в кургане 6. Участок дна с имитацией черепа.

Рис. V. Кочетное. Курган 5. Следы землекопного орудия на стенке могильной ямы погребения 9.

Рис. VI. Кочетное. Курган 12, погребение 5. Вид с северо-востока.

Рис. VII. Кочетное. Курган 5, погребение 9. Берестяной "туесок".

Рис. VIII. Золотая Гора. Курган 5, погребение 8. Вид с запада.

Рис. IX. Золотая Гора. Курган 1. Стратиграфия, вид с юго-востока.

Рис. X. Золотая Гора. Курган 5. Погребения 26, 27, 28, 29, 30 (на переднем плане). Вид с северо-запада.

Рис. XI. Яблоня. Курган 1, Погребение 4. Вид с юго-запада.

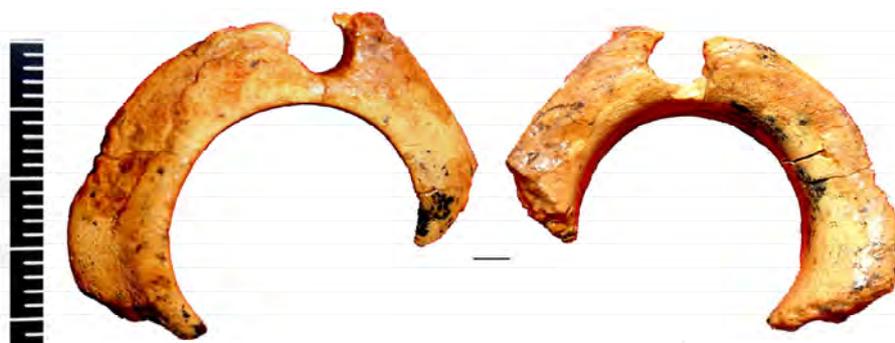

Рис. XII. Яблоня. Курган 1. Погребение 4. Костяная пряжка.

Рис. XIII. Яблоня. Курган 2. Погребение 3. Бронзовый нож.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОЧЕТНОЕ	7
ГЛАВА 2. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЗОЛОТАЯ ГОРА	21
ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКОВ КОЧЕТНОЕ И ЗОЛОТАЯ ГОРА	39
ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКОВ КОЧЕТНОЕ И ЗОЛОТАЯ ГОРА	46
О синхронизации могильников Золотая Гора и Кочетное.....	52
Курганная группа у с.Яблоня.....	57
ГЛАВА 5. О КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ РАННЕСРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
Литература	74
Список сокращений	81
Приложение	82

Научное издание

*Юдин Александр Иванович,
Матюхин Александр Дмитриевич*

Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное

Монография издана в авторской редакции

Подписано к печати 24.06.2006. Формат 60x84 1/8

ООО «Издательство «Научная книга»
410054, г.Саратов, ул.Б.Садовая, 127

Отпечатано в типографии ООО «Издательский Дом «Полиграфия Поволжья»,
г. Саратов, ул. Рабочая, 105
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 300 экз. Заказ 107.

